ISSN-0132-862X

7/8
1994

ЖУРНАЛ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

СВЯТЫЕ ПЕРВОВЕРХОВНЫЕ АПОСТОЛЫ ПЕТР И ПАВЕЛ
с житийными клеймами

Икона XVI века

1994 · 7–8

ЖУРНАЛ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

Журнал выходит ежемесячно

Адрес редакции: 119435 Москва, Погодинская ул., 20

Главный редактор-председатель Издательского отдела Московского Патриархата МИТРОПОЛИТ ВОЛОКОЛАМСКИЙ И ЮРЬЕВСКИЙ ПИТИРИМ

СОДЕРЖАНИЕ

Из определений Священного Синода (1993–1994) 2

ПРОПОВЕДЬ

Епископ Екатеринбургский и Верхотурский НИКОН. Мир всем 6
А. И. Ублажаем, ублажаем тя, преподобный отче Серафиме... 7
Отец СЕРГИЙ (Мечев). Преображение Господне 12
Архиепископ Ташкентский и Среднеазиатский ВЛАДИМИР.
Слово в день памяти святой равноапостольной великой княгини Ольги. . . . 14
Слово в день памяти святого равноапостольного великого князя Владимира. . . 20

ЦЕРКОВЬ И ВРЕМЯ

Протоиерей Глеб КАЛЕДА. Задачи, принципы и формы православного образования в современных условиях 29
Михаил ВОСТРЫШЕВ. Красная колесница 50
Протоиерей Алексей ПАВЛОВ. Торжество Православия. Ревностный поборник иконопочитания 55

ИЗ ИСТОРИИ МОНАСТЫРЕЙ

А. ЕФРЕМОВ. Троице-Одигитриева Зосимова пустынь 67

БОГОСЛОВИЕ

Александр ХОТОВИЦКИЙ. О молитве Иисусовой. Сказание о ней святых отцов Церкви и старческие советы подвижников Божиих 71
Иеромонах СЕРГИЙ (Данков). Становление гомилетики в русском богословии XIX века (Историографический обзор). 79
Валерий ЗУЙКОВ. Учение об иконопочитании преподобного Иосифа Волоцкого . . 84

СВЯТАЯ РУСЬ

Александр ДОБРОВОЛЬСКИЙ. В храме на Маросейке (Из воспоминаний об отце Алексее Мечеве) 91
Протоиерей Владислав ЦЫПИН. Протопресвитер Александр Хотовицкий 98
Г. ДУРАСОВ. Святыни каргопольские 105
Митрополит ВЕНИАМИН (Федченков). Малинка (Чудеса преподобного Серафима) . 109

ЦЕРКОВНОЕ ИСКУССТВО

В. М. ВАСНЕЦОВ. О русской иконописи 111
Гив ЛАХУТИ. Время и поэзия Мирры Лохвицкой 126
Стихотворное творчество Мирры Лохвицкой 138

7502 – Хронограф – 1994 142

Из определений Священного Синода

(1993–1994)

СВЯЩЕННЫЙ СИНОД РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В СВОИХ ПОСТАНОВЛЕНИЯХ БЛАГОСЛОВИЛ **ОТКРЫТЬ:**

Свято-Богоявленский мужской Кутеинский монастырь в г. Орша, Витебская епархия;

Казанский мужской и Вознесенский женский монастыри в г. Тамбове, Тамбовская и Мичуринская епархия;

Троице-Сыпанов Пахомиево-Нерехтский женский монастырь в Костромской епархии, с. Троица Нерехтского района;

Борисоглебский монастырь в г. Дмитрове Московской области;

Богородицкий Скоропослушнический женский монастырь в Архангельской и Мурманской епархии, г. Печоры, Республика Коми;

Свято-Троицкий женский монастырь в г. Кирове, Кировская и Слободская епархия;

Троицкий мужской монастырь в г. Чебоксары, Чебоксарская и Чувашская епархия;

Свято-Ильинский мужской монастырь в с. Никорены Дрокиевского района Республики Молдова, Кишиневская и Молдавская епархия;

Свято-Никольский Черноостровский женский монастырь в г. Малоярославец Калужской области, Калужская и Боровская епархия;

женскую обитель в с. Тетеринском Нерехтского района Костромской области, Костромская и Галичская епархия;

Троицкий женский монастырь в г. Пензе, Пензенская и Кузнецкая епархия;

Успенский женский монастырь в г. Перми, Пермская и Соликамская епархия;

Преображенский мужской монастырь в с. Волочек Молчановского района Томской области;

Свято-Троицкий женский монастырь в поселке Белопесоцком Ступинского района Московской области;

Успенский Княгинин женский монастырь в г. Владимире, Владимирская и Суздальская епархия;

Казанский женский монастырь в г. Троицке и Воскресенский мужской монастырь в деревне Иструть Саткинского района, Челябинская и Златоустовская епархия;

мужской монастырь в честь преподобного Силуана Афонского в местечке Сэн-Маре де Локне, Корсунская епархия;

Рождество-Богородицкий женский монастырь в г. Уссурийске;

Свято-Тихоновский Преображенский монастырь в г. Задонске Липецкой области;

Николо-Вяжищский женский монастырь, Иверский Валдайский мужской монастырь, Новгородский Юрьев мужской монастырь с Перынским скитом, Варлаамо-Хутынский Преображенский монастырь в Новгородской епархии;

Рождества Богородицы Снетогорский женский монастырь в г. Пскове;

Свято-Духовский мужской монастырь в г. Екабпилсе, Латвия;

Борисоглебский мужской монастырь в Тверской епархии, г. Торжок;

женский монастырь при Кресто-Воздвиженском храме г. Уфы;

Введенско-Оятский женский монастырь в Санкт-Петербургской епархии;

Свято-Покровский женский монастырь в с. Самохвалове, Омская и Тарская епархия;

Казанскую Ключевскую мужскую пустынь близ поселка Тургенево Ардатовского района Мордовии, Саранская и Мордовская епархия;

Свято-Троицкую Сергиеву мужскую пустынь на территории Петродворцового района Санкт-Петербурга;

Николо-Троицкий мужской монастырь в г. Гороховце Владимирской области, Владимирская и Суздальская епархия;

строительство Свято-Богородицкого женского монастыря при храме святых Первоверховных апостолов Петра и Павла в с. Люк Завьяловского района Удмуртской Республики, Ижевская и Удмуртская епархия;

Знаменский женский монастырь в г. Иркутске, Иркутская и Читинская епархия;

Паисиево-Галичский женский монастырь близ г. Галича Костромской области, Костромская и Галичская епархия;

Макариево-Писемский женский монастырь близ г. Буя Костромской области, Костромская и Галичская епархия;

Троицкий женский монастырь в г. Курске, Курская и Рыльская епархия;

женский монастырь Рождества Пресвятой Богородицы в поселке Солотча Рязанского района и области, Рязанская и Касимовская епархия;

Свято-Троицкий мужской монастырь в с. Чуфарове Ромодановского района, Мордовия, Саранская и Мордовская епархия;

преобразовать мужской Свято-Параскевинский Хынковский монастырь в с. Барсук Ниспоренского района Республики Молдова, открытый в 1991 году, в женский монастырь, Кишиневская и Молдавская епархия;

Свято-Успенский Цыганештский мужской монастырь в Молдове, Кишиневская и Молдавская епархия;

преобразовать Перынский скит Юрьева монастыря в Перынский Рождество-Богородицкий женский монастырь, Новгородская и Старорусская епархия;

Благовещенский женский монастырь в г. Бежецке, Тверская и Кашинская епархия;

преобразовать приход во имя святого апостола Иоанна Богослова в с. Макаровка Октябрьского района г. Саранска в Иоанно-Богословский мужской монастырь, Саранская и Мордовская епархия;

Покровский женский монастырь в г. Уральске, Уральская и Гурьевская епархия;

Троице-Стефановский Ульяновский мужской монастырь на территории Коми Республики, Архангельская и Мурманская епархия;

преобразовать приход в г. Алейске Алтайского края в Свято-Димитриевский мужской монастырь, Барнаульская и Алтайская епархия;

преобразовать Казанский приход в с. Коробейникове Усть-Пристанского района Алтайского края в Казанский мужской монастырь, Барнаульская и Алтайская епархия;

преобразовать Александро-Невский приход в г. Екатеринбурге в Ново-Тихвинский женский монастырь, Екатеринбургская и Верхотурская епархия;

преобразовать архитектурный церковный комплекс в поселке Елизавет г. Екатеринбурга в мужской монастырь во имя Всемилостивого Спаса, Екатеринбургская и Верхотурская епархия;

Успенский женский монастырь при Вознесенском приходе в с. Перевозном Воткинского района Удмуртской Республики, Ижевская и Удмуртская епархия;

Мироносицкий женский монастырь в с. Ежове Медведевского района Республики Марий Эл, Йошкар-Олинская и Марийская епархия;

Вознесенский мужской монастырь в г. Сызрани Самарской области, Самарская и Сызранская епархия;

Параскево-Вознесенский женский монастырь в с. Пайгарм Рузаевского района Мордовии, Саранская и Мордовская епархии;

Николаевский Клобуков мужской монастырь в г. Кашине, Тверская и Кашинская епархия;

преобразовать Знаменский приход в г. Барнауле в Знаменский женский монастырь, Барнаульская и Алтайская епархия;

преобразовать Покровский приход в г. Яровое Алтайского края в Покровский женский монастырь, Барнаульская и Алтайская епархия;

Вознесенский Печорский мужской монастырь в Нижнем Новгороде, Нижегородская и Арзамасская епархия;

Николаевский женский монастырь в г. Арзамасе, Нижегородская и Арзамасская епархия.

Духовное училище в г. Воронеже;

Духовную Семинарию в г. Риге;

Духовное училище на базе Благовещенского мужского монастыря в Нижегородской епархии;

Духовное училище в г. Пскове;

Духовное училище в г. Екатеринбурге;

Духовное училище в г. Самаре.

Священный Синод Русской Православной Церкви, заслушав рапорт Преосвященного епископа Архангельского и Мурманского Пантелеимона о мироточении двух икон Божией Матери в женском Скоропослушницком монастыре, что в г. Печоры Коми Республики, Архангельская епархия,

ПОСТАНОВИЛ:

1. Вознести благодарение Господу за Его благодатную милость, явленную через иконы Богоматери.

2. Признать происшедшее чудом, а иконы Богоматери чудотворными.

3. Совершать молитвенное воспоминание в качестве местночтимого праздника этого события в день обнаружения чудотворного явления.

Священный Синод Русской Православной Церкви, рассмотрев представленный митрополитом Крутицким и Коломенским Ювеналием акт от 10 июля 1994 года об истечении мира от Казанской иконы Пресвятой Богородицы в Казанской церкви села Пучкова Наро-Фоминского района Московской области,

ПОСТАНОВИЛ:

1. Вознести благодарение Господу за его благодатную милость, явленную через образ Его Пречистой Матери – Казанскую икону.

2. Признать происшедшее в Казанской церкви событие сверхъестественным, а Казанскую икону Божией Матери чудотворной.

3. Благословить совершение молитвенного воспоминания этого события 2 июля по новому стилю в качестве местночтимого праздника.

АРХИЕРЕЙСКАЯ ХИРОТОНИЯ

Во исполнение постановления Священного Синода за Божественной литургией в Богоявленском кафедральном соборе г. Москвы собором архиереев во

главе со Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием Вторым были совершены наречение и хиротония:

архимандрита Гурия (Шалимова) во епископа Корсунского 13/14 января 1993 года;

архимандрита Германа (Моралина) во епископа Якутского и Вилюйского 27/28 марта 1993 года;

архимандрита Михаила (Расковалова) во епископа Курганского и Шадринского 2/3 апреля 1993 года;

архимандрита Иоанна (Попова) во епископа Белгородского, викария Курской епархии, 3/4 апреля 1993 года;

архимандрита Максимилиана (Лазаренко) во епископа Вохотодского и Великоустюжского 9/10 апреля 1993 года;

архимандрита Пантелеимона (Кубового) во епископа Балтийского 1/2 мая 1993 года;

архимандрита Никона (Миронова) во епископа Задонского 20/21 июля 1993 года.

7 марта 1993 года в кафедральном соборе Лондона Преосвященным митрополитом Сурожским Антонием и собором Преосвященных архиереев совершена хиротония архимандрита Василия (Осборна) во епископа Сергиевского.

2 мая 1993 года в Успенском кафедральном соборе г. Смоленска собором архиереев во главе с Патриархом Московским и всея Руси Алексием Вторым совершена хиротония архимандрита Пантелеимона во епископа Балтийского, викария Смоленской епархии.

В храме Рождества Богородицы в г. Йошкар-Ола Святейший Патриарх Алексий Второй с собором Преосвященных архиереев совершил наречение и хиротонию архимандрита Иоанна (Тимофеева) во епископа Йошкар-Олинского и Марийского 24/25 июля 1993 года;

архимандрита Симона (Гетя) во епископа Тихвинского, викария Санкт-Петербургской епархии, 2/3 октября 1993 года;

архимандрита Ростислава (Девятова) во епископа Магаданского и Чукотского 27/28 ноября 1993 года в Феодоровском кафедральном соборе г. Ярославля;

архимандрита Михея (Хархарова) во епископа Ярославского и Ростовского 17 декабря 1993 года в Феодоровском кафедральном соборе г. Ярославля.

Наречение и хиротонию архимандрита Нестора (Сапсая) во епископа Петропавловского и Камчатского 5/6 марта 1994 года совершил с собором архиереев в Богоявленском кафедральном соборе г. Москвы митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий.

Наречение и хиротонию архимандрита Антония (Масендича) во епископа Барнаульского и Алтайского 18/19 марта 1994 года совершил в Троицком соборе Данилова монастыря Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий Второй с собором архиереев.

МИР ВСЕМ

Желание мира во все времена было одним из самых пламенных чаяний человечества. Народы языческие мечтали о мире всеобщем, простирающемся на всех людей и на всю природу. Народ Божий жил также ожиданием мира.

И этот мир, давно ожидаемый, явился в лице Христа. Христос *есть мир наш* (Еф. 2, 14).

Приветствием мира встретили явление Спасителя в мир Ангелы Божии: *Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение* (Лк. 2, 14). С пожеланием мира расставался с учениками Господь наш Иисус Христос, когда в прощальной беседе Своей говорил: *Мир оставляю вам, мир Мой даю вам* (Ин. 14, 27).

Миром для мира началась земная жизнь Иисуса Христа, в мире она совершилась и со словами мира закончилась. Итак, первое и последнее слово нашего Господа и Божественного Учителя было слово "мир". Мир и любовь — вот две добродетели, по которым люди будут узнавать и отмечать учеников Христовых: тот, кто будет утверждать в сердцах людей мир, получит высшую награду — он *сыном Божиим наречется* (Мф. 5, 9).

Апостолы по примеру Христа чаще всего напоминают нам с вами о мире. *Аще от вас есть, со всеми человеки мир имейте* (Рим. 12, 18), *мирствуйте в себе* (1 Сол. 5, 13). Святой апостол Павел, брошенный в темницу за свою проповедь Распятого, умоляет христиан *блюсти единство духа в союзе мира* (Еф. 4, 3).

Поэтому мысль о принесении в жертву благу и общему делу, а особенно церковному, всяких личных интересов должна быть главной мыслью при устройстве своей жизни и отношений друг к другу. Но, если мы обратимся к себе самим, заглянем внутрь своего сердца, что мы увидим там? Мир и единение? Нет! В нашем сердце, в нашем сознании почти полностью отсутствует завещанный нам от Бога мир. Мы живем как бы на поле постоянной брани друг с другом, и над нами сбывается горькое слово пророка: *Ждем мира, а ничего доброго нет, — времени исцеления, и вот ужасы* (Иер. 8, 15).

Ежедневно мы бываем свидетелями страшных проявлений вражды, озлобления и ожесточения, неуважения к достоинству человека, убийств и — самое страшное — самоубийств.

С ропотом неудовольствия люди ищут и домогаются правды жизни. Сыны великой России, чада в основном единой Церкви — все мы разделились до крайней степени отчуждения. *Сын позорит отца, дочь восстает против матери, невестка против свекрови своей, враги человеку домашние его* (Мих. 7, 6).

В жизни мы видим, что общество людей раскололось на всевозможные группы, которые, по Апостолу, *друг друга угрожают и съедают*, так что появляется опасение, чтобы они *не были истреблены друг другом* (Гал. 5, 15). Правда, в этих группах на первый взгляд много жизни, рвущегося вперед движения, но в то же время нет мирных благодатных настроений, нет Христа и Его Божественной правды. Есть дикая свобода, переходящая в произвол, есть

смелость, переходящая в дерзость, но нет Христа.

Единство — основная черта каждого сообщества, а особенно Церкви. И поэтому, устрояя дело нашего спасения, всеведущий Господь с самого начала указал нам не порознь, а вместе, всею Церковью, соборно, идти к Вечной жизни.

В мире и единении должна протекать наша жизнь, в них наша крепость, наше спасение от всяких бед и скорбей. Не может быть истинно счастливой жизни в том обществе, где люди стремятся в противоположные стороны. По словам Иоанна Златоуста, любая мощь государства сокрушается, если в нем возникает междоусобие, и ничто не ослабляет так общество, как ссоры и распри. Где разлад и группы, там неизбежна борьба, а где борьба — там кипение страстей, там вражда и злоба, часто переходящие в кровавые столкновения и убийства.

Особенно опасен разлад в нашей Церкви сейчас, когда в сознание верующих, а особенно подрастающего поколения, сознательно и беспощадно вносится растление с помощью порнографии, ужасов и насилия через западные фильмы. Раскол и сектантство открыто обрушиваются на исконно православные территории, отторгая от Святой Церкви Христовой ее нетвердых в вере чад. Добродетель осмеивается, а ложь и наглость приветствуются.

Дорогие чада мои, время ли теперь для разделения и споров, когда столько бед угрожает нам?! Нет, в наши лукавые дни не бежать от Церкви нам нужно, а укреплять мир, любовь и согласие с нашей Матерью Церковью. Будем больше стремиться к единению, любви и милосердию. Будем же молиться, возлюбленные, чтобы снизошли мир и благословение Христово в наши дома, в нашу повседневную жизнь — церковную, частную и общественную.

Без Христа мы с вами — ничто, Церковь Христова — наша матерь, она ждет нашего покаяния. И если мы его принесем от чистого сердца, — милость Божия изобильно изольется на семьи наши, на дома наши, на страну нашу.

Пусть каждый прочувствует это, пусть каждый поймет, что благополучие его детей и внуков он созидает сейчас, в это время, и на каком бы посту он ни находился, ему рано или поздно придется держать ответ и перед Богом, и перед Отечеством. Господь поругаем не бывает.

Епископ Екатеринбургский и Верхотурский НИКОН

Ублажаем, ублажаем тя, преподобне отче Серафиме...

1(19) августа Православная Церковь празднует память дивного угодника Божия, покровителя и молитвенника земли Русской преподобного Серафима Саровского.

Житие его почти всем известно. Книги о преподобном старце, изданные у нас большим тиражом, читали некогда наши бабушки и дедушки и даже, может быть, наши родители, и эти книги поддерживали в них живое горение любви к дивному угоднику Божию, повествуя о подвигах и наставлениях преподобного Серафима. Теперь и мы имеем такую радостную возможность — подробно узнать его житие и руководствоваться его наставлениями на пути к Богу.

Преподобный Серафим Саровский живою любовью к людям подобен ключу, который забил чистою струею из

глубины темного леса, разлился в реку и, неся в море неиссякающие воды свои, поит миллионы людей. Живя на земле, старец Божий учил, утешал, исцелял тех, кто с верой, любовью, надеждой приходил к нему, подкреплял и вразумлял тех, кто желал побеждать грехи. "Умру, в могиле буду лежать, но вы приходите ко мне на могилку, здесь, как живому, расскажите мне все, что ваше сердце хочет сказать, и я, как живой, и из могилки услышу вас", — говорил старец духовным чадам перед смертью.

Не всем людям, особенно беднякам, труженикам или больным, даже при глубокой вере в молитвенную помощь и любовь старца удается прийти на его могилку, но зато все могут прочитать советы его сердца святого, которые он оставил нам.

В день Рождества Христова 1832 года некто раб Божий удостоился видеть отца Серафима в Саровской пустыни. "Я, — говорил этот раб Божий, — пришел в больничную церковь к ранней обедне еще до начала службы и увидел, что отец Серафим сидит на правом клиросе, на полу... По окончании же обедни, когда я снова подошел к нему, он приветствовал меня словами: "Молитвами Пресвятыя Богородицы все благо будет!" Тогда я осмелился попросить его о назначении мне времени для выслушания от него спасительных советов. Старец на то отвечал так: "Два дня праздника. Времени не надо назначать. Святой апостол Иаков, брат Божий, поучает нас: аще Господь восхощет и живы будем, сотворим сие и сие".

Я спросил его: продолжать ли мне службу или жить в деревне? Отец Серафим отвечал: "Ты еще молод, служи". "Но служба моя нехороша", — возразил я. "Это от твоей воли, — отвечал старец. — Добро делай; путь Господень все равно! Враг везде с тобой будет. Кто приобщается — везде спасен будет, а кто не приобщается — не мню. Где господин, там и слуга будет. Смиряй себя, мир сохраняй, ни за что не злобься".

Я спросил еще: благополучно ли кончится мое дело? Старец отвечал: "Надобно полюбовно разделиться с родными, у кого есть что разделить. Было у двух родных братьев два озера; у одного все множилось, а у другого нет. Тот и хотел завоевать войною. Одному нивы надобно двенадцать сажень, а другому более. Не пожелай".

После того я спросил: учить ли детей языкам и прочим наукам? И он отвечал: "Что же худого знать что-нибудь?" Я же, грешный, подумал, рассуждая помирскому, что нужно, впрочем, ему самому быть ученым, чтобы отвечать на это, и тот час же услышал от прозорливого старца обличение: "Где мне, младенцу, отвечать на это против твоего разума? Спроси кого поумней..."

Вечером я умолял его продолжить спасительную беседу и предложил ему следующий вопрос: скрывание дел, предпринятых во имя Господне, в случае, когда знаешь, что получишь за них скорее осмеяние, нежели похвалу, не похоже ли на отвержение Петра? И что делать при противоречиях? Старец на это отвечал мне так: "Святой апостол Павел в послании к Тимофею говорит: пей вино вместо воды, а вслед за ним следует: не упивайся вином. На это надо разум. Не вострубы, а где нужно, не промолчи".

Я спросил еще: что прикажет он мне читать? И получил ответ: "Евангелие по четыре зачала в день, каждого евангелиста по зачалу, и еще жизнь Иова. Хотя жена и говорила ему: лучше умереть, а он все терпел и спасся. Да не забывай дары посылать обидевшим тебя".

На вопросы мои: должно ли лечиться в болезнях и как вообще проводить жизнь — он отвечал: "Болезнь очищает грехи. Однако же воля твоя. Иди средним путем; выше сил не берись — упадешь, и враг посмеется тебе. Однажды диавол предложил праведнику прыгнуть в яму, тот было согласился, но Григорий Богослов удержал его. Вот что делай: укоряют — не укоряй; гонят — терпи; хулят — хвали; осуждай сам себя,

так Бог не осудит, покоряй волю свою воле Господней; никогда не льсти; познавай в себе добро и зло — блажен человек, который знает это; люби ближнего твоего: ближний твой — плоть твоя. Если по плоти живешь, то и душу и плоть погубишь; а если по-Божьему, то обоих спасешь. Эти подвиги больше, чем в Киев идти или и далее, кого Бог позовет".

Последние слова отца Серафима относились к желанию моему отправиться на богомолье в Киев и далее, если благословит. Впрочем, я не открыл ему еще этого желания, и отец Серафим узнал о нем единственно по дару прозрения, которое имел он по благодати Божией... Я попросил его помолиться обо мне, он отвечал: "За всех молюсь всякий день. Устрой мир душевный, чтобы никого не огорчать и ни на кого не огорчаться, тогда Бог даст слезы раскаяния". И опять подтвердил: "Укоряют — не укоряй".

На вопрос мой: как сохранить нравственность людей, мне подчиненных, и не противны ли Богу законные, по-видимому, наказания — он отвечал: "Милостями, облегчением трудов, а не ранами. Напои, накорми, будь справедлив. Господь терпит; Бог знает, может быть, и еще протерпит долго. Ты так делай: аще Бог прощает, и ты прощай. Сохрани мир душевный, чтобы в семействе у вас ни за что не было ссоры; тогда благо будет. Исаак, Авраамов сын, не злобился, когда у него колодцы засыпали, и отходил; а потом его же стали просить к себе, когда Господь Бог благословил его стократным плодом ячменя".

Я спросил старца: нужно ли молиться Богу об избавлении от опасных случаев? Старец отвечал: "В Евангелии сказано: *молящеся же не лишше глаголите... весть бо Отец ваш, ихже требуете, прежде прошения вашего. Сице убо молитеся вы: Отче наш, иже еси на небесех, да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли. Хлеб наш насущный даждь нам днесь. И остави нам долги наша, яко и мы оставляем должником нашим. И не введи нас во искушение, но избави нас от лукаваго* (Мф. 6, 9). Тут благодать Господня; а что приняла и облобызала Святая Церковь, все для сердца христианина должно быть любезно. Не забывай праздничных дней: будь воздержан, ходи в церковь, разве немощи когда, молись за всех: много этим добра сделаешь; давай свечи, вино и елей в церковь: милостыня много тебе блага сделает".

Когда я спросил о посте и браке, старец сказал: "Царство Божие не брашно и питие; но правда, мир и радость о Дусе Святе; только не надобно ничего суетного желать, а все Божие хорошо: и девство славно, и посты нужны для побеждения врагов телесных и душевных".

На вопрос мой о духе мнительности и о хульных помыслах он отвечал: "Неверного ничем не уверишь. Это от себя. Псалтирь купи: там все есть".

Я спросил его: можно ли есть скоромное по постам, если кому постная пища вредна и врачи прописывают есть скоромное? Старец отвечал: "Хлеб и вода никому не вредны. Как же люди по 100 лет жили? Не о хлебе едином жив будет человек; но о всяком глаголе, исходящем из уст Божиих. А что Церковь положила на семи Вселенских Соборах, то исполняй. Горе тому, кто слово одно прибавит к сему или убавит. Что врачи говорят про праведных, которые исцеляли от гниющих ран одним прикосновением, и про жезл Моисея, которым Бог из камня извел воду? *Какая бо польза человеку, аще мир весь приобрящет, душу же свою отщетит?* (Мф. 16, 26) Господь призывает нас: *Приидите ко Мне вси труждающиися и обремененнии, и Аз упокою вы... иго бо Мое благо, и бремя Мое легко есть* (Мф. 11, 28), да мы сами не хотим".

Во время всей нашей беседы отец Серафим был чрезвычайно весел. Он стоял, опершись на дубовый гроб, приготовленный им для самого себя, и держал в руках зажженную восковую свечу.

Но бывали у старца Серафима и такие люди, которые не искали себе нази-

дания, а хотели лишь удовлетворить свою пытливость.

Так, одному саровскому брату подумалось, что уже близок конец мира, что наступает великий день Второго пришествия Господня. Вот он и спросил о сем мнении отца Серафима. Старец же смиренно отвечал: "Радость моя! Ты много думаешь о Серафиме убогом. Мне ли знать, когда будет конец миру сему и наступит великий день, в который Господь будет судить живых и мертвых и воздаст каждому по делам его? Нет, сего мне знать невозможно...

Господь сказал Своими пречистыми устами: *О дни же том и часе никтоже весть, ни Ангели небеснии, токмо Отец Мой един. Якоже бо бысть во дни Ноевы, тако будет и пришествие Сына Человеческого. Якоже бо беху во дни прежде потопа, ядуще и пиюще, женящеся и посягающе, до негоже дне вниде Ное в ковчег, и не уведеша, дондеже прииде вода и взят вся: тако будет и пришествие Сына Человеческаго* (Мф. 24, 36-39). При сем старец тяжело вздохнул и сказал: "Мы, на земле живущие, заблудили от пути спасительного; прогневляем Господа и несоблюдением святых постов; ныне христиане вкушают мясо и во Святую четыредесятницу, и во всякий пост; среды и пятницы не сохраняют; а Церковь имеет правило: не хранящие среды и пятницы много грешат. Но не до конца прогневается Господь, паки помилует... И исполнение заповедей Христовых для каждого христианина есть бремя легкое, как сказал сам Спаситель наш, только нужно всегда иметь в уме и на устах молитву Иисусову, а пред очами представлять жизнь и страдания Господа нашего Иисуса Христа, Который из любви к роду человеческому пострадал до смерти Крестной. В то же время нужно очищать совесть исповеданием грехов своих и приобщением Пречистых Таин Тела и Крови Христовых".

"Радость моя, молю тебя, стяжи мирный дух!" — сказал отец Серафим другому вопрошавшему и тут же объяснил: это значит надо быть подобно мертвому или совершенно глухому и слепому при всех скорбях, клеветах, поношениях и гонениях, которые неминуемо приходят ко всем, желающим идти по спасительным стезям Христовым.

А заканчивались беседы старца почти всегда словами о необходимости тщательно заботиться о своем спасении, пока не прошло еще благоприятное время.

Преподобный Серафим Саровский еще в начале прошлого века сказал: "У нас вера православная, Церковь, не имеющая никакого порока. Сих ради добродетелей Россия всегда будет славна и врагам страшна и непреборима, имущая веру и благочестие, — сих врата адова не одолеют".

Из истории России видно, что есть соответствие внешней судьбы нашей Родины с внутренним состоянием народного духа. Поэтому необходимо понять, что, как грех привел к катастрофе, так и покаяние способно привести к восстановлению России.

События XX века показали, что мир стоит перед лицом гибели. Дай Господь вам всем мужество очнуться, чтобы понять, что заблудились люди во мраке обольщения. Вот тогда-то миру и понадобится неугасимая лампада — Святая Русь, ибо без нее не выбраться из трясины.

Россия! Будь такою, какою ты нужна Христу! Великое счастье и утешение, но и трепет велик видеть сбывающимися обетования Божии. Сегодня сбываются не только обетования Самого Спасителя, сбываются предсказания святых угодников Божиих — Божиих людей.

Россия за многие согрешения еще здесь на земле идет путем огненного и скорбного очистительного испытания, и это чувствует вся страна, вся Церковь, каждый человек. Особенно тяжки скорби тех, кому дал Господь провидеть судьбы народа Божия.

Скорбел обо всем мире, о Церкви и ее иерархах, о каждом приходящем к нему человеке святой преподобный Серафим Саровский. В молитве плакали на морозе, примерзая к земле, в судь-

боносные моменты жизни России воспитанницы преподобного — юродивые Христа ради. Но обещали они сквозь слезы и грядущее за горем облегчение.

В свое время, когда взращенная молитвой и трудами преподобного Серафима Саровского Дивеевская обитель еще была в расцвете, ее великий покровитель однажды в незначительном на первый взгляд разговоре на празднике Рождества Пресвятой Богородицы сказал: "Придет время, и мои сиротки в Рождественские ворота, как горох, посыпятся". И никто ничего не понял из его слов. А в 1927 году в день Рождества Пресвятой Богородицы тяжелая рука гонителей опустилась на обитель, и надолго умолкло живое слово к Богу в стенах ее. Но тот же преподобный Серафим произнес тогда — еще при жизни своей — и другое пророческое слово о Дивееве. Обещая возрождение обители, он говорил: "Не хлопочите и не доискивайтесь и не просите монастыря — придет время, без всяких хлопот прикажут вам быть монастырем, тогда не отказывайтесь".

И время пришло. В апреле 1988 года светские власти неожиданно приказали верующим принимать монастырский Троицкий собор.

Преподобный исполнил и свое пророчество о возвращении его в Дивеево. Ведь при жизни он там никогда не был, а обещал, что мощи его найдут упокоение в созданной его трудами Дивеевской обители, возрождающейся в наши дни его молитвой.

Сейчас происходят знаменательные события в духовном мире. Одно из них — удивительное второе обретение святых мощей преподобного Серафима Саровского. В 1920 году при закрытии Саровского монастыря рака его была вскрыта, и останки великого старца земли Русской исчезли, и след их затерялся. Но он потерялся для нас, но сокровен и сохранен Господом.

Ровно 70 лет томившийся в заточении своими нетленными мощами, угодник Божий святой преподобный Серафим возвратился в Церковь.

Святейший Патриарх Алексий II в связи с этим знаменательным событием сказал, обращаясь ко всем нам, что преподобный Серафим во дни своей земной жизни — в начале XIX века — был тем духовным огоньком, у которого отогревалась Россия, уже более века насильственно ведомая по пути расцерковления и обмирщения народной жизни. Он был общенародно прославлен в первые годы нашего века, накануне новых невиданно тяжких испытаний для страны и Церкви.

И вот сейчас, когда мы вновь входим в скорбные годы (хотя Церковь ныне и не притесняема, но она не может не скорбеть вместе со своим народом обо всех его бедах), снова нам явлен и, если можно так сказать, зримо приближен к нам преподобный Серафим.

Сегодня, вспоминая заветы преподобного, особо хочется напомнить о его удивительном, поистине благодатном умении радоваться людям. "Радость моя!" — этими словами он встречал каждого приходящего. Ни один человек не уходил неутешенным из келлии саровского старца. В наши дни, когда в любом незнакомце люди склонны подозревать врага, соперника, помеху, нам так необходимо вспомнить, что можно и должно иначе относиться к ближним. Дай Бог всем нам стать причастниками "Серафимовой радости".

И верится, что если преподобный Серафим при жизни своей согревал любовию приходящих людей, то и теперь с прежней лаской согреет он изболевшие души. Только приди к нему мысленно, обратись к нему в молитве. И услышишь сердцем своим: "Радость моя, гряди, гряди ко мне!" Трогательное до слез, привязывающее сердце с невыразимой силой есть в дивном старце Серафиме. "Он, как пудовая свеча, — говорит Воронежский архиепископ Антоний, — всегда горит пред Господом как прошедшею своею жизнью на земле, так и настоящим своим дерзновением пред Святою Троицею".

И именно в те дни, когда оскудела среди людей любовь, когда стала осты-

вать в народе вера, взошел в блистающем ореоле любви и святости преподобный отец Серафим, Саровский чудотворец.

Возрадуемся же, что имеем мы среди наших русских святых такого дивного, жившего во славу Божию преподобного старца, память которого сегодня мы собрались молитвенно прославить. И из глубины сердец наших воззовем: *Ублажаем, ублажаем тя, преподобне отче Серафиме, и чтим святую память твою, наставниче монахов и собеседниче Ангелов.*

А.И.

Преображение Господне

Мы почти заканчиваем годовой круг богослужения; остается только один праздник церковного года – Успение Пресвятой Богородицы, после которого праздником Рождества Богородицы мы войдем в начало нового богослужебного года.

И вот в эти последние дни после Пасхи, Вознесения и Пятидесятницы Святая Церковь неожиданно приводит нас на Фаворскую гору. Казалось бы, такой порядок праздников не соответствует последовательности евангельских событий, потому нам прежде всего необходимо уяснить себе смысл предлагаемой Церковью последовательности праздников.

Нам следует понять, почему нас, получивших обновление Святого Духа в день Пятидесятницы и собирающихся погребать первую и последнюю христианку – Божию Матерь, Церковь снова приводит на гору Преображения.

Мы знаем, что Преображение Господне произошло за сорок дней до Его крестных страданий, поэтому, если исходить из хронологической последовательности евангельских событий, мы должны были бы праздновать его в первые дни Великого поста. Святые Отцы, творцы богослужебного устава, нашли неуместным совершать этот великий и радостный праздник в дни, посвященные сугубому покаянию и сетованию о грехах, и перенесли его на другое, более удобное время.

Впрочем, в Постной Триоди мы находим указание на место, которое должен был бы занимать здесь праздник Преображения Господня. Это – неделя о Фаворском Свете, второе воскресенье поста, когда Святая Церковь прославляет память одного из великих подвижников и учителей духовного делания – святого Григория Паламы, который учил, что через очищение сердца, хранение ума и постоянную молитву Иисусову мы можем еще здесь, на земле, увидеть тот Несозданный Божественный Свет, который озарил Апостолов на горе Фаворской.

Есть, однако же, и другая причина установления такой последовательности праздников. Возведя нас в эти последние дни церковного года на гору Преображения, Святая Церковь напоминает нам о том, что для нас, христиан, существует только один путь – путь преображения своей души. Нам особенно необходимо постоянно помнить об этом, так как для многих из нас христианство перестало быть делом опыта и стало исключительно "словесным делом".

Поэтому нам важно вспомнить грозные слова преподобного Макария Египетского: "Иное дело рассуждать о трапезе, и иное – насытиться ею". К сожалению, для нас, которые сделали христианство "привременным мечтанием" и "мирским пристрастием", и эти слова могут остаться только словами. Ибо многие вместо того, чтобы следовать тому, чему учат Святые От-

цы, только умом гордятся своим знанием Святых Отцов.

Что же означает это преображение души, о котором говорит сегодняшний праздник, и для чего Святая Церковь ныне приглашает нас вместе с Апостолами взойти на гору Фаворскую?

Вспомним, каково было состояние Апостолов, вместе со Христом взошедших на гору Преображения. Призванные Господом, они пришли к Нему от своих мирских дел: оставили свой дом, свои занятия – и пошли за Ним. Это уже был большой подвиг, большое делание. Ведь Сын Человеческий часто не имел, где главы преклонить, и был для многих посмешищем и поруганием. Поэтому когда Петр, Иаков и Иоанн были на горе Фаворской, то они, как говорят Святые Отцы, почувствовали, что уже имеют все. Ведь они увидели тогда, что человек есть венец творения и через его преображенную душу преображается вся природа. Пораженные этим состоянием, они подумали, что уже достигли совершенства, и Петр сказал: "Хорошо нам здесь быть!" (Ибо уже довольно нам, мы имеем все.)

На самом деле Петр, Иаков и Иоанн имели в то время лишь малую предварительную часть той благодати, которую они получили впоследствии.

То же самое бывает и с нами: многие из нас, когда впервые подошли к Господу, имели состояние, подобное Апостолам на Фаворе. Вспомните, что переживали вы, когда в первый раз получили ответ на ваше искание и призывы. Вы почувствовали, что вам легко-легко и ничего больше не надо. Это радостное, но вместе с тем и опасное состояние. Святые Отцы говорят, что сокровище духовное открывается по мере искания. Господь не сказал: "Постучите – и вам откроют", но сказал: "Стучите, просите".

Духовная жизнь есть постоянное, вечное искание. Если этого нет, то случается то же, что случилось с Апостолами, которые спали и на горе Фаворской, и в саду Гефсиманском.

Святые Отцы учат, что полученная человеком в начале его духовного пути благодать, потом как бы отходит от него для того, чтобы он сам шел к ней. И тогда она вновь возвращается к нему в еще большем изобилии, чем раньше. Вот первое, что мы должны практически помнить. Церковь призывает нас всегда искать изобилия благодати, а не к тому, чтобы, получив малую благодать, успокоиться.

Преподобный Иоанн Лествичник говорит: "Иные, намереваясь идти в дальний путь и спросив людей знающих, когда услышали от них, что путь прямой, гладкий и безопасный, – по слуху сему, отложив все заботы о приготовлении себя к путешествию, в половине пути или потерпели бедствия, или должны были воротиться, будучи не приготовлены к встретившимся скорбям..." (Слово к Пастырю, гл. 7, 3).

Приходится и нам часто слышать: "В Церкви все легко, в Церкви безопасно". Говорящие так забывают о том, что Тот, Кто сказал: "Бремя Мое легко есть" (Мф. 11, 30), сказал также: "Входите тесными вратами... тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь" (Мф. 7, 13–14) и "...в мире будете иметь скорбь" (Ин. 16, 33).

Подвижники говорят, что путь духовной жизни, с одной стороны, есть путь прямой и гладкий, с другой же стороны, это тесный и тернистый путь, который только по мере делания становится легким и прямым для христианина. Нам нужно помнить, что хотя Церковь открывает нам безопасный и легкий путь, но люди, идущие этим путем, часто ослабевают и возвращаются вспять. Поэтому нам надо готовить себя к скорбям. Вспомним об Апостоле Петре, в жизни которого после Фавора было отречение.

И сегодня, если мы пришли сюда не только для того, чтобы послушать те или иные песнопения, но чтобы прикоснуться к горе Фаворской, мы должны помнить – многие подвижники, уже преобразившиеся, падали снова, как, например, Иаков Постник. Но теми,

кто неуклонно шел путем духовного делания, все эти опасности были преодолеваемы, и они снова восходили на гору Преображения.

Богочеловек, преобразив Плоть Свою, преобразил и одежды Свои, потому и святые подвижники, преобразившись сами душою и телом, входили в общение со всею тварью и преображали ее. И, преображенная через соприкосновение с ними, тварь служила им. Так было с преподобным Герасимом, подвизавшимся на Иордане, со многими египетскими подвижниками и с нашими русскими святыми – Преподобным Сергием Радонежским и Серафимом Саровским.

Условия преображения одни и те же и для Апостолов, и для великих подвижников, и для нас. Поэтому будем учиться у них пути духовного делания, будем помнить, что не должно довольствоваться малым, что мы уже получили от Господа, потому что оно может быть отнято от нас.

Вместе со святыми Апостолами, святыми Отцами и подвижниками будем постоянно стучаться и искать, будем преодолевать все трудности и непрестанно просить об умножении благодати.

И тогда, по мере делания нашего, будет и в нас открываться благодать – уже не предварительная, но истинная и мы взойдем на гору Фаворскую. *Аминь.*

Отец СЕРГИЙ (Мечев)

6 августа 1924 г.

Слово в день памяти святой равноапостольной великой княгини Ольги

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Она предтекла христианству в земле нашей, как зарница пред солнцем, как утренняя заря пред светом полуденным. Как луна в ночи, так светила она между людьми неверными. Она и по смерти молит Бога за Русь.

Преподобный Нестор Летописец

Дорогие во Христе братья и сестры!

Среди дремучих лесов северной Руси, на берегу быстрой реки, в кругу людей простых и мужественных возрастала девушка, которой Господь судил стать великой просветительницей великого народа. Она носила славянское имя Прекрасна и действительно отличалась редкой красотой. Но даром, поистине редчайшим в те времена, была чистота ее сердца. Прекрасна обладала и острым глубоким умом, унаследованным от прадеда Гостомысла — первого русского "государственника". Это он, новгородский правитель Гостомысл, некогда подал совет — призвать на княжение варягов, предводителей воинских дружин, ибо видел, как из-за отсутствия твердой власти Русь изнемогала от непрестанных смут. Однако в родичах Гос-

томысла был слишком силен дух древнерусской вольницы. Они не смогли сжиться с княжеским двором и ушли в весь Выбутскую — в глушь, в лесное раздолье. Здесь, в безвестности, и жила Прекрасна, не зная, что ей предначертано явиться на великокняжеском престоле, просиять всему своему Отечеству звездою премудрости и зарею Божественной благодати.

Совсем иначе, в богатых пирах и молодецких забавах, протекала юность будущего мужа этой скромной северянки, князя Игоря. Он рос "за широкой спиной" великого князя Олега, не имевшего своих детей, любившего и всячески баловавшего племянника Игоря. И пока князь Олег объезжал русские земли, властной рукою собирая дань, чиня суд и расправу, приводя к покорности племена, молодой князь Игорь развлекался, как умел и как хотел. Излюбленной забавой юноши была охота на лесных зверей. И вот во время охотничьей потехи и встретил князь Игорь свою суженую, прекрасную и смелую.

Однажды, бродя по лесу в поисках добычи, князь-охотник оказался на крутом берегу реки. Густой лес на другом берегу показался ему изобилующим зверями, а по реке как раз плыла лодка. Князь окликнул лодочника и приказал перевезти себя на другой берег. Потом, развалившись в лодке, он залюбовался ловкими и точными движениями гребца и вдруг увидел: это не юноша, а девушка, причем очень красивая. Балованный наследник великого княжения не привык сдерживать свои страсти: тут же решил "потешиться" с незнакомкой и высказал это намерение достаточно ясно. Ранее он никогда не встречал отпора: многие девушки-язычницы, дочери разнузданного времени, считали "за честь и за славу" удовлетворить княжескую похоть. Но здесь случилось иное.

Прекрасна с холодным презрением глянула на развратного юнца и сказала: "Зачем, князь, замышляешь дело неисполнимое? Вспомни, что князю для людей должно быть, как правителю и судии, примером добрых дел, ты же теперь близок к беззаконию. Да и то знай, что, хотя я и одна здесь и бессильна перед тобой, ты все-таки не одолеешь меня". Прекрасна была язычницей, но в ее душе жили пока еще неясно осознаваемые ею самой заветы Божии — это называется естественной нравственностью. Она ценила свою чистоту и не желала марать себя грязью, пусть даже и княжеской.

Получив суровую отповедь, балованный юноша впервые в жизни почувствовал, что лицо его покрывает краска стыда. Молча доехал он до берега, вылез из лодки и скрылся в чаще. Охота в тот день оказалась неудачной: мысли князя были заняты другим. Он злился на незнакомую красавицу, "оскорбившую" его отказом, и все же не мог изгнать из памяти светлый ее образ.

Урок, полученный князем Игорем, пошел впрок. Вскоре великий князь Олег задумал "остепенить" племянника, подыскав ему подходящую жену. В Киеве устроили смотрины. Однако, ловя на себе умильно-зазывные взоры киевских боярышень, молодой князь понимал — эти податливые девицы при случае так же посмотрят и на какого-нибудь другого удальца. И князю Игорю вспоминалась при этом неприступная красавица из северных лесов. Наконец он рассказал о ней дяде, и великий князь Олег отправился добывать для любимого племянника невесту из неблизких краев.

Отыскав Прекрасну, князь Олег сразу оценил выбор своего подопечного. Многоопытный, превосходно разбирающийся в людях, великий князь понял — среди охотничьих забав Игорь на сей раз действительно "выследил красную добычу": эта умная, сильная и честная девушка будет достойной женою наследного правителя Руси. Сама Прекрасна отнеслась к почетному сватовству спокойно и рассудительно: речь шла уже не о нечистом "баловстве", а о том, чтобы стать честной женой, подругой всей жизни князя Игоря — и этот высокий удел она приняла. А великий князь Олег (его имя чаще произносилось

"Ольг") был настолько восхищен своей будущей невесткой, что настоял, чтобы она отныне в его честь называлась Ольгою. Так впервые прозвучало на Руси это славное имя, имя "утренней зари благодати Божией" над нашим Отечеством.

Брак Ольги и князя Игоря был счастлив для них обоих и еще более счастлив для Русской державы. Князь по праву гордился своей женою: рядом с величавой ее красотой все столичные "павы" казались "гусынями"; беседа с нею была усладительна — с нею князь не знал скуки; рассудительностью она затмевала опытнейших бояр, а что до ее верности — тут князь был "как за каменной стеной". Правда, поначалу его немного раздражало вмешательство Ольги в "неженские" государственные дела. Однако, став после смерти дяди единодержавным правителем Руси, князь Игорь оценил и это высокое дарование своей княгини — Ольга разбиралась в делах правления куда лучше него, и он мог спокойно доверить ей эти дела, а сам добиваться воинской славы — по тогдашним понятиям, единственно достойной мужчины и князя.

Для самой же Ольги-Прекрасны, умной и чистой, решение вступить в брак означало и решимость полюбить мужа. И она действительно полюбила своего князя Игоря, радуясь тому, что он на ее глазах из взбалмошного юнца превращается в сильного, всеми почитаемого и достойного уважения мужа, и в том есть и ее заслуга (в глубине души Ольга в своем великом князе видела "большого ребенка", тешащегося ратными забавами, питала к нему и материнское чувство). Любовь княгини Ольги к мужу была светла, глубока и полноводна, как северорусская река, на берегу которой она выросла, — эту любовь великая княгиня хранила и после смерти супруга, живя в чистом вдовстве, соблюдая великокняжеский престол для их малолетнего сына.

Князь Игорь много воевал. Он постоянно нуждался в деньгах: дани требовал Хазарский каганат, чьей "полуколонией" была тогдашняя Русь; нужно было содержать — и богато — дружину; да и сам князь с юности привык жить широко. Однажды, истощив прочие средства, князь Игорь захотел обложить усиленной данью древлян — племя, склонное к мятежу и бунтовавшее при восшествии его на великокняжеский престол. Но древляне, возмущенные незаконными поборами, решились умертвить великого князя. Свой замысел они осуществили с языческой жестокостью: тело князя Игоря привязали к двум согнутым стволам деревьев, и он был разорван пополам.

Княгиня Ольга в Киеве безутешно оплакивала любимого мужа, когда ей сказали, что прибыли гонцы от древлян. Великая княгиня умела владеть собой. Спрятав глубокое горе под внешним спокойствием, она вышла к гонцам ненавистного народа, чтобы, как подобает правительнице, узнать, чего хотят эти мятежники. Услышанное потрясло ее своей низостью. Льстиво улыбаясь, древляне заявили: "Не гневайся, что мы убили твоего мужа. Князь наш, Мал, без сравнения лучше Игоря: молодой и красивый. Пойди за нашего князя, и ты будешь нам госпожою".

Вероятно, княгиня Ольга еще не знала всей подлости замысла древлян: через брак своего князька с нею они не только хотели захватить власть над всей Русью, но и сделать эту власть наследственной, убив сына Игоря и Ольги — маленького Святослава. Она могла этого и не знать, но услышанного в тот миг было достаточно. Ей, верной, целомудренной, любящей жене, сразу после смерти мужа предлагают какого-то "молодого красавца"? Ее, чье сердце истекает кровью от невыносимой утраты, сватают — и за кого же? — за убийцу ее любимого?!

Омерзение и гнев затопили все существо Ольги: она готова была броситься на древлян и ногтями терзать их ухмыляющиеся лица. Но великая княгиня даже сейчас сумела превозмочь свои чувства. Изобразив на собственном лице подобие их ухмылки, она отвечала

древлянским послам: "Мне приятна речь ваша. Уже не могу воскресить супруга! Завтра окажу вам всю должную честь".

Да, великая княгиня вполне ублажила древлянскую спесь. На следующий день послы расселись в ладье, на которой приплыли в Киев, и Ольгины слуги на руках понесли эту ладью к княжескому терему. Древляне чванились и величались таким неслыханным почетом, пока их не сбросили в глубокую яму и не начали заживо засыпать землей. И над стонами и воплями этих несчастных прозвучал голос княгини-мстительницы: "Довольны ли вы сею честью?" И послы отвечали: "Пуще нам Игоревой смерти".

Тогда княгиня Ольга была язычницей. А языческое мщение — это даже не ветхозаветное "око за око, зуб за зуб", это древний гнев — безудержный, беспощадный, ненасытимый. Для Ольги-язычницы почтить память убитого мужа означало оросить его могильный курган потоками крови того племени, что было виновно в его смерти.

Княгиня-язычница совершила свою месть. Тысячи древлян погибли, попавшись в ловушки, расставленные для них острым умом Ольги, на могильный холм князя Игоря его вдова сильной рукою швырнула и голову древлянского князька Мала — того самого, за которого ее пытались сватать. Остатки древлянского племени обложила она тягчайшей данью. С торжеством возвращалась в Киев Ольгина дружина из победоносного похода. Но, совершая кровавое дело языческой "справедливости", княгиня Ольга навсегда потеряла бесценное сокровище — душу собственного сына.

В поход на древлянские земли княгиня Ольга взяла с собою и шестилетнего сына Святослава. Первая битва с древлянами началась с того, что князь-ребенок попытался бросить копье во врага — и слабой рукою бросил его так, что чуть не поранил своего коня. От этой неудачи мальчик готов был расплакаться. Но окружавшие его богатыри-варяги воскликнули: "Князь уже начал, потянем, дружина, за князя!" — и ринулись громить древлян. В тот час Святослав на всю последующую жизнь опьянился кровавым вином битвы. Война стала единственной, всепоглощающей страстью сына княгини Ольги.

Князь Святослав стал великим князем. Ему было предначертано явиться "Божиим молотом", вдребезги разбившим Хазарский каганат, в течение нескольких веков терзавший Русь. Жадность Хазарии при сборе дани была одной из причин гибели князя Игоря в древлянской земле. То ли князь Святослав мстил косвенным виновникам смерти отца, то ли просто не желал быть ничьим данником — так или иначе воинственный русич одним стремительным набегом положил конец самому существованию этого государства-"химеры". Иудейская верхушка каганата вновь рассеялась по разным странам, а основное население Хазарии, которое составляло одно из тюркских племен, не оказало никакого сопротивления победоносному князю Святославу — хазарским "низам" несладко жилось под властью корыстолюбивых и хитрых иудейских "верхов". Историк Л. Н. Гумилев предполагает, что остаткам хазарских иудеев удалось отомстить князю Святославу, "многоходовой" интригой подвести этого отважного до безрассудства воина под печенежские мечи.

Когда великая княгиня Ольга познала Истинного Бога, она пыталась обратить к христианству и сына. Но воинолюбивый Святослав больше дорожил мнением воинов-идолопоклонников из своей дружины, чем спасением души, и на увещевания матери отвечал: "Могу ли один принять новый закон, чтобы дружина моя смеялась надо мною?" Святая Ольга была наделена от Господа даром прозорливости, она предрекала сыну "злую смерть и вечную гибель", если он не обратится к Христу, но тщетно! И скорбь о вечной погибели, надвигающейся на душу сына, стала постоянной кровоточащей раной материнского сердца святой княгини Ольги.

Князь Игорь мало занимался делами правления, а его воинственный нас-

ледник Святослав вообще не заботился о внутренней жизни государства, предоставив такие заботы своей матери. Историки называют великую княгиню Ольгу первой истинной правительницей Руси: главным делом всех ее предшественников на великокняжеском престоле была война, а она начала упорядочивать жизнь народа — делить землю на "погосты" (области), устанавливать справедливые размеры оброков, давать простые и ясные указы о том, как люди должны относиться к государству и друг к другу.

Еще оставаясь язычницей, великая княгиня Ольга с годами все более приближалась к образу жизни христианской. В житии ее рассказывается: "Была она своим народом любима, как правительница милостивая, как судия праведный и никого не обидящий, налагающий наказание с милосердием и награждающий добрых. При этом Ольга, милосердная по душе, была щедродательна к нищим, убогим и малоимущим; до ее сердца скоро доходили справедливые просьбы, и она быстро их исполняла. Со всем этим она соединяла воздержную и целомудренную жизнь. Все дела ее, несмотря на ее пребывание в язычестве, были угодны Богу, как достойные благодати христианской". Небесный Отец, видя праведность ее жизни, не попустил этой великой душе остаться во мраке язычества, но просветил Светом Своим и сподобил избрания на высочайшее апостольское служение.

Да и была ли княгиня Ольга когда-либо сознательной идолопоклонницей? Ей, с юности взыскующей чистоты, не могли не быть омерзительны многие языческие обряды с их жестокостью, буйством, неистовством, доходящим до свального греха. До времени, пока душа ее находилась под грузом государственных забот, великая княгиня не вникала в смысл древних обрядов. Но вот с совершеннолетием князя Святослава бремя ответственности за державу, лежавшее на ее плечах, стало чуть легче — и княгиня Ольга начала задумываться. Своим острым и глубоким умом она быстро постигла, что поклонение идолам разлагает и развращает людей, ведет к одичанию, разжигает похоть, злобу. А совсем без веры жить нельзя. Но где взять иное и лучшее? Великая княгиня оглянулась вокруг — и прозрела.

С времен Аскольда, первого в нашем Отечестве князя-христианина, на Руси существовали православные общины. Эти общины были настолько многочисленны, что еще в 945 году, когда князь Игорь заключал договор с греками, "крещеная Русь" приносила клятву в верности этому договору отдельно от прочих, в киевской соборной церкви. Немало христиан было и среди пришлых воинов-варягов. И когда княгиня Ольга обратила внимание на жизнь этих людей, она почувствовала — это то, к чему всегда стремилась ее душа. Язычество не могло воспитать в людях ничего подобного благородству этих людей, красоте их отношений. Христиане служили своему Богу в чистоте и доброте, в милосердии и любви, в совершенстве и святости. Княгиня Ольга сердцем уже тянулась к этой вере, но хотела испытать ее и умом — начала расспрашивать христианских наставников и светлым разумом своим поразилась глубине учения Спасителя, постигла: здесь — Истина Божественная. И душа великой княгини Ольги раскрылась для приятия Христовой благодати.

Дабы углубить свои познания о святой христианской вере, княгиня Ольга предприняла путешествие в Византию. Здесь ее ждало испытание: греки, с подозрением относившиеся к славянам, долго продержали ее корабли в Константинопольской гавани, не позволяя русской княгине войти в город. Правительница Руси очень высоко ценила свое великокняжеское достоинство, но здесь, ради познания Божественных Истин, она терпеливо перенесла унижение и ожидание. Когда княгиню Ольгу наконец приняли в Царьграде, ее смирение было вознаграждено дружбой Духоносного угодника Божия святого Полиевкта, пребывающего тогда на Константино-

польском Патриаршем престоле. Наставляя русскую княгиню в истинах веры, Святитель Полиевкт изумлялся ее мудрости и добродетели, прозревал уготованное ей величие в Очах Господних. Перед отъездом своей духовной дочери на ее языческую родину святой Царьградский Патриарх предрек ей: "А возлюбив свет и отвергнув тьму, благословенна ты между женами русскими; благословлять тебя будут сыны русские до последнего рода". А на Честном Кресте, врученном ей святительским благословением, повелел написать: "Русская земля обновилась для жизни в Боге святым Крещением, принятым блаженною Ольгою".

В Крещении великая просветительница Руси приняла имя Елена — имя святой равноапостольной царицы Елены, которую Господь сподобил обрести и воздвигнуть Животворящий Крест Его. Во славе апостольской прошла по Русской земле и святая великая княгиня Ольга.

Из Царьграда святая княгиня Ольга возвращалась на Русь, окрыленная ревностью по Богу, с готовностью просвещать сердца русичей Светом Христовым. К несчастью, ей не удалось обратить к Богу Истинному самых близких людей: сын Святослав упорствовал в грубом язычестве, плохо слушали ее и внуки. Двое из них, Ярополк и Олег Святославовичи, впоследствии так и погибли в братоубийственной распре. Третий же, Владимир, долго блуждавший, сумел прорваться к Свету Божественной Истины, стал великим крестителем Руси. Ему Бог судил взрастить посеянное святою Ольгой. Не имея успеха в своей семье, святая равноапостольная княгиня Ольга зато находила отклик в душах простых русских людей, которые после ее проповеди тысячами обращались ко Христу, и во всем народе появлялось доверие к доброте и святости религии, которую исповедовала премудрая и милосердная великая княгиня. Именно трудами святой равноапостольной княгини Ольги было приготовлено и стало возможным чудо Крещения Руси, явленное при ее внуке, святом равноапостольном князе Владимире.

Став христианкой, великая княгиня Ольга умножила благодеяния, даруемые народу ее мудрым правлением. По всей видимости, особо милостива стала она к древлянам, которым некогда принесла столько зла языческой неистовой местью. Воистину удивительно это свидетельство истории: древляне так полюбили свою былую карательницу, что стали чтить, как святыни, даже те места, на которых останавливалось для ночлега и охоты войско Ольги во время того кровавого похода. Как же велико должно было быть то благо, которое святая княгиня принесла древлянам после своего преображения Божией благодатью, если они простили ей даже смерть своих сородичей?!

Святая равноапостольная княгиня Ольга объехала все земли Руси, всюду проповедуя народу слово Божие и воздвигая кресты — от них исходили чудеса, что способствовало привлечению русичей к христианской вере. Она почтила память первого российского князя-христианина Аскольда, воздвигнув над его могилой храм во имя Святителя Николая, Чудотворца Мирликийского. В своих родных краях святая Ольга сподобилась узреть знамение Господне: стоя на берегу реки Псковы, она увидела три ниспадающих на землю пресветлых луча. Спутникам своим, также видевшим это, равноапостольная княгиня сказала: "Да будет вам ведомо, что изволением Божиим на этом месте, озаряемом трисиятельными лучами, возникнет церковь во имя Пресвятой и Живоначальной Троицы и возникнет город, изобилующий всем". Здесь она также поставила крест, повелела заселить это место, а затем послала золото и серебро на создание храма. Так основался на берегу Псковы Троицкий собор, а вскоре и город Псков — первый оплот христианства в северной Руси.

В глубокой старости, после многих благочестивых трудов отошла к возвеличившему ее Господу духовная мать Руси святая равноапостольная княгиня

Ольга. Увенчав Свою избранницу венцом благовестническим, Небесный Отец прославил и честные останки ее. Когда достойный продолжатель ее благодатного дела святой равноапостольный князь Владимир по совету митрополита Киевского Леонтия вскрыл ее могилу, тело святой княгини было обретено нетленным и благоуханным. Она "почила во гробе, как спящая", в Киевском храме Богородицы, и от святых мощей ее по вере молящихся проистекали исцеления и другие чудеса.

Еще долго после кончины святой Ольги, кто помнил ее правление, называли ее "мудрейшей из всех людей" — и поистине разум ее был сильнее, чем у всех русичей того времени, ибо Бог сделал святую княгиню Богомудрой. По слову жития, "начатки просвещения народа нашего Господь соизволил в посрамление жестокосердых мужей явить через блаженную Ольгу. Как прежде проповедницами Воскресения Своего соделал Он жен-мироносиц, так и в земле Русской явил святую веру княгинею Ольгою".

Возлюбленные о Господе братья и сестры!

Из дикой лесной глуши извел Всемогущий Бог простую славянскую девушку Прекрасну, взыскующую чистоты, отметающую от себя греховные соблазны, и соделал ее величайшею из русских жен, просветительницею и покровительницею нашего народа. И каждому русскому человеку, обязанному святой равноапостольной Ольге сокровищем Православия, надлежит помнить: ничто доброе, ничто мудрое, ничто святое, ничто истинно великое не может проистечь из души нечистой, падкой на скверну лежащего во зле мира.

Так да хранит каждый из нас в чистоте бессмертную душу свою, да соделаемся мы хоть в мале достойными благодатного предстательства равноапостольной Небесной ходатаицы за наше Отечество. "Воспоем днесь Благодетеля всех Бога, прославльшаго в России Ольгу Богомудрую: да молитвами ея подаст душам нашим грехов оставление". *Аминь.*

ВЛАДИМИР,
архиепископ Ташкентский и
Среднеазиатский

Слово в день памяти святого равноапостольного великого князя Владимира

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Похвалим же и мы нашего учителя и наставника, великого князя земли нашей Владимира. Радуйся, во владыках апостол, нас от недуга идолослужения умерших, воскресил! С тобою мы Христа — жизнь вечную — познали.

Святитель Иларион, митрополит Киевский

Дорогие во Христе братья и сестры!

Благо народам, которым Господь посылает мудрых и любящих вождей. Таким благодатным даром Божиим для Древней Руси явился святой князь Владимир, мощной рукою пробудивший свое Отечество от темного и звериного языческого сна. И в благодарной памя-

ти народной, в исторических преданиях, даже в былинах и сказках сияет образ князя-просветителя "Красным Солнышком", дорогим каждому русскому сердцу.

А ведь поначалу казалось, что водворение Владимира на великокняжеском престоле не предвещает Руси ничего доброго. Князь возвращался в Отечество из заморских краев во главе отряда хищных варягов, как жестокий мститель, и захватил Киев через коварство и измену. Русские люди со страхом смотрели на своего нового правителя и на пришедших с ним надменных скандинавов, ожидая, что вот-вот начнутся грабеж и насилие.

Да, варяги чувствовали себя в Киеве завоевателями, они сразу же решили обложить захваченный город тяжкой данью. Но что же? Князь Владимир тотчас пресек посягательства своей буйной дружины — он сумел обрести опору в русских боярах и ратниках и выслал вон из Руси большинство наглых чужеземцев. От этого поступка князя в сердцах русичей родились доверие и надежда, они поняли, что великий князь никому не даст в обиду свой народ.

Действительно, князь Владимир пришел не терзать, а покоить Русь. С детства будущий великий князь проникся великой любовью к отчизне. И, взяв власть, он сделался мудрым и справедливым правителем. Беспощадный к внешним врагам, мятежникам и к преступникам, он был щедр и добр с народом, приветлив и обходителен со старейшинами, боярами и воинами. Со всех концов Руси ко двору великого князя — на пир и на совет — стекались лучшие люди, самые умные, самые знающие, самые смелые. Княжение Владимира было овеяно воинской славой. Он разгромил гордую Польшу и вернул Отечеству земли Галицкие. Он (в союзе с тюркским народом торков) положил конец набегам ятвягов и завоевал Прибалтику. При нем кочевники-печенеги не дерзали разорять русские города и села, безопасны от разбойничьих шаек стали дороги, ненарушимым сделалось общерусское единство. И росла любовь народа русского к своему великому князю.

И все же... Все же жизнь князя Владимира была темной, жестокой и грязной. По слову жития, его дни протекали в "неведении Бога и нечестии, кровопролитиях, бесослужительствах и женонеистовствах". Это был мощный дух, блуждавший во мраке, не находивший покоя, томимый муками совести, пока Господь не сжалился над ним и не призвал на служение Себе. В урочный час князь Владимир узрел Свет Христов, с омерзением вгляделся в собственное прошлое и воззвал к Всевышнему: "Господи! Был я, как зверь, жил я по-скотски, но Ты укротил меня. Слава Тебе, Боже!"

Еще равноапостольная княгиня Ольга пыталась просветить своего внука Владимира светом христианства. Однако спасительные семена ее наставлений в сердце юного князя были заглушены совсем иными влияниями. Более всего юношу манила громкая слава его отца, великого князя Святослава, — неустрашимого воина, разгромившего опаснейшего врага Руси, иудаистскую Хазарию. Война была единственной страстью и утехой Святослава — проводя время в походах, он мало занимался своими детьми, каждому из сыновей назначив уделы и отослав их туда. Владимиру достался Новгород, где он рос под присмотром своего дяди Добрыни — грубого язычника и лихого воина. Новгородское "воспитание" молодого князя свелось к обучению его воинскому искусству и разнузданным порокам.

Когда великий князь Святослав погиб, его сыновья недолго хранили мир между собою. Княживший в Киеве Ярополк двинул дружину в древлянский удел, доставшийся среднему из братьев, Олегу, в этой войне Олег погиб. Владимир понял, что властолюбивый старший брат наверняка посягнет и на его владения, а может быть, и на его жизнь. Не имея сил сопротивляться, Владимир бежал из Новгорода в Скандинавию, унося в сердце смертельную ненависть к Ярополку, жажду мести и жажду власти. Он вернулся, как только

удалось собрать сильную дружину из наемников-варягов, и совершил свою месть, обагрил руки в крови брата.

Душе, ослепленной гневом, месть кажется сладкой, но совершенное преступление невыносимым грузом ложится на сердце человеческое. Память о братоубийстве не давала покоя князю Владимиру ни среди государственных забот, ни среди ратных дел, ни среди нечистых утех плоти. Мир своей могучей душе князь пытался найти в религии — но мерзость язычества только сильнее растравляла сокровенные раны его совести.

Думая искупить свой страшный грех служением высшей правде, духовно слепой князь Владимир сделался усердным служителем лжи. Он стал не просто язычником, но язычником ревностным. По воле князя по всей Руси начали умножаться кумиры (или, как их еще называли, "болваны") Хорса, Дажба и Мокша и прочих "поганых идолищ" — им приносили в жертву пищу и питье, животных, а в особых случаях и людей. Особенно выделялся поставленный неподалеку от княжеского терема огромный истукан Перун с серебряной головой и золотыми усами.

В слепом пристрастии к язычеству князь Владимир не ограничился идолопоклонничеством, но воздвиг яростное гонение на христиан. Казалось, что все труды равноапостольной княгини Ольги по просвещению Руси истинной верой будут растоптаны ее диким внуком. В житии рассказывается, что князь "весь народ к идолопоклонению привождаше: не соизволяюща же кланяться идолом повеле предавати смерти. Христиане же страху ради безвестни быша: овии бо бежаша, овии же втайне святую храняху веру, а инии паки на прежднее нечестие обратишася. И аще где быше церковь христианская, разорися рукою идолослужителей".

После победоносной войны в Прибалтике князь Владимир решил поблагодарить за эту удачу кровожадного Перуна, принести ему в жертву ребенка. По обычаю, бросили жребий, выпавший на юного христианина Иоанна, сына варяжского ратника Феодора. Киевляне-язычники, весьма довольные, что страшный жребий на сей раз миновал их семьи и пострадать придется иноземцу, толпою повалили к дому Феодора, чтобы забрать намеченную жертву. Однако здесь идолослужителей встретил нежданный отпор. Воин-христианин твердо заявил: "Един Бог, сотворивший Небо и землю. Не дам сына моего бесам. Ежели идолы ваши действительно боги, пусть сами придут и возьмут его".

И огромная толпа озверевших язычников так и не смогла захватить живыми двух исповедников Христа Спасителя. Феодор доблестно отражал их натиск, пока осаждающие не подрубили сваи его жилища и святые ученики не были погребены под развалинами.

Кровь святых Феодора и Иоанна словно обожгла слепую душу князя Владимира. Князь был потрясен случившимся. Феодор-варяг не случайно остался на Руси и после изгнания его корыстных соплеменников, это был один из лучших княжеских дружинников — благородный, честный и умный. То мужество, с которым святой Феодор в одиночку противостал тысячам разъяренных киевлян, могло быть явлено только при защите правого дела. И князь Владимир глубоко задумался над словами воина-христианина о Едином Боге, сотворившем Небо и землю.

Тут великий князь всмотрелся в собственную душу. Да, он был "героем" — героем языческим, чьи подвиги были в убийстве и коварстве, разгуле и блуде. Князь смутно почувствовал, что задыхается в смраде своей славы, что душа его томится по чему-то высокому и чистому. И вокруг себя оглянулся князь Владимир. Да, он служил русскому народу, как умел, но людские злоба и подлость, разнузданные страсти, смиренные властной рукою князя, были готовы в любой миг вырваться наружу и разрушить державу. Это зло таилось в самих сердцах людей, ибо тому учили их языческие "боги", нечистые и кровожадные. Великому князю Владимиру

припомнилось слышанное им о совсем ином Божестве — Всеблагом Создателе, Небесном Отце людей. Это слышал он в детстве от бабки своей, мудрой и святой княгини Ольги. Во Имя Единого Бога доблестно принял смерть и мученик Феодор варяг. В сердце князя Владимира проснулась надежда на то, что Небесный Отец выведет из мрака и его самого, и его народ. Духовные очи правителя Руси отверзлись для истинного Богопознания.

"Великий князь Владимир не в слабой и безвестной земле владычествовал, но в русской, о которой знают и слышат во всех четырех концах земли", — говорит святитель Иларион Киевский. Услышав, что властелин Русской державы склоняется к принятию единобожия, в Киев ко княжескому двору вскорости же явились проповедники мировых религий.

Горячая любовь к родной земле уберегла великого князя от роковой ошибки в выборе. Зная о коварном властолюбии папства, он просто не стал слушать римо-католиков, сразу же отослал их прочь. Проповедников иудаизма князь спросил: "Где ваше Отечество?" Они отвечали: "В Иерусалиме, но Бог разгневался на отцов наших и расточил их по чужим странам". Услышав это, князь возмутился: "И вы, отвергнутые Богом, еще приходите учить других? Мы не хотим, подобно вам, лишиться своего Отечества!" И тем благосклоннее великий князь Владимир выслушал вестников Православия, прибывших из державной Византии.

Истины православной веры изъяснял князю греческий философ по имени Кирилл — это имя веком ранее прославил один из равноапостольных учителей славянства. Историк Н. М. Карамзин замечает: "Ежели греческий философ действительно имел право на сие имя, то ему нетрудно было уверить язычника разумного в великом превосходстве закона христианского". Князь Владимир дивился глубине и милосердию учения Христова, а слушая Благовествование о Вечной жизни, вздохнул: "Благо добрым, и горе злым". "Крестись — и будешь в раю с праведными", — отвечал князю христианский философ.

Великий князь понимал всю важность предстоящего выбора веры и отнесся к нему с особой рассудительностью и осторожностью. В душе уже склоняясь к Православию, князь тем не менее отправил самых разумных людей из своего окружения с посольством по разным странам, чтобы те оценили достоинства различных религий. Странствуя по Европе, княжеские послы не увидели там ничего привлекательного, зато богослужение в Константинополе привело их в восторг. Вернувшись в Киев, послы говорили: "Пришли мы к грекам, и ввели они нас туда, где служат Богу своему: и не знаем — на небе или на земле были мы. Нет такого вида и такой красоты на земле. Недоумеваем, как и рассказать о ней, только знаем, что там Бог пребывает с людьми и что служба их лучше, чем во всех странах. Не можем мы забыть этой красоты, и как всякий человек, вкусив сладкого, не принимает горького, так и мы не можем быть при здешнем невежестве". Так Божественная Истина Православия влекла к себе славянские сердца Божественной красотой. К восхищенным речам послов княжеские советники, бояре и старцы присовокупили и свое рассуждение: "Если бы греческий закон не был лучше всех других, то не приняла бы его бабка твоя Ольга, мудрейшая из всех людей". Итак, сам великий князь и лучшие люди Руси оказались единодушны в стремлении к Православной Христовой вере. Оставался один вопрос: где принимать Крещение? В этом бояре всецело положились на своего князя: "Где тебе любо".

В Киеве уже давно существовала соборная церковь во имя Пророка Илии, были христианские священники — ничто не препятствовало креститься здесь. Но князю Владимиру показалось "любо" сочетать принятие святой веры с утверждением величия Русского государства. Он пошел походом в Крым, принадлежавший тогда Византии, взял богатейший город Корсунь и в качестве "выку-

па" за плененные области империи потребовал себе в жены сестру византийского императора царевну Анну.

В прежние времена мысль о том, что девица из семьи византийского кесаря может выйти замуж за "варвара"-славянина, показалась бы в Константинополе чудовищной. Однако тогдашнему императору Василию Багрянородному было уже не до чванства: в Византии бушевал мятеж и приобрести еще одного врага в лице победоносного русского князя означало погубить державу. Хоть и страшно было молодой царевне Анне ехать в языческую Русь, но брат-император и духовные наставники убедили ее — так она спасет свою родину, а может быть, и послужит орудием Промысла для обращения могучего русского народа к Богу Истинному. Царевна решилась на подвиг, но оставалось одно препятствие: никакие политические расчеты не могли заставить Православную Византию отдать царевну-христианку "поганому" язычнику. И Константинополь потребовал от русского князя: хочешь жениться на царевне — стань христианином. "Возлюбися мне вера ваша, и хощу убо прияти ея", — ответствовал великий князь Владимир.

Много общего видим мы в судьбах первоверховного апостола народов святого Павла и апостола народа русского святого князя Владимира. Оба этих великих мужа пламенно искали Истину, но в начале своих поприщ по слепоте духовной являлись гонителями Христовой Церкви. Перед преображением жестокого Савла во святого апостола Павла он лишился зрения, увидев Свет Христов на пути в Дамаск. Так же ослеп и князь Владимир в Корсуни, дабы к вящей Славе Божией обрести и телесное и духовное прозрение в купели Святого Крещения. Узнав о болезни своего жениха, царевна Анна убедила его не медлить с принятием Таинства. И вот в день Святой Пасхи, 8 апреля 988 года, было явлено чудо Господне во благо русского народа: когда греческий епископ возложил руку на новокрещаемого князя Владимира, отверзлись его очи и он воскликнул: "Теперь я увидел Бога Истинного!" Тут же, потрясенные этим судом, крестились бояре и княжеские дружинники.

Великий князь спешил поделиться обретенным им сокровищем веры с любимым своим народом, с возлюбленным своим Отечеством. Вместо какой-либо дани или "боевых трофеев" князь Владимир вывез из Корсуни мощи священномученика Климента Римского и ученика его, Фивы, святые иконы и богослужебную утварь, а вместе с князем шли в Киев православные священнослужители. Став "сыном нетления, сыном Воскресения", правитель Руси возгорелся апостольским рвением. Он шел просвещать спасительной верой землю Русскую.

Задача крещения необъятной языческой страны могла показаться непосильной. Еще князь Аскольд пытался проповедовать на Руси христианство — и был предан и убит. Равноапостольной княгине Ольге, мудрой и мужественной, удалось создать в Отечестве лишь немногие островки благодати. Древние русичи отнюдь не отличались послушанием власть имущим. "Русская вольница" могла заявить всякому боярину или князю: "Ты нам не люб, иди от нас, куда хочешь". А великий князь Владимир дерзал растоптать народные суеверия, заставить Русь переменить весь образ жизни — за такое любой другой правитель тотчас бы поплатился головой. Но этот князь был по-настоящему "люб" народу русскому; его богатырская удаль, любовь к отчизне, пламенность и широта его души делали его как бы воплощением народного духа, родным и близким каждому русскому человеку.

Дело просвещения Руси равноапостольный князь начал решительно — с уничтожения идолов. "Болваны" лжебогов сбрасывали в реку, предварительно избивая — конечно, не потому, что идолы могли испытывать боль, но чтобы показать полное их ничтожество. Некоторые упорные язычники при этом плакали, но большинство народа с увлечением колотило низверженных кумиров: во-

ины — палицами, простолюдины — дрекольем. Многим русским людям давно опротивели эти "болваны", лакомые до жертв и человеческой крови. Некий сельчанин, отпихивая ногой от берега истукана-Перуна, приговаривал: "Досыта ты, Перунище, ел и пил, теперь поди прочь".

И когда святой равноапостольный князь Владимир призвал свой народ идти на Днепр для крещения — "аще кто не обрящется в то время на реке, тот Богу и великому князю явится противен", — киевляне и не подумали сопротивляться велению князя. Еще со времен аскольдовых христианство было известно на Руси как "вера добрая", к тому же люди были уверены, что любимый князь и умные бояре не желают им зла, но предпочли новую веру старой, потому что она гораздо лучше.

Так наступил величайший день в истории нашего Отечества — день духовного рождения русского народа. По слову летописи, "в этот день небо и земля ликовали". Неисчислимые толпы русичей устремились к Днепру, дабы сподобиться благодати Святого Духа. В звуках священнических молитв и церковных песнопений дикая языческая страна преображалась в Святую Русь. В неописуемой радости духовной созерцал это зрелище равноапостольный князь Владимир. В веках звучат для нас вдохновенные слова молитвы крестителя Руси, впервые раздавшиеся над днепровскими водами: "Боже великий, сотворивший Небо и землю! Призри на люди сия, дай им, Господи, уведети Тебе, Истиннаго Бога, утверди в них веру правую и несовратную, и мне помози на супротивнаго врага спасения человеческаго, да надеяся на Тя и на Твою державу, побеждаю козни его". Так молил Господа любвеобильный князь о своем народе — да познают люди русские Небесного Отца, да хранят верность Святому Православию, да уповают на Всевышнего в борьбе с коварным диаволом.

Среди российских "сливок общества" со времен Петра I начало распространяться пренебрежительное мнение: дескать, князь Владимир "крестил, но не учил" и Русь, мол, так и осталась "полуязыческой". Но на самом деле именно такие высокомерные клеветники, презиравшие собственный народ, и расшатывали православные основы русской жизни, пока не довели Россию до бедствий нынешнего столетия. И целых три века подряд пришлось "работать" этим "вольнодумцам", зараженным западническим чужебесием, пока сумели они подорвать в русских людях святую веру, — так глубоко укоренил Русское Православие равноапостольный князь Владимир.

Великий креститель Руси явился и величайшим просветителем Отечества. По свидетельству древнейших житий, святой князь сразу же после крещения народа на Днепре "повеле ставити церкви по всем градом и местам" и "нача поимати у нарочитой чади дети и даяти нача на учение книжное". "Нарочитая чадь" — это знатные люди древней Руси, бояре и дружинники, с их детей началось приобщение сплошь безграмотной страны к Слову Божию по книгам, переведенным учителями славянства святыми равноапостольными Кириллом и Мефодием. Затем князь повелел привлекать к "учению книжному" детей из всех сословий.

Не в одном стольном Киеве насадил святой князь Владимир православную веру, но разослал сыновей своих вместе со священниками для проповеди во все концы Руси и сам отправился возвещать Истину Христову в земли волынские и суздальские. А на месте мученической кончины святых страстотерпцев-варягов Феодора и Иоанна воздвиг духовно прозревший князь каменный храм в честь Пресвятой Богородицы.

Великий князь Владимир, осененный Божественной благодатью, преобразился почти неузнаваемо. Прежде жестокий и мстительный, охочий до кровопролития и войн, князь сделался миролюбив и человеколюбив, старался жить в мире с соседними странами,

всюду являлся не разрушителем, а созидателем, основывая города и селения. Прежде косневший в плотских страстях, пребывавший в многоженстве, "как свиния в грязи" (одна из этих "жен" даже пыталась убить его), князь стал целомудренным, верным и нежным супругом царевне Анне. Брак этот был благословением Господним и для его государства, и для Православной Византии, где дружина князя Владимира усмирила пагубный мятеж. О браке святого князя с царевной Анной в житии говорится: "На всякую добродетель наставляем он бысть честною супружницею своею Анной, с нею же по закону христианскому живяще". От этого брака родился "прекрасный цвет новокрещенной земли Русской" — просиявшие в лике святых князья Борис и Глеб (сына Бориса святой равноапостольный князь Владимир особенно любил, видел в нем наследника и продолжателя своего дела). С женою-христианкой святой Владимир жил "душа в душу", делился с нею печалями и радостями, советовался в важнейших делах и при составлении устава русского церковного права "сгадывал со своею княгинею Анною".

И в язычестве князь Владимир отличался хлебосольством: но то были пиршества богатого властителя, устраиваемые ради ублажения придворных и собственного тщеславия. Не таковы стали пиры "Красного Солнышка", великого князя-христианина. Столы в княжеском тереме накрывались трижды: первыми трапезовали священнослужители, затем "голь перекатная", бедняки и нищие, и последним садился за стол сам князь с боярами и дружиной. Всякий нуждающийся мог прийти на княжий двор и получить все необходимое для жизни. А святой князь Владимир беспокоился: "есть немощные и больные, которые не дойдут до двора моего". И слуги князя разъезжали повсюду на возах, где громоздились рыба, мясо, овощи, бочки с медом и квасом, выкликая: "Нет ли здесь больного и нищего? Пусть возьмет, что потребно ему".

Святой князь Владимир проникся таким отвращением к кровопролитию, что дошел до крайности — перестал казнить разбойников, убийц и врагов Отечества, не понимая, что нарушает тем долг христианского кесаря. Духовенству во главе со Святителем Михаилом, первым Митрополитом Киевским, пришлось даже вразумлять князя, впавшего в "непротивленчество": "Ты поставлен от Бога властелин на наказание злых, на милость же добрым, достоит убо тебе казнити злых с испытанием. Аще бо не казниши злых, то веждь, яко добрым зле деешь: понеже твоего ради нерадения умножаются злии на пакость добрым. Но погуби злых, да добрии в мире жительствуют". Великий князь внял совету святительскому.

Многие годы наслаждался святой князь Владимир великим счастьем — видеть, как мирно благоденствует и утверждается в благочестии просвещенное его трудами Отечество. Но старость князя была омрачена жестокими скорбями, вызванными изменой его собственных детей. Сначала взлелеял злой умысел против отца Святополк, совращенный женою-полячкой в папизм (тот самый Святополк, который войдет в русскую историю под прозвищем "Окаянного", запятнав себя чудовищными предательствами, братоубийством, святоубийством). Святой князь был вынужден заключить сына-отступника в темницу. Святополк притворно покаялся, и отец-христианин простил его. Затем восстал другой сын, Ярослав, и в то же время начали опустошать Русь разбойники печенеги. От всех этих бед святой князь Владимир истомился духом и тяжко заболел. Едва успел он собрать войско и отправить с ним любимого сына Бориса против печенегов. Последние дни земного жития святого Владимира прошли под хищным взором Святополка, нетерпеливо ждавшего смерти отца, чтобы захватить предназначавшийся Борису великокняжеский престол. Святой князь Владимир догадывался о его темных замыслах и до самой кончины терзался тревогой о судьбе доброго сына Бориса и о судьбах Отечества, коему

угрожало коварство Святополка. Так, "осолившись очистительной солью страданий" и тем искупая заблуждения и преступления языческой юности, приготовлялся святой равноапостольный князь Владимир к принятию лучезарного венца в блаженном Царствии Небесном.

Тело святого князя было положено в воздвигнутой им церкви Пресвятой Богородицы рядом с прахом возлюбленной супруги его, царевны Анны. Сыновья их, святые Борис и Глеб, сподобились мученических венцов от руки братоубийцы Святополка и встретились с родителями в обителях Горних. А предсмертная тревога равноапостольного князя о судьбах Руси оказалась напрасной. По Промыслу Божию Святополк Окаянный недолго властвовал. Великим князем стал Ярослав, глубоко и слезно покаявшийся в мятеже против своего святого отца, сделавшийся справедливым и благочестивым правителем и удостоившийся славного прозвания Ярослава Мудрого. И уже в его княжение началось повсеместное церковное почитание святого равноапостольного князя Владимира, крестителя русского народа. Память о его мудрых и благочестивых деяниях запечатлели летописцы разных стран: скандинавские, немецкие, византийские, арабские. Любовь благодарного русского народа к своему "Красному Солнышку" отразилась в богатырских былинах и сказаниях, а в XII веке при переводе на русский язык греческого "Синаксаря" ("Пролога") благочестивые составители внесли в него и житие апостола Руси святого князя Владимира.

Подобно тому как преобразился после крещения князь Владимир, переродился и просвещенный святою верой народ русский. Вся жизнь Руси наполнилась красотою, светом, высшим смыслом. Там, где стояли мрачные идолища, воздвигались величественные храмы. Там, где разносилась грубая ругань, зазвучала гармония "знаменных" церковных распевов. Расцвели искусства: древнерусское зодчество и иконопись поныне восхищают весь мир. Сама русская речь от выражения низменных понятий и пустословия поднялась к изъяснению чудес и тайн Всевышнего. Православная Русь научилась сочувствовать чужим страданиям, привечать странников и творить щедрую милостыню, много веков эта щедрость и открытость русской души удивляла "практичных" иноземцев. Благотворное влияние Христова учения Любви изменило русский семейный быт — не буйство и похоть, а святость семьи, как домашней Церкви, стала определять отношения благочестивых супругов. Умилительна картина жизни старорусских семей, когда родители и дети, старые и малые, после дневных трудов собирались под домашними божницами, чтобы послушать слово Божие или сказания о житиях святых — еще в прошлом веке это было любимым чтением простого русского народа. Русские люди (все, а не только сельчане) называли себя "христьянами" (христианами), или "крестьянами" (почитателями Креста Господня). И не было в нашем языке упрека горше, чем "креста на тебе нет", слова более уничтожительного, чем "нехристь".

Некогда Отечество наше именовалось Святою Русью. Конечно, это не значит, что каждый русский человек тех времен был праведен — нет, в истории нашей много позорных пятен: пагубное неистовство страстей, злую игру властолюбий и честолюбий, жестокость и преступность знало и тогдашнее общество. И все же духовный взор народа был устремлен в Горняя. На Руси чтили не ловких проходимцев и жадных богачей, а смиренных иноков, служителей Божиих, идеалом народа была и оставалась святость. Даже в глубочайшем падении русский человек сознавал мерзость своих грехов (вспомним, что даже такой изверг, как Иоанн Грозный, часами рыдал перед иконами) — в старину на Руси никогда не была нормой та бесстыдная безнравственность, которая отличает западных "прагматиков". Способность к искреннему, горячему покаянию перед Господом Милующим не раз

помогала России возрождаться буквально из пепла.

Нашему Отечеству было уготовлено немало тягчайших испытаний, внешних и внутренних опасностей, смут и войн. То, что русский народ среди всех напастей и бедствий своей истории не только сохранял единство, но и обретал величие, можно объяснить только чудом Милости Божией, даруемой православной державе. Один из немногих прозорливцев минувшего века, пытавшийся защитить Отечество от смертоносной чумы безбожия и объявленный потому "реакционером", — К. П. Победоносцев говорил: "Явилась сила Божия в Церкви Православной, в Которую вошел язык нам под водительством святого благоверного великого князя Владимира. Что бы с нами сталось без этой Церкви, страшно и подумать! Она одна помогла нам остаться русскими людьми". Увы! Ныне мы воочию видим, каким ничтожным и диким становится расцерковленный народ, бывший некогда великим и славным.

Возлюбленные о Господе братья и сестры!

Древле святитель Иларион Киевский, восхваляя крестителя и просветителя Руси святого равноапостольного князя Владимира, взывал к нему: "Встань, о честный муж, из гроба своего! Встань, ты не умер! Не подобает умереть тебе, веровавшему во Христа — Жизнодавца всего мира! Смотри на внуков твоих и правнуков, как живут, как хранимы Господом, как по завещанию твоему хранят благоверие, как посещают святые церкви, как славят Христа! Смотри на христианство множащееся, смотри на грады, иконами святых освящаемые, блистающие, фимиамом благоухающие, хвалами и песнями святыми оглашаемые!"

И каким горчайшим упреком звучат эти слова для нас нынешних! Мы расточили бесценное сокровище веры, завещанное нам "Красным Солнышком" русского народа святым равноапостольным князем Владимиром. Где ныне старорусское благоверие и благочестие, братолюбие и ревность по Богу, верность Матери Церкви? Мы вернулись к первобытной дикости: как жалкие дикари, жадно хватаемся за пестрые иноземные товары и моды, пляшем дикие танцы под языческие завывания, повсюду торгашество и обман, блуд и нечистота, ненависть и отчуждение, ереси и бесопоклонничество. Все это мы называем "цивилизацией" — но нет, это с бездуховного Запада надвигается на нас мрак языческого дикарства, и хохочет над нами древний кровожадный "Перунище" — одна из личин человекоубийцы-диавола.

Такого изобилия и многообразия липких демонских соблазнов еще никогда не бывало в России, и никогда еще русский народ не был так близок к гибели. И ныне, как при всех былых бедствиях русской истории, единственной надеждой нашей остается Святое Православие, завещанное нам апостолом нашей отчизны святым князем Владимиром. Спасти Россию может лишь такое же чудо Господне, которое явлено было в древности на Днепре при всенародном обращении духовно прозревших язычников к Богу Истинному. Так обратимся же к крестителю и наставнику Руси святому равноапостольному князю Владимиру — быть может, благодатным его предстательством и дарует вновь Всеблагой Господь прозрение падшему народу нашему. Воззовем же с Матерью Церковью: "Святый равноапостольный княже Владимире, насади православную веру среди язык царства русскаго, неведущих Истиннаго Бога, искорени в нем ереси и расколы, да вси сынове российстии едиными усты и единым сердцем славят Бога". *Аминь.*

ВЛАДИМИР,
архиепископ Ташкентский и
Среднеазиатский

Задачи, принципы и формы православного образования в современных условиях

I

Господь наш Иисус Христос заповедовал своим ученикам: *Итак идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам* (Мф. 28, 19–20). Благовествование Евангелия присуще Церкви Христовой. Без него, как и без молитвы и Таинств, невозможна жизнь Церкви. Особенно необходима православная проповедь в наши дни, когда народ после господства атеизма и гонений за веру встрепенулся и ищет часто не зная чего. Есть только понимание, что жить так больше нельзя. Кто ищет Правды и Истины, а кто окунулся в разврат и стяжательство. Кто ищет Бога, а кто служит сатане. Тысячи сектантских проповедников разного толка ринулись в нашу страну, преследуя самые разнообразные цели и задачи: кто действительно хочет донести до безбожного народа слово о Христе в своем собственном понимании, а кто преследует шпионские, экономические и политические цели. Сотни и сотни сатанинских групп, явных и скрытых, разбросаны по стране. Во главе мирового сатанизма стоит первосвященник сатаны, живущий в США, в Калифорнии, пародирующий Папу Римского. Его портреты печатаются в наших юношеских журналах (Юный техник, 1990, № 12).

Русская Православная Церковь выдержала эпоху гонений, увенчалась сонмом мучеников, сохранила чистоту веры. Если мы причислим к лику святых всех наших новомучеников, то святых в Русской Православной Церкви будет больше, чем во всех остальных Поместных Церквах, вместе взятых.

Сейчас наступили времена более тяжелые. Если раньше нас гнали, если к мученичеству, к исповедничеству должен был быть готов каждый верующий от епископа до мирянина, то сейчас в нас пытаются убить чувство благоговения, в нас, не отрицая существования Бога, пытаются посеять сомнение в благодатности Православия и клевещут на Русскую Православную Церковь, восторгаясь другими конфессиями. Если русских, белорусских, чувашских и других детей учат играть в молитву (игра № 2 в методических пособиях организации "Новая жизнь"), то они никогда не познают сладости настоящей молитвы. Если они пользуются игрой "Святой Дух" (игра № 4), то у них никогда не будет чувства благоговения. Легче научиться молиться откровенному атеисту – он скорее почувствует благодать Святаго Духа, – чем человеку, ребенком играющему или игравшему в эти неопротестантские игры[1]. Появляются лжепророки и лжехристы, как это и было предсказано Христом (Мф. 24, 23–24; Мк. 13, 23). Вот они отечественные лжехристы и лжепророки: Виссарион, пророк Иоанн, Мария Дэви Христос или пришедшие из-за рубежа "преподобный Мун", кровью которого причащали новобрачных, а также Секо Асахара и многие другие.

Необходимо возвысить голос православной проповеди. Она должна звучать не только с амвонов храмов, но выйти на паперти, улицы, войти в клубы, школьные классы, студенческие аудитории, в цеха заводов и фабрик, звучать в городах и весях,

тюрьмах и больницах. Она должна коснуться действительно ищущих Истину и Правду и облегчить православным стояние в вере своей. *Ты веруешь, что Бог един: хорошо делаешь; и бесы веруют, и трепещут* (Иак. 2, 19). Значит, мало признавать существование Бога и Сына Божия Иисуса Христа. Сатанисты веруют в Иисуса Христа, но как? Между их верой и верой апостольской, верой святого Серафима Саровского и святого Иоанна Кронштадтского – дистанция неизмеримая. Без чувства благоговения нет истинного Православия.

Цель православной проповеди, православного образования и катизихации – вложить в сердце человека, в его сознание, во все его существо веру любящую Бога, веру благоговейную, светящую миру (см.: Мф. 5, 14, 16) любовию и истиной.

Проповедь Апостолов, их учеников и ранних отцов Церкви остановила разврат и жестокость языческого древнеримского мира, а проповедь их преемников просветила народы, которых греки и римляне называли "варварами", в том числе и нашу Русь.

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II неоднократно подчеркивал, что важнейшей современной задачей Русской Православной Церкви являются просвещение и катизихация народов нашей страны или, говоря другими словами, религиозное образование и воспитание народа Божия и стоящих за оградой Церкви и ищущих Правду жизни.

Слово "образование" происходит от слова "образ". Оно первоначально означало участие в созидании в человеке образа Божия, восстановление его по подобию Божиему, которые он утратил и утрачивает в результате грехопадения Адама и собственных грехов. Человек сам с помощью Божией создает себя по образу и подобию Божиему. Задача наставника, духовника, педагога помочь в этом делании руководимому, пасомому, ученику.

К сожалению, к нашему времени слово "образование" утратило свое первоначальное значение. Им стали называть процесс приобретения под руководством учителей и преподавателей знаний и навыков, полезных для материального благополучия и карьеры. Образование с Петровской эпохи утрачивает самодовлеющую ценность и все больше становится средством достижения тех или иных эгоистических целей[2]. Поэтому оно не спасает от роста преступности и беззакония.

Русское слово "образование" на английский язык переводится словом "education", производным от слова "educe", что значит выявлять скрытые возможности, выводить, выделять, от него же – "eduction" – проявление, выход, выпуск и химический термин "выделение". Выявлять можно все что угодно для различных целей и задач. Этимология слов "образование" и "education" отражает разное отношение к этим понятиям у древних православных русичей и протестантствующих англичан.

"Education", с точки зрения современного, так называемого цивилизованного, общества, – это отрасль промышленности, "продукция которой – квалифицированная рабочая сила, а с точки зрения отдельного человека – способ вложения капитала, который в будущем должен приносить доход"[3]. Говоря словами Н. И. Пирогова (1810–1881), "... общество является потребителем, а школа – фабрикой, приготовляющей товар для потребления"[4]. Эти слова великого хирурга и попечителя Одесского и Киевского учебных округов предупреждают нас, что нельзя идеализировать дореволюционную школу и переносить ее опыт в наши современные школы и гимназии. Средние и высшие учебные заведения императорской России, в том числе и духовные, готовили как побочный продукт, но достаточно многочисленный, нигилистов и террористов, материалистов и агностиков. Конечно, в России были замечательные педагоги, теоретики и практики (К. Д. Ушинский (1824–1870), С. А. Рачинский (1835–1902 и другие), прекрасные средние школы. Можно вспомнить гимназии Поливановых в Москве или княгини Оболенской в Санкт-Петербурге. Было много прекрасных приходских школ[5], прекрасных преподавателей Закона Божия. Опыт их, конечно, надо изучать[6].

В нашей советской и современной массовой школе нет ни образования, ни "education", если не говорить об отдельных выдающихся учителях и школах.

Несколько лет назад наши высшие органы образования разрабатывали концеп-

цию "непрерывного образования" с целью "создания педагогической индустрии, цель которой – обработка всей подлежащей усвоению информации и превращение ее в форму, удобную для усвоения без потери содержания и качества". Воспитание понималось как "формирование личности с заданными качествами"[7]. Такое в истории уже было. Во время оттоманского ига турки отбирали у болгар малолетних мальчиков и растили из них башибузуков – воинов жестоких карательных отрядов, наводивших ужас на болгарские селения. Болгары крови убивали единокровных болгар духа.

"Когда ученика рассматривают как болванку, из которой надо выточить стандартную деталь, все отклонения от стандартов выбраковываются, а это означает подавление индивидуальных особенностей, подавление любознательности таланта, вообще всего живого. При этом неизбежно понижается и средний уровень образования"[8]. У детей возникает негативное отношение к школе.

Десятилетия назад, в пятидесятые годы, во время своей активной педагогической деятельности я часто сравнивал себя с рабочим у конвейера и с горечью понимал и разницу между нами: добросовестный рабочий, завернув гайку, уверен, что она будет держаться, я, преподаватель, не знаю, как будут держаться мои "педагогические гайки" в сознании моих питомцев, проплывающих передо мною, как автомашины на конвейере. На протяжении десятилетий мы видим, как деградирует наше образование.

Кризис советской школы был одной из причин возникновения идеи о негосударственном среднем образовании. Другой причиной было желание необуржуазии дать своим детям элитарное образование. Проектировались школы с теннисными кортами, собственными конюшнями, ибо, как утверждалось в проекте, для девочек очень полезна в период полового созревания верховая езда. Ни одна школа, виденная мною, не оставила такого тяжелого впечатления, как такая элитарно-буржуазная школа, которая пыталась называть себя христианской гимназией. Все они основывались на принципах "education".

В охватившем массы и власти преклонении перед Западом, особенно перед США, пытаются перенести на нашу почву все, не учитывая ни истории, ни современных реалий. Американцы тратят на образование много денег, но у них, во всяком случае в 50–70-е годы, качество образования было хуже нашего. Это широко распространенное мнение среди специалистов.

8–10 сентября 1992 года в Обнинске Калужской области состоялась большая Общероссийская конференция "Негосударственное образование", которая выявила большое разнообразие целей и задач, которые ставят перед собой учредители альтернативных гимназий, школ и лицеев. На Конференции было много интересных и добрых людей, увлеченных педагогов с очень разными идеями и методами обучения.

В православных учебных заведениях не должно быть ни штамповки, ни "education". В них на практике надо вернуться к древнерусскому пониманию слова "образование".

II

Принципами православного образования являются:

1. Христоцентричность.
2. Педоцентричность.
3. Опережение морально-нравственным образованием, воспитанием рационально-информационного "education".
4. Воцерковление.
5. Исполняемость заповедей Христа ребенком, юношей, девушкой, взрослым человеком в современных условиях.
6. Раскрытие Православия как радостной полноты жизни во Христе.

К сожалению, эти принципы не всегда четко осознаются и осуществляются в практике православного просвещения.

1. Христоцентричность. Центром жизни христианина является Христос, Христос – центр мировой истории. Вся история человечества делится на два периода: до Христа и после Его вочеловечивания – Ветхий и Новый Завет. Третьего, о чем возвещают новоявленные лжепророки и лжехристы ("Богородичный центр", "Белое братство", Виссарион с Алтая и другие), не будет. *Я – хлеб живый, сшедший с небес* (Ин. 6, 51). *Я живу Отцем, так и ядущий Меня жить будет Мною* (Ин. 6, 57). Этими словами Христос определил и содержание христианской жизни, и основное содержание православного образования. История Ветхого Завета должна преподаваться с христологических позиций.

Однако Ветхий Завет в большинстве курсов и учебников Закона Божия довлеет над Новым Заветом, в чем мы видим влияние на наши учебные планы и методы преподавания протестантизма. Оно сильно сказывалось на всей нашей педагогике после Феофана Прокоповича и реформ Петра I [9].

Христоцентричность приходится воспитывать в сердцах и в сознании учащихся и слушателей в условиях современного секуляризованного неправославного мира.

В Греции, где Церковь не отделена от государства и школа – от Церкви, встретились со следующим феноменом. В школах у них изучается история Греции, которой греки очень гордятся, и мифы Древней Греции. У детей из секуляризованных семей появилось отрицательное отношение к Ветхому Завету: мы греки, и зачем нам история какого-то еврейского народа и мифы евреев. Это заставило греческих богословов, учителей, Элладскую Церковь в целом и Министерство образования и религий пересмотреть методику преподавания Священной истории Ветхого Завета. Они говорят о дохристианской истории человечества и Божием руководстве избранным народом, оставшимся верным Богу, – "народом Божиим". И термин "народ Божий" предпочитают термину "еврей". В своих учебниках и программах они излагают важнейшие события в свете отпадения человечества от Бога и ожидания Христа, приготовления людей к Его пришествию. Ветхий Завет, а не история еврейского народа, как таковая, дается как введение в Новый Завет.

Эти же вопросы у нас обсуждались в общей форме на Общецерковном семинаре катихизаторов в августе 1991 года и на московских семинарах катихизаторов (1991–1993 годы). Они нашли свое отражение в книге протоиерея профессора Владимира Сорокина[10] в предисловии к сборнику программ для воскресных школ[11].

В программах Священной истории в воскресных школах, православных гимназиях и лицеях должно быть предусмотрено лишь ознакомление с основными событиями ветхозаветной истории, такими, как Творение, Потоп, Содом и Гоморра, Египетский плен, Исход из египетского рабства, и некоторыми другими. Причем должно быть освещено не только естественно-историческое, но прежде всего духовно-нравственное значение 40-летнего пребывания израильского народа в пустыне и так далее. Необходимо остановиться на событиях, отраженных в церковных молитвословиях, и в частности в девяти песнях канона, объяснить и показать, как и почему древнееврейские события находят отражение в нашем православном богослужении. Имея значение для раскрытия в дальнейшем смысла и порядка богослужения, это приблизит богослужебные тексты к пониманию учащимися.

2. Педоцентричность – учет возрастных особенностей слушателей, их религиозной и общеобразовательной подготовки. В практике деятельности православных гимназий, лицеев и особенно воскресных школ это наиболее трудный вопрос. Многие преподаватели стараются дать как можно больше информации обучаемым, не считаясь с возможностями их восприятия, – издержки нашего светского образования.

Как-то автор посетил занятия в одной из московских воскресных школ. Средняя группа, дети лет 12–14. Была лекция по истории Церкви. С подробностями рассказывалось, как в таком-то веке складывались взаимоотношения между императором, императрицей и высшими церковными сановниками империи. Мне было любопытно слушать излагаемые факты – многие из них я не знал или забыл, а детям было явно скучно. Только единицы записывали кое-что в тетрадках, и то по указанию педагога,

большинство же просто занималось своими делами: рисовали и так далее.

"Лектор" на мои замечания категорически отказался реагировать. "Это они позже поймут и увяжут с общей историей Церкви. К сожалению, сам лектор, несмотря на все его общие заявления, понимал историю Церкви как историю борьбы Церквей и государств и отдельных кафедр между собою. А история Церкви есть история того, как в разных исторических условиях трудились люди, чтобы стяжать Дух Святой, как передавалось из поколения в поколение святое апостольское предание и почему люди отпадали от него[12].

Детей надо знакомить с историей Церкви не в стиле арианствовавшего Евсевия Неокессарийского, а с житиями святых в увлекательном, не елейном изложении. Особенно сильное впечатление у них оставляют детские годы святых. Жизнь святого Афанасия Великого может быть представлена как увлекательный приключенческий роман, житие Александра Невского – это и воинская доблесть, государственная мудрость в сложнейшей исторической эпохе, и личная святость и чистота. А мученики Колизея, житие Иннокентия Московского и святого Германа Аляскинского могут быть прекрасными книгами в сериях литературы "География, путешествия", "История". Список этот почти бесконечен. Нужно искусство рассказчика и мастерство литератора. Образы человеческие, а не хронология обладают учительной силой, особенно для детей и подростков. Детям надо говорить просто и образно. Нельзя опускаться до упрощенчества, от которого впоследствии пришлось бы отказываться.

Вопросы религиозной возрастной педагогики усиленно разрабатывались французскими католиками, которые признают, что прошли через множество ошибок. Много полезного можно почерпнуть в работах выдающегося православного педагога из Автокефальной Православной Церкви в Америке С. С. Куломзиной, в частности в ее книге "Our Cgurch and our children".

Греки в младших классах вообще не дают систематического образования, а пытаются "вжить" ребенка в Православие, в Церковь, дают отдельные истории, объясняют отдельные события, связанные с жизнью школы, дома, с церковными праздниками, говорят о жизни отдельных святых на понятных детям примерах и доступным языком.

У нас ситуация оказалась сложнее – в воскресные школы приходят дети из церковных и секуляризованных семей. Первые относительно подготовлены, вторые ничего не знают. Первым ведут себя в воскресных школах хуже: им скучно.

Разработка методики катихизации в группах разного возраста, разной религиозной подготовки и общего образования является важной задачей современной православной педагогики.

3. Опережение морально-нравственным образованием рационально-информационного. Развеялась утопия середины XX века, что наука, знания создадут совершенную нравственность, что мораль, вопросы жизни и смерти каждого человека можно будет рассчитать на компьютере. Успехи науки и падение нравов прекрасно соседствуют друг с другом. Страшно, когда знания падают в неокрепшую или злую душу, когда любопытство не охраняется моральными рамками и законом.

Ко мне однажды в храм пришла девятнадцатилетняя особа в состоянии наркотического дурмана. На руках ее были следы порезов вен. С 14 лет она сделала четыре аборта. На вопрос: "А что тебя толкнуло на это первый раз – любовь? страсть? деньги?" – был ответ: "Нет! Мне было интересно, как это делается".

Я знал человека, который 16 октября 1941 года, во время паники в Москве, принял участие в расстреле только потому, что ему было интересно знать, что он будет испытывать, если убьет человека. Он был потрясен и напился. В сентябре 1942 года он просил начальство разрешить ему расстрелять приговоренного к казни за недостойное поведение в бою сержанта потому, что ему было интересно знать, а что он будет испытывать, если второй раз убьет человека. Ему отказали, но, когда подвергаемый казни был ранен, он спокойно приставил к виску корчившегося в предсмертных муках человека свой пистолет и разрядил его: интересно! Каждый по-своему встречает смерть!

Информация, поступающая из телевизоров, книг сексологической направленности, способствует распространению разврата. Сексологи в школах успешно потрудились над тем, чтобы брак по любви между мужчиной и женщиной превратить во временное сексуальное партнерство[13].

Наши информационные учебники природоведения не воспитывают чувства любви к природе, Творению Божиему. Вероятно, надо, чтобы ребенок сначала полюбил зверей, птичек, растения, всю природу и в свете этой любви и православной веры в Творца стал систематически познавать основы современного естествознания (биология, химия, физика, география и так далее). Необходимо менять всю концепцию естественнонаучного образования в средней общеобразовательной школе, о чем говорилось на Рождественских чтениях в 1993 году.

"Забота о воспитании нравственности и чувства благочестия должна начинаться с раннего детства. Как потому, – писал Я. А. Коменский (1592–1670), – что не откладывать полезно, так и потому, что откладывать опасно... если не напитать нежного ума дитяти любовию к Богу"[14]. Если не дать созреть в нем чувству благочестия и нравственности, то информационно-рационалистическое образование способно будет убить всякие добрые чувства и развить в нем пустое любознайство. А "...ум пустого любознайки", как говорил Р. Декарт (1596–1650), "болен более, чем тело больного водянкой".

Религиозное, морально-нравственное воспитание должно опережать информационно-рационалистическое наполнение ума. Нельзя преждевременно вкушать от древа познания добра и зла.

4. Воцерковление. Без этого принципа нет и не может быть ни православного воспитания, ни православного образования. Недостаточно быть верующим: *и бесы веруют, и трепещут* (Иак. 2, 19) – надо быть воцерковленным, войти в жизнь Церкви, жить ее благодатными Таинствами, жить в молитвенном и богослужебном ритме церковного года. Вне Церкви нет полноты Божественной благодати, таинственно передающейся из поколения в поколение от апостольских времен.

Воцерковление человека обычно длительный процесс. У одних он начинается в раннем младенчестве, естественно и просто, у других – во взрослом состоянии, когда к человеку приходит созидательная православная вера. Оно требует большего внимания со стороны духовников, родителей, катихизаторов и педагогов.

Воцерковление с внешней стороны предполагает участие детей в той или иной мере в жизни храма, в церковном пении, в прислуживании, в работах и трудах по благоустройству храма: от уборки до вышивок наличников и покровцев. Главное же – воспитание внутреннего духа церковности.

5. Исполняемость заповедей Христа ребенком, юношей, девушкой, взрослым человеком в современных условиях. Сущность всех заповедей кратко изложил Сам Господь Бог наш Иисус Христос: *...возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душею твоею, и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя; на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки* (Мф. 22, 37–40).

Об этих евангельских словах много сказано и написано толкований. Но мы часто забываем слова любимого ученика Христова Иоанна Богослова: *Кто говорит: "я люблю Бога", а брата своего ненавидит, тот лжец; ибо не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, Которого не видит? И мы имеем от Него такую заповедь, чтобы любящий Бога любил и брата своего* (1 Ин. 4, 20–21).

Любовь возрастает в делах, а *вера, если не имеет дел, мертва сама по себе* – в этих словах весь пафос второй главы Соборного Послания святого апостола Иакова (Иак. 2, 17).

С самых ранних лет детей надо учить делам любви. Их сызмальства следует приучать думать и заботиться о других. Очень многие родители при живых детях оказались брошенными в квартирах и домах инвалидов: они все отдавали детям, но не приучали их любить и заботиться о матери и об отце и о других людях[15].

Когда говорят в проповеди о делах любви и милосердия, обычно приводят примеры из жизни святых первых веков и прошедших столетий. Гораздо действеннее примеры из более близкого к нам времени. Важно рассказывать о делах любви и милосердия, которые совершались потаенно в Русской Православной Церкви в эпоху последних жесточайших гонений. Эти дела требовали и большой любви, и большого мужества.

Активное милосердие входит в повседневную жизнь многих приходов Русской Православной Церкви. Поучителен опыт православного сестринства при храме святого царевича Димитрия в 1-й Градской больнице города Москвы (настоятель протоиерей Аркадий Шатов). В настоящее время при многих больницах имеются православные храмы или домашние церкви, например при Елизаветинской больнице Санкт-Петербурга и так далее. При некоторых приходах появляются детские дома. Многие священники и их прихожане отдают свои силы детям-инвалидам. На 4-м семинаре воскресных школ Москвы был интересный обмен опытом православной работы с такими детьми. Большую и сложную деятельность осуществляет Синодальный отдел по благотворительности и социальному служению, возглавляемый архиепископом Солнечногорским Сергием.

Однако, как ни печально, в деле милосердия часто приходится сталкиваться со специфическим "православным эгоизмом".

Некоторые больницы просто взывают о помощи к Православной Церкви. Организаторы православного милосердия отмечают, что часто легче привлечь людей с добрым сердцем, но почти неверующих или неофитов, недавно крещенных и воцерковляющихся, чем так называемых церковных православных людей. От последних сплошь и рядом на просьбу прийти и помочь можно услышать жесткий и твердый отказ: "В этот день у нас служба в храме", "Это праздник – нельзя работать", "В этот день у нас в храме служит мой "батюшка", "Тогда в таком-то храме престольный праздник с архиерейским богослужением" и так далее." Даже договорившись, человек может не прийти: "А я забыла, что служит мой батюшка – должна была быть на его службе". Невоцерковленные неофиты и люди с добрым сердцем такие номера не выкидывают и в отличие от некоторых православных держат свои обещания.

Послушаешь таких православных и невольно начинаешь думать, что нельзя организовывать православные больницы, православные детские приюты, ибо в воскресные и праздничные дни в них просто некому будет дежурить и работать. Такие настроения и такой "православный эгоизм" отталкивают от Церкви пытающихся в нее войти и бросают их в объятия сектантов.

Необходимо вспомнить, как обличал Иисус Христос фарисейское отношение к субботе (Мф. 12, 1–15; Мк. 2, 23–28; 3, 1–6; Лк. 6, 1–11; 13, 10–17; 14, 1–6; Ин. 5, 9–18; 7, 21–24 и др.).

В древнем Патерике рассказывается: к одному великому старцу пришел брат и, входя к нему, сказал: "Прости, авва, что я отвлек тебя от правила твоего". Старец ответил: "Мое правило таково, чтобы успокоить тебя и отпустить с миром. Вот мое правило". Приводя это повествование, наш замечательный подвижник, исповедник и провидец епископ Варнава (Беляев)[16] восклицает: "Вот истинное монашество" (!)

Если имею... всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, – то я ничто, – говорит святой апостол Павел в своем гимне любви (1 Кор. 13, 2).

Фанатизм без любви – один из наиболее изощренных методов антиправославной пропаганды. С какой злобой у нас иногда встречают нецерковную молодежь в храме. А как бывают рады молодые люди, когда с ними спокойно, без менторского тона поговорят о храме и вере! А в некоторых приходах у свечного ящика можно встретиться с грубостью и вымогательством. Очень спорная вещь – устанавливать на требы таксы. Некоторые храмы отказались от этого и благополучно существуют. Каждый входящий в православный храм Божий должен встречать внимание, любовь и благоговение во всей его внешней обстановке и внутренней молитвенной атмосфере.

Христианская педагогика невозможна без воспитания в человеке чувства греха.

Современная светская школа, современное общество и у нас в стране и за рубежом сызмальства убивают в ребенке, в юноше, девушке, во взрослом человеке чувство греха, понятия добра и зла. Над этим трудятся телевидение и современная популярная литература. Разврат выгоден: секс-бизнес – один из самых доходных. Чувство греха притупляется и во многих, считающих себя православными.

Все человеческие цивилизации имели более или менее совершенное понятие греха, хотя в язычестве встречались и извращенные представления. Христианство голгофской жертвой Христа избавляет, спасает человека от последствий греха, а современные учения избавляют человека от самого понятия греха.

Однажды ко мне пришла на исповедь пожилая женщина. Спрашиваю:

– Какие у вас грехи?

– У меня грехов нет.

– Значит, вы святая?

– Да, святая!

– Значит, на вас можно молиться, как на икону?

Она смутилась. Молчит и немножко растерянно смотрит на меня.

– А аборты делала?

– Делала.

Случай крайний, но, увы, достаточно показательный. В обществе прелюбодеяние, как и аборт, не считается чем-то предосудительным. Оно пропагандируется с экранов телевизоров, в прессе, в книгах. Вот от этого надо ограждать наших детей и подростков, нашу молодежь и воспитывать в них душевную и телесную чистоту. К счастью, в Церкви, в обществе имеется много прекрасных, чистых, умных юношей и девушек. Их надо укреплять, ограждать от тлетворного влияния мира сего, а падших поднимать через глубокое покаяние. Среди них встречаются и современные Марии Египетские[17].

Как юноше содержать в чистоте путь свой? – Хранением себя по слову Твоему. Всем сердцем моим ищу Тебя; не дай мне уклониться от заповедей Твоих. В сердце моем сокрыл я слово Твое, чтобы не грешить пред Тобою, – говорится в 118-м псалме (ст. 9–11).

Проповедь христианской нравственности должна быть живой и наряду с примерами из Священной истории и житий святых должна содержать примеры из близких нам поколений. Образы человеческие обладают учительной силой.

Наставь юношу при начале пути его: он не уклонится от него, когда и состареет (Притч. 22, 6) – вот девиз для наставников воскресных школ, гимназий и духовников, окормляющих молодежь.

Очень важно создавать православные детские и молодежные кружки, группы по интересам. Важна дружба между детьми православных семей. Это то ограждение, которое охраняет детей, юношей и молодежь от тлетворного влияния мира сего. В этом одна из задач церковных общин, которые сформировались и формируются в последние годы на базе отдельных приходов.

Невозможно оградить наших воспитанников совсем от мира сего, их надо готовить ко встрече с ним, к православной стойкости среди соблазнов мира сего. На Тайной вечере Христос молился: *Не молю, чтобы Ты взял их из мира, но чтобы сохранил их от зла* (Ин. 17, 15).

По словам преподобного Максима Исповедника: "к миру надо относиться не чувственно, не бесчувственно, а сочувственно".

6. Православие – это радостная полнота жизни во Христе. Сам Спаситель сказал: *да радость Моя в вас пребудет и радость ваша будет совершенна* (Ин. 15, 11). Апостол Павел писал: *Радуйтесь всегда в Господе; и еще говорю: радуйтесь.* (Флп. 4, 4).

Вот откуда идет светозарность преподобного Серафима Саровского, который обычно встречал людей словами: "Радость моя". Все наши старцы привлекали к себе духовным светом и любовью.

Вот откуда светящаяся и радостная улыбка епископа Стефана Никитина, бывше-

го Можайского, а затем Калужского: "Как можно унывать, когда Христос воскрес!"

Вот откуда светящийся, радостный облик отца Михаила Митроцкого – узника СЛОНа, обрисованный О. В. Волковым[18].

Подобных примеров можно привести множество. Нужны, конечно, и сокрушение, и плач, и слезы о своих грехах – на них возрастает совершенная радость. Покаяние – это средство, а не цель. Цель – стяжание Духа Святаго, совершенная радость о Христе. Есть время слез и время радости. Каждому возрасту – свое. Детям надо раскрывать радость православную. Праздником и радостью надо делать для них посещение храмов, участие в православных праздниках, учебу в воскресных школах и общение со сверстниками.

Мы, взрослые, священники и миряне, должны радоваться о детях. Пусть на девочках в храмах будут праздничные платья и банты. Их надо учить радостному восприятию природы, видеть красоту мира Божия. Суровость, фанатизм родителей порою отталкивают детей от Церкви.

Как-то мы катались на велосипедах с одной девочкой, и я задал ей вопрос:

– Валюша! Вот представь: если бы ты вдруг потеряла веру, твоя жизнь стала бы полнее и насыщеннее?

– Ой! Что вы, дядя Глеб...

Она, тринадцатилетняя, поняла полноту и радость православной веры и ущербность жизни неверующего в Бога. Она не знала слов: "Христианство – это радостная полнота жизни во Христе", но понимала сердцем своим. Теперь ей около 40 лет, она – мать семейства.

Все мне позволительно, но не все полезно; все мне позволительно, но ничто не должно обладать мною (1 Кор. 6, 12). Грех непозволителен в любой форме, о чем пишет Апостол в предыдущих стихах той же главы, и недопустимо идолопоклонническое отношение к любому мирскому делу. Пусть дети смеются, играют и пляшут, молятся Богу и учатся, ходят в храм Божий, как на праздник. Каждому возрасту – свое делание и восприятие мира. Пусть вера Христова освящает все проявления их жизни. Молитва детская должна быть радостной и посильной.

III

Живая практика Русской Православной Церкви трудами многих священников, мирян-катихизаторов, родителей и самих обучаемых породила многообразные формы религиозного образования, катихизации мирян и миссионерства:

1) воскресные школы при храмах;
2) евангелические кружки для взрослых;
3) группы подготовки взрослых ко крещению;
4) православные детские сады;
5) православные группы в государственных детских садах;
6) православные гимназии, школы и лицеи;
7) православные факультативы в частных и государственных школах;
8) систематические беседы по определенным программам в храмах;
9) публичные лекции в клубах;
10) лекции по отдельным предметам, темам и проблемам в вузах;
11) православные курсы катихизаторов;
12) Православный Свято-Тихоновский богословский институт;
13) Православный университет Иоанна Богослова и другие подобные ему высшие учебные учреждения, рассчитанные на светскую верующую молодежь (типа Религиозно-философского института в Санкт-Петербурге, теологического факультета в Минском гуманитарном университете и других);
14) организованные паломничества;
15) православные детские, юношеские и семейные лагеря.

По всем этим направлениям имеются интересные методические находки, накапли-

вается индивидуальный и соборный опыт.

Общее руководство народным (непрофессиональным) религиозным образованием, миссионерством и катихизацией Священноначалия Русской Православной Церкви возложено на Отдел религиозного образования и катихизации Московского Патриархата (Решение Синода Русской Православной Церкви от 29. 01. 1991 г.). Председателем Отдела утвержден игумен Иоанн (Экономцев).

В одной статье невозможно осветить, хотя бы кратко, состояние всех указанных направлений. Поэтому остановимся лишь на некоторых из них.

Воскресные школы являются наиболее распространенной формой катихизации населения. О них уже много говорилось и писалось, в том числе и на страницах нашего журнала[19]. Они имеются практически во всех епархиях, но пока в большинстве из них в явно недостаточных количествах. В 1991 году по благословению Святейшего Патриарха Алексия состоялся общецерковный семинар по воскресным школам и другим формам православной катихизации. В Московской городской епархии было четыре семинара, посвященных воскресным школам. Подобные семинары состоялись и в некоторых других епархиях, в частности в Смоленской, информация о семинаре опубликована митрополитом Смоленским и Калининградским Кириллом[20]. Очень живо под руководством Ярославского и Ростовского епископа Михея прошел в 1994 году семинар в Ярославле. После него в епархии неделю продолжались различные частные мероприятия, связанные с тематикой семинара: выезды в благочиния, лекции в разных организациях, беседы с духовенством. Обычно воскресные школы организуются при храмах, приходах и православных братствах, курируются настоятелями приходов, епархиальным священноначалием и соответствующим отделом Патриархии хотя бы номинально.

Кроме того, имеются попытки создать "воскресные школы" при клубах, загсах, общеобразовательных светских школах. Такие воскресные школы обычно не связаны со структурами Русской Православной Церкви. Они часто называют себя православными, но по содержанию преподавания нередко оказываются весьма далекими от Православия. Так, в одной из таких "православных" школ, устроенной при общеобразовательной школе под вывеской "Православная", детям стали преподавать оккультные науки – ясновидение и прочее, всегда отрицавшиеся Церковью. Православной может считаться только та воскресная школа, которая имеет духовным руководителем священника и связана со структурами Православной Церкви.

Задачи православных воскресных школ – просвещение и научение Закону Божию детей прихожан или членов православного братства, создаваемых обычно при приходах. Школы могут создаваться совместно несколькими приходами. Помимо просвещения и воспитания на православной основе детей и подростков, такие школы являются важным звеном в возрождении приходов как первичной христианской общины единоверцев, молитвенно связанных с определенным храмом, духовно окормляемых священниками во главе с настоятелями прихода. Привлечение к деятельности этих школ родителей (родительский комитет, участие в преподавании и так далее) укрепляет братские духовные связи между прихожанами-родителями и их семьями, создает благоприятную среду для воспитания молодого поколения. Учащиеся таких школ посещают богослужения своего храма, в меру своих возможностей деятельно участвуют в нем, а также занимаются уборкой храма и его территории при подготовке к церковным праздникам и несут те или иные временные или постоянные послушания в приходе с учетом своего возраста и возможностей.

Воскресная школа – условное наименование данного типа учебных заведений, существующих при приходах и братствах. Занятия в них могут происходить в любой удобный для учащихся и учащих день недели. Опыт показывает, что, когда занятия проводятся в воскресные дни, младшие дети не посещают литургию – налицо отрицательное влияние собственно "воскресной" школы на воцерковление учащихся и их родителей. Поэтому наиболее удобным временем для младших групп представляется суббота перед всенощным бдением. После занятий устраивается отдых с чаем и детям

дается возможность попрыгать и поиграть. После разрядки они идут в храм, стоят там до елеопомазания, после которого младших уводят домой. Вероятно, в сложившихся реальных обстоятельствах такие школы лучше и точнее называть "церковными", а не "воскресными".

Жизнь приходов Русской Православной Церкви выдвинула несколько типов школ[21]:

1. Школы начальной катихизации, задачи которой состоят в первичной катихизации детей из верующих, но невоцерковленных семей и из семей, лишь сочувствующих христианству и Православию. Некоторые родители, приводя детей, говорят: "Я вырос неверующим и не могу уже поверить, но хочу, чтобы мой ребенок был хорошим человеком, а для этого надо воспитать его верующим".

2. Школа повышенной катихизации для семей, считающих себя православными, но мало воцерковленными, в которых детям говорят что-то о Боге, но систематического духовного воспитания дети не получают и не приучены регулярно посещать церковь.

3. Школы церковно-евхаристического типа, в которых дети приучаются жить церковной жизнью, где закрепляются навыки, приобретенные в семье, и дети участвуют в той или иной форме в богослужениях, регулярно исповедуются у определенных духовников и причащаются.

4. Школы церковно-евхаристического типа с повышенной общеобразовательной и богословской подготовкой. Они по существу своему представляют старшие классы школ третьего типа. Реально их создание – это задачи последующих лет.

В школах каждого типа группы создаются по возрастному принципу.

В процессе своего развития школа или группы одного типа могут переходить в школы или группы другого типа. Совмещение детей разного возраста и различного уровня религиозно-церковной подготовки порождает ряд педагогических трудностей. Опыт показывает, что дети из верующих семей на занятиях ведут себя хуже, чем стихийно пришедшие с прилегающих дворов и улиц. Первым, как уже говорилось, скучно, а вторые слушают с вниманием и восторгом совершенно новый для них материал. По наблюдениям, в таких смешанных группах дети из верующих, церковных семей оказывают порой отрицательное влияние на своих нецерковных сверстников. Однако в определенных условиях дети из православных семей оказываются прекрасными миссионерами и катихизаторами, говоря от детского сердца детскому сердцу.

Серьезным является вопрос о планах и программах воскресных школ. По мнению сотрудников Отдела религиозного образования и катихизации и многих священников и мирян, активно сотрудничающих с ним, унифицированных программ для церковных воскресных школ издавать не следует. Нужны типовые программы, по образцу которых каждая школа могла бы создавать свои варианты программ или выбрать наиболее подходящую с учетом подготовки своих преподавателей и учащихся. Сборник таких программ с необходимыми пояснениями издан Отделом религиозного образования и катихизации Московского Патриархата[22]. Задача воскресных школ – не передача информации о Священной и Церковной истории, а воспитание чувства благоговения и любви к Богу и к людям. А это требует личностного, хотя и строгого православного подхода к преподаванию от каждого учащего: *О, если бы ты был холоден или горяч!* (Откр. 3, 15). Уроки в церковной школе должны быть радостью творчества для одних и радостью познания для других. Поэтому и опасна унифицированная казенная программа, хотя и уровень теоретических знаний ученики должны иметь высокий.

В воскресной школе детям должно быть интересно, приятно, уютно. А это прежде всего зависит от преподавателей. Не все священники умеют говорить живо и интересно, с учетом детской психологии, и не все образованные православные миряне могут живо, эмоционально говорить с детьми. Поэтому очень внимательно следует подходить к подбору педагогов и воспитателей воскресных школ. Сплошь и рядом преподаватели, прекрасно работающие со старшеклассниками, оказываются малопригодны-

ми для работы с малышами. В некоторых приходах ученым со степенями, с очень четким логическим мышлением, очень православным по своему мировоззрению, но суховатым и неэмоциональным поручают работать в младших группах.

Прав отец Борис Ничипоров, когда пишет[23]: "Единственным эффектом и положительным плодом наших трудов могло бы стать детское: "У отца Павла интересно!", – или просто: "В школе здорово!" Любые информационные курсы библейской истории, любые варианты знакомства с "Суперкнигой" не могут приостановить нравственную деградацию детей общества в целом".

К сожалению, отцы-настоятели не всегда достаточно вдумчиво подходят к подбору преподавателей для своих воскресных школ, даже в условиях Москвы. Известны случаи, когда "директорами" таких церковных школ назначались лица с еретическими кое в чем воззрениями, а преподавателями – малосведующие в светских науках, даже в объеме школьной программы. Одна преподавательница, например, утверждала, что медицина установила, что у мужчин 27 ребер, а у женщин 28, и таким образом доказала, что женщина сотворена из ребра мужчины.

Такие лица способны только дискредитировать идею воскресных школ и опорочить Церковь в массовом сознании как скопище безграмотных людей. Благодарение Богу – в большинстве церковных школ Москвы преподают лица достаточно высокой эрудиции, являющиеся преданными членами Церкви. В провинции дела обстоят хуже. Там нередко все ложится на плечи священников.

Если воскресные школы – это школы воспитания благоговения и христианской нравственности, школы радости, то, думается, в них не следует ставить отметки, что отдает официальностью, надоевшей в обычной школе.

В некоторых церковных школах принят двухгодичный цикл обучения: через два года дети, получив отметки и справку об окончании, считаются закончившими курс приходского обучения. Такая практика не может быть одобрена. Необходима постоянная, а не двухгодичная работа по воцерковлению детей и подростков, их религиозному и нравственному воспитанию. Для старших классов можно углубить и активизировать изучение Евангелия[24], организовать кружки, беседы на разнообразные темы, особенно о нравственности, о богослужении, обучение чтению на церковнославянском языке, пению и так далее. Важно, чтобы человек оставался при Церкви и в Церкви.

Девочки с удовольствием занимаются вышиванием, шитьем покровцев, богослужебного облачения и так далее. Как приятно бывает юным мастерицам видеть священника на Пасху в сшитой ими фелони или видеть вышитые ими покровцы. Для мальчиков следует создавать кружки столярный, плотнический, резьбы по дереву и камню, кузнечный, учитывая конкретные условия того или иного прихода и храма. При многих церковных школах создаются детские хоры.

Отдельные из них по своему профессиональному уровню уже способны выступать с концертными программами, например из некоторых храмов Москвы и Смоленска. Такие хоры требуют к себе не столько профессионального, музыкального, внимания, сколько духовно-молитвенного. Дети должны чувствовать, что их пение – это молитва, помогающая молиться пришедшим в храм.

Очень осторожно следует вводить мальчиков в алтарь. Вход мальчика в алтарь должен быть благоговейным. До алтаря необходимо духовно дорасти. Следует опасаться привыкания к алтарю подростков, что чревато фарисейским отношением к религии. По рассказам митрополита Волоколамского и Юрьевского Питирима на 2-м Московском семинаре катехизаторов, его отец не вводил своих сыновей в алтарь из-за боязни обвыкания.

Важен и морально-религиозный настрой в детских церковных хорах. Задача любого церковного хора (лика) – молитва и помощь в молитве присутствующим в храме. Между песнопениями нельзя допускать на клиросе разговоры, что часто наблюдается в профессиональных хорах, а иногда и в детских.

Общая храмовая молитва, активное участие в богослужении и любой общий труд

на пользу Церкви сближают людей. Таким трудом может быть уборка храма, прихрамовой территории, участие в восстановлении и реставрации храма. Для учащихся воскресных школ следует организовывать совместные чаепития, завтраки. Все это способствует совместному общению, в котором так нуждаются дети и подростки. В этом нуждаются и взрослые. Обычное общение подростков во дворах, на улицах, в подвалах и на лестничных маршах почти всегда имеет отрицательный результат. Такому общению следует противопоставить общение на православной основе. Для сближения членов приходов и учащихся воскресных школ и их религиозного воспитания очень полезны летние лагеря и паломнические поездки. Опыт организации таких лагерей имеется в Смоленской епархии у митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла, в Братстве во Имя Всемилостивого Спаса (Москва, лагерь в Тутаеве) и других.

Семья может помогать или мешать моральному воздействию на ребенка церковной школы. Большинство родителей сами нуждаются в катихизации наряду со своими детьми. Многие ходят в церковные воскресные школы вместе с младенцами и подростками: мама и дочка молятся вместе. Но, вероятно, полезно оставлять иногда детей без родительского присмотра, если у прихода есть возможность организовать специальные кружки для взрослых. В этих кружках следует более углубленно преподавать взрослым основы православного вероучения, проводить беседы о домашней церкви и христианском воспитании. Удобно, когда занятия с детьми и родителями проводятся одновременно в разных помещениях.

Численность учащихся в одной воскресной школе колеблется в больших пределах – от 15–20 человек до нескольких сотен. Два года назад были школы, насчитывающие до 500–600 учащихся. В прошедшем году, по имеющимся у нас данным, наиболее крупные школы имели до 300 человек. Сокращение учащихся в конкретных школах происходит по причинам:

1) увеличения количества воскресных школ и рассредоточения учащихся;

2) ухода "моды" на воскресные школы (спал бум);

3) отсутствия во многих случаях методики и программы многолетних занятий с учащимися.

Программы, изданные Отделом религиозного образования и катихизации Московского Патриархата – "Закон и Заповеди Божии"[25] – были рассчитаны на первые два года существования воскресных школ. Нужны новые разработки вариантов программ.

По нашему убеждению, занятия в церковных воскресных школах должны быть бесплатными. В храме может быть заведена специальная кружка для добровольных пожертвований на нужды церковной (воскресной) школы: доходы некоторых храмов с открытием воскресных школ возросли.

Православные гимназии, лицеи, школы создаются на основании "Закона об образовании Российской Федерации", утвержденного Верховным Советом Российской Федерации 10 июля 1992 года (№ 3267–1), предоставляющего право учреждать образовательные учреждения в числе других юридических лиц общественным и религиозным организациям, зарегистрированным на территории Российской Федерации (ст. 11, п. "Г"), а также гражданам Российской Федерации и других государств (ст. 11, п. "Д"). Этот закон готовился длительно с участием в числе других и представителей Отдела религиозного образования и катихизации Московского Патриархата. Он в значительной мере юридически закреплял, не всегда, правда, в лучшем виде, существующее положение. Интересно отметить, что на одном совещании против предоставления права религиозным и другим организациям иметь собственные средние общеобразовательные школы выступили адвентисты. В кулуарах они объясняли свою позицию тем, что этот закон будут использовать в свою пользу православные, а они, адвентисты, и без этого закона будут делать все, что им нужно.

С созданием и работой православных школ, гимназий и лицеев связано много трудностей, как внешних, так и внутренних (духовно-психологических), и недоразумений, обусловленных недопониманием их роли и места в общей системе государственного и церковного образования.

Прежде всего учредителям указанных школ, гимназий и лицеев необходимо четко понимать, что последние, называясь православными, являются не профессионально-духовными, а светскими учебными заведениями с преподаванием ряда религиозных предметов и осуществляющими в своих стенах православное воспитание. Выпускники их должны иметь равные права и возможности продолжить свое образование в любых других средних и высших государственных и негосударственных учебных заведениях, в том числе и духовных. Для этого требуется строгое соблюдение государственного общеобразовательного стандарта, то есть учащиеся должны знать и владеть всем, что предусмотрено государственными программами, утвержденными Министерством образования. Авторитет православные школы будут иметь только в том случае, если их выпускники знают предметы общегосударственного стандарта лучше, чем выпускники большинства государственных и других школ. Проверку подготовки по предметам государственного стандарта осуществляют представители Министерства образования или местных его департаментов, подготовки по религиозным дисциплинам – Отдел религиозного образования и катихизации Московского Патриархата или соответствующие епархиальные комиссии.

Для начала своей деятельности рассматриваемые учебные заведения обязаны пройти: а) лицензирование в Отделе религиозного образования или аналогичных местных органах Патриархии: б) лицензирование в местном департаменте образования. При Отделе для Москвы и области создана Лицензионная комиссия. После ее визы материалы принимаются к рассмотрению городским департаментом образования. Последний религиозные предметы не интересуют. Он обязан убедиться и подтвердить, что в данном учебном заведении могут выполняться требования государственного стандарта и санитарные нормы для школьных помещений.

Следует отметить, что в одних православных общеобразовательных школах и гимназиях отдельные предметы проходят на более высоком уровне, чем в большинстве государственных школ; в других многим предметам из обязательного стандарта предметов не уделяется достаточного внимания по двум причинам: а) считается, что важны только православные предметы; б) из-за отсутствия квалифицированных педагогов по светским дисциплинам.

В среднем в московских православных гимназиях уровень преподавательского корпуса выше, чем в государственных. Во многих из них ведут занятия профессора, доктора наук, доценты вузов, кандидаты наук. Однако многие из них не имеют опыта преподавательской работы в начальной и средней школе. В подавляющем большинстве гимназий отмечается увлечение гуманитарными предметами: языки латинский, греческий, европейские, славянский, русский, расширенно проходится история, иногда литература, не говоря о богословских дисциплинах, и явно хромают естественнонаучные предметы. В ряде случаев отмечается перегрузка программ по отдельным дисциплинам. Автору приходилось посещать и прекрасные уроки, и слабые как в научном (множество элементарных ошибок), так и в методическом отношении.

В Министерстве образования Российской Федерации создан Отдел внешкольного и альтернативного образования, который возглавляет Алексей Константинович Бруднов, человек с интересными идеями и широкими взглядами, с которым интересно дискутировать, так же как и с его доброжелательными сотрудниками.

Если раньше каждый шаг педагога расписывался обязательными программами и инструкциями, то сейчас Министерством допускаются практически любые педагогические новации, разрешается преподавание по авторским программам.

В некоторых православных школах и гимназиях имеются блестящие педагогические находки даже по таким предметам, как математика и химия, не говоря уже о гуманитарных дисциплинах. Неодинаковый уровень преподавания в различных школах и гимназиях характеризуют такие факты: в тульскую Православную гимназию стараются отдавать своих детей отцы города, а из одной из столичных гимназий родители забирают своих детей. В одной из гимназий более половины класса по математике имели двойки. Отмечены случаи невыполнения годовых программ по отдельным

предметам. Подобное случается и в государственных школах. Только там это обычно покрывается.

Мы сознательно очень подробно останавливались на трудностях и недостатках работ православных гимназий, школ и лицеев, ибо они, как правило, умалчиваются, а их надо знать, их надо предвидеть.

Самое главное, что в православных средних учебных заведениях совершенно другой морально-нравственный дух в детских и юношеских классных коллективах. Это нельзя не почувствовать, входя в классы православных и обычных школ. Дети не хотят возвращаться из православных школ в государственные. Здесь им уютно, хорошо, интересно. В большинстве случаев идет активный учебный процесс, устанавливаются дружба и христианская любовь. Как правило, несмотря на отдельные недостатки, культурно-интеллектуальный и нравственный уровень учащихся выше, чем в обычных школах. Многие ошибки и трудности представляют трудности роста. Дело новое, в котором нельзя опираться полностью и на опыт прошлого. Естественно, православные школы испытывают затруднения с приемом учеников и не могут расширяться из-за отсутствия мест, средств и педагогических кадров. Изменение отношения к школе учащихся, вероятно, важнейшее достижение православных гимназий, лицеев, школ.

Повышение качества преподавания достигается за счет воспитательной работы семьи и школы (на уроках, как правило, хорошая дисциплина), уменьшения количества учащихся в классе, доброжелательного отношения между учащимися и учащими, увлеченности педагогов, которым нравится работать по собственным программам и методикам. Конечно, не все программы удачны.

Отделом религиозного образования и катихизации совместно с Обществом духовного просвещения (до середины 1993 года Православное педагогическое общество), учредителями которого являются Отдел и Министерство образования, создано 17 методических комиссий для разработки программ и методики преподавания по разным предметам и для разных классов. Эти программы обсуждались на семинарах для московских православных гимназий, на международных Рождественских чтениях (1993 и 1994 годы), последние из которых были организованы Отделом религиозного образования и катихизации Московского Патриархата, Министерством образования Российской Федерации, Российской академией образования и Московским городским департаментом образования. На этих чтениях присутствовали представители как православных школ, гимназий и лицеев, так и государственной системы образования.

На указанных Рождественских чтениях работали секции по отдельным предметам с обсуждением содержания и методов преподавания.

Для обмена опытом между преподавателями-единопредметниками необходимо взаимное посещение отдельных уроков и проведение семинаров по отдельным предметам. На этих семинарах необходимо знакомить педагогов-предметников с новыми достижениями науки в разных областях знания, а также проводить обсуждение методики преподавания в православных образовательных школах разного типа. Такие семинары начали работать в Москве. Большую инициативу проявила гимназия "Радонеж". Она была поддержана Православным педагогическим обществом и Отделом религиозного образования.

Всегда и во всех странах с развитой образовательной системой существовала инспектура. По-видимому, настало время создавать учебную инспектуру и при Отделе религиозного образования и иметь хотя бы внештатных методистов по отдельным предметам. Для реализации этого необходимы средства и решения Высшего Священноначалия Русской Православной Церкви.

В Отделе при Обществе духовного просвещения по инициативе ведущего референта В. А. Ященко, курирующего среднее школьное образование и связи с государственными органами образования, создан Информационно-методический центр, начавший издавать бюллетень[26].

Между Отделом религиозного образования и катихизации Московского Патри-

архата и Министерством образования Российской Федерации подписан Протокол о намерениях (16. 08. 1993 г.), а с Департаментом образования г. Москвы – Соглашение о сотрудничестве (27. 10. 1993 г.). Аналогичные соглашения по их образцу начали подписываться между благочиниями и районными отделами образования.

Как известно, по Конституции Церковь отделена от государства, а школа – от Церкви. Это положение касается только государственных школ. Церковь нельзя отделить от общества. В православных школах, гимназиях и лицеях отделения от Церкви нет и быть не может. В них допускается и даже обязательны по самому их замыслу религиозные образование и воспитание. Учебный день должен начинаться с молитвы, все знаменательные события, как начало и конец учебного года и так далее, отмечаются молебнами, учащиеся регулярно посещают храмовые богослужения. Обычно православные школы связаны с определенными храмами либо в школе имеется свой храм, как, например, в Кисловодске, который расположен в помещении гимназии и одновременно является приходским храмом (настоятель храма и руководитель гимназии – протоиерей Иоанн Богоявленский).

В жизни православных гимназий имеется много трудностей как духовных, так и материальных. Первые проистекают от недостатка любви и избытка властолюбия и из-за сложных взаимоотношений между частью коллектива и директором. Педагогические коллективы нескольких гимназий раскололись, обвиняя друг друга в неправославии.

Каждая школа и почти каждый директор считает себя суверенным государством и сувереном. К Отделу они согласны прислушиваться только в том случае, когда это им нравится, но сплошь и рядом игнорируются замечания по программам и методике преподавания. Самое возмутительное, что если между ними возникают конфликты, то они идут жаловаться в государственные органы образования. Как-то в Департаменте образования сказали, что нигде нет столько дрязг и разбирательств, как в православных гимназиях. Такие гимназии представляют, к счастью, исключение, но они есть. Настоятели храмов чувствуют себя порою хозяевами в гимназии, пытаются даже в мелочах руководить педагогическим процессом, хотя у них для вдумчивой работы нет ни времени, ни педагогических знаний, ни опыта. Некоторые вообще относятся пренебрежительно к светским занятиям, признавая "только единое на потребу". Стоит напомнить слова глубочайшего молитвенника, аскета, исихаста Григория Паламы: "Хорошо приобщаться в молодости к светской науке и словесности". Василий Великий писал: "... славный Моисей, которого имя за мудрость у всех людей было весьма велико, сперва упражнял ум египетскими науками, а потом приступил к созерцанию Сущего". О самом Василии Великом святой Амфилохий, епископ Иконийский, говорил: "Изучив вполне всю мудрость мирскую и все науки человеческие, он (то есть Василий Великий. – *Авт.*) все сие поверг к ногам учеников Христовых"[27].

Некоторые руководители православных школ и курирующие их священники не обеспечивают полноценного прохождения обязательных по госстандарту дисциплин и вводят новые, необязательные. Часто наблюдается пренебрежение к физическому воспитанию детей.

Когда на одном семинаре был поднят вопрос о необходимости утверждения директоров православных школ Отделом религиозного образования и катихизации Московского Патриархата, а духовников гимназии – в епархиях, то было брошено обвинение в попытках насадить в Церкви тоталитарный режим. Причем речь шла не о назначении, а только об утверждении. Один настоятель пытался стать руководителем гимназии только потому, что она расположена рядом с его храмом, хотя сам он развалил в нем работу воскресной школы.

Другой священник, он же директор православной гимназии, длительное время, несмотря на просьбы, не представлял своему правящему архиерею программу по Закону Божию. В конце концов он ее представил в совершенно непотребном виде как по содержанию, так и по оформлению. Оправдываясь, он автору этих строк говорил, что у него не хватило времени на оформление. Не хватило элементарной дисциплины,

послушания и уважения к своему Владыке, что проявлялось и во многом другом. Такого себе никогда бы не позволил ни один директор государственной школы в отношении начальника департамента, или мэра города, или министра. Пришлось посоветовать Владыке освободить этого священника-директора от занимаемой должности. Это, конечно, случай единственный во всей Русской Православной Церкви, но очень показательный – все хотят иметь полный суверенитет.

Не упорядочен и внутренний режим гимназий. В одной, ныне распавшейся, каждый шаг ученика был расписан:как он должен приветствовать учителей, старшеклассников, одноклассников, рекомендована определенная длина юбки и так далее.

В одном летнем православном лагере отдыхающие школьники шутят: существуют концлагеря, а у нас концмонастырь со строгим режимом... Есть ли в этом лагере радостная полнота жизни во Христе в меру возраста детей и духовного возраста их душ?.. В некоей же школе – полная вольница: отдельные девочки и девушки щеголяют в дорогих платьях, появляются в классах в коротких юбках и слишком открытых кофточках, шокирующих родителей других детей. Это все – редчайшие и горькие отклонения от общего стиля православных гимназий и школ.

В некоторых гимназиях жесткие требования, чтобы все учащиеся исповедовались у духовника гимназии, так же как их родители. Вероятно, это требование чрезмерно – нельзя из-за поступления ребенка в гимназию разрывать устоявшиеся духовные связи семьи. Иногда школы создаются только для своих прихожан, если и принимаются "чужие", то отношение к ним остается как "не к своим". В некоторых приходах проявляются черты нездоровой сектантской ограниченности.

Основные повсеместные трудности в создании православных гимназий, школ и лицеев – это проблема помещений и финансирования учебного процесса. В разных случаях вопрос о помещениях решается очень по-разному. Городские власти сплошь и рядом предлагают выкупать помещения для православных школ или снимать их на жестких, финансово непосильных арендных условиях.

Существует закон, что все специально построенные для учебных заведений здания могут быть использованы только по своему прямому назначению и сторонние организации должны их освободить. Однако этот закон не исполняется. Он перечеркнут Указом Президента, который разрешил предприятиям или возникшим на их базе коммерческим структурам быть полными хозяевами построенных ими помещений с правом использования их по своему усмотрению.

На основании Распоряжения Президента Российской Федерации от 23.04. 1993 года № 284 Рпп "О передаче религиозным организациям культовых зданий и иного имущества", в состав которого включаются строения, ранее им принадлежавшие, и прилегающие территории, следует добиваться возвращения Русской Православной Церкви домов причта, зданий приходских школ и иного назначения, ранее ей принадлежавших. Проявляя инициативу и настойчивость в реализации этого распоряжения, можно обеспечить помещениями небольшие школы, гимназии и лицеи.

Православные школы не могут брать с родителей высокую плату за обучение ребенка, как это делают школы, созданные для своих детей банкирами, – основная масса православных живет в стесненных материальных условиях, много многодетных семей. Поэтому надо устанавливать дифференцированную оплату, учитывая семейные доходы, как это делается во многих – не только православных – учебных заведениях. Следует искать спонсоров и проводить отчисления приходов в пользу подопечных православных гимназий, школ и лицеев, как и в пользу воскресных школ.

Нехватка средств обусловливает низкую зарплату педагогов, что заставляет их искать приработки на стороне. Пока большинство этих заведений слабо обеспечены наглядными пособиями и лабораторным оборудованием. Но пособия и оборудование во всех учебных заведениях накапливаются годами.

В приходах тратятся огромные средства на создание мозаик, позолот и так далее, и даже на приемы, но экономят, как и во всем государстве, на образовании, на проповеди Слова Божия. Мы рискуем восстановить прекрасные храмы, но не иметь в них

прихожан, так как не заботимся об апостолате Православия во всех его формах. Представляется, что, не считая целевых поступлений, 10% всех сборов и доходов храмов должны идти на дело православного образования и просвещения. В отличие от нас протестанты и всякие новые секты основные свои средства тратят главным образом на пропаганду своего учения.

Учитывая финансовые трудности, трудности с комплектованием педагогического состава, полезно рекомендовать создание одной школы, гимназии или лицея совместными усилиями нескольких приходов, общин и братств.

Вопрос о государственных дотациях в разных районах решается по-разному. По Закону об образовании государственный стандарт должно оплачивать государство по существующим нормам, все остальные дополнительные предметы – учредители. Однако государство начинает дотировать школы только после аккредитации – проверки качества работы школы, знаний ее учеников через три года после начала работы учебного заведения. Свое решение законодатели мотивируют тем, что государство не может расходовать свои средства на непроверенные структуры, на поддержку школ, не подтвердивших свою жизнеспособность и качество преподавания. В пользу этого говорят случаи закрытия ряда негосударственных школ в течение первых двух лет их существования.

Завершается первый этап развития православных общеобразовательных школ, гимназий и лицеев. Появился первый опыт, нуждающийся в серьезном обобщении. Пора переходить ко второму этапу систематической и четкой работы и организации новых школ и центров православного образования и воспитания подрастающего поколения.

Имея этот опыт, необходимо срочно завершить составление типового Устава школ, гимназий и лицеев, который желательно утвердить либо решением Синода, либо Архиерейским Собором, и решить вопросы руководства ими, предоставляя им широкую автономию. Свои предложения Отдел религиозного образования и катихизации уже внес в Патриархию.

Мы по многим причинам опаздываем с созданием и, главное, с изданием учебников и учебных пособий для православных школ разного типа. Хотя в этом направлении уже кое-что сделано: изданы и подготавливаются новые пособия, но в ограниченном количестве. Основная проблема – авторская. Видимо, настала необходимость подготовить и опубликовать аннотации изданных православными школами и другими учебными заведениями учебников и учебных пособий по отдельным предметам. Эту работу должен взять на себя Информационно-методический центр при Обществе духовного просвещения и Отделе.

IV

Преподавание религиоведческих дисциплин в государственных школах является болезненным и, по-существу, не решенным удовлетворительно вопросом. Многие считают (точка зрения рядя руководящих сотрудников Министерства образования), что, поскольку Церковь отделена от государства и в школах учатся дети родителей разных мировоззрений и религиозной ориентации, религиозные дисциплины должны преподаваться чисто информативно – в государственных школах недопустимо ни религиозное, ни атеистическое воспитание. Это в теории. Реально во многих случаях предметы "религиозные", "история религий" – утонченный способ проповеди атеизма и в лучшем случае религиозной индифферентности. В большинстве случаев историю религий и религиоведение ведут бывшие преподаватели атеизма. Не случайно многие старшеклассники и родители жаловались на кощунственные и противоцерковные выпады, которые изобилуют на занятиях по указанным предметам. Между прочим, некоторые из бывших преподавателей основ атеизма рвутся читать лекции в православных лекториях.

Кстати, в Новосибирске организовалась гимназия, в основе мировоззрения кото-

рой лежит агностицизм – детей учат думать и ни во что не верить. Когда я услышал на одном совещании выступление руководителя такой школы, мне стало страшно.

Самым правильным решением рассматриваемого вопроса является исключить из обязательных школьных программ религиоведение, историю религий и так далее и ввести в школах факультативы, связанные с определенными вероисповеданиями: Православием, католицизмом, мусульманством, – а также с атеизмом. Эти факультативы должны вести представители соответствующих конфессий, имеющие для этого рекомендации своих религиозных центров не ниже областного уровня (для Православной Церкви – епархий). Проведение таких занятий требует большой богословской подготовки и владения современной культурой и наукой хотя бы в пределах школьных программ, а также педагогического такта. Лучше совсем не проводить факультатив, чем проводить его плохо и скучно.

Поскольку наша страна подписала Пакт ООН о правах человека, который предусматривает права родителей давать своим детям религиозное воспитание по своему усмотрению, родители вправе требовать организации полноценных религиозно-конфессиональных факультативов и в государственных школах. Подобная практика была в дореволюционной России. В западных ее районах, где совместно проживало католическое, протестантское население, существовали раздельные уроки Закона Божия. Одни дети шли на занятия к ксендзу, другие – к пастору, а третьи – к православному священнику. Никто не обязывал мусульманских детей ходить с детьми из христианских семей на Закон Божий. Эту практику надо восстановить во всех школах (за исключением конфессиональных), в том числе и в государственных. Разговоры, что преподавание Закона Божия может ущемлять конфессиональные интересы какой-то части населения – несостоятельный довод атеистов, которые продолжают пытаться вести антирелигиозную пропаганду с помощью религиоведения, истории религий и других. Подобную обструкцию православному Закону Божию в школах с теми же самыми доводами атеисты устроили и в Сербии[28]. Однако, поскольку там преобладают православные, в Сербии можно требовать обязательного преподавания Закона Божия в школах, как это имеет место в Греции и некоторых других странах.

Особенно атеисты боятся православного влияния в школах. В одном из провинциальных городов автора не пустили в школу, несмотря на предусмотренный программой визит, согласованный с вице-мэром и подтвержденный при приезде. Вечером накануне запланированной встречи автора с учителями и учениками одной из школ она (встреча) была в категорической форме запрещена директором местного департамента образования. На замечание, что баптисты же ходили в школу, был ответ: "У нас школа отделена от Церкви, а баптисты – не Церковь". Во всех отношениях интересная реакция.

Очень многие протестантские и нехристианские организации рвутся в школы. Некоторые из них называют себе внеконфессиональными, например "Новая жизнь", а сами представляют, по-существу, крайний протестантизм, неприемлемый не только для православных и католиков, но даже для лютеран. Самое страшное, что вся их программа направлена на то, чтобы, дав информационные, часто ошибочные знания, убить чувство благоговения.

Конечно, в школы нельзя допускать сатанистов, которые в ряде мест пытаются сейчас зарегистрироваться как официальная религиозная организация, и представителей различных тоталитарных сект, таких, как муниисты, сайентологи и другие, против которых в ряде стран возбуждены уголовные дела, а также типа нашего "Богородичного центра", "Белого братства" и различных оккультистов, которые разрушают психику и, по существу, сближаются с сатанистами. Национальную и государственную опасность их очень наглядно показал проходивший в Москве с 16 по 20 мая международный семинар "Тоталитарные секты в России", организованный Отделом религиозного образования и катихизации, в котором приняли участие приехавшие из разных стран православные, католики, лютеране, англикане и представители иных конфессий[29].

Не школы должны приглашать представителей разных конфессий для проведения

занятий, а родители через школу, то есть должен соблюдаться принцип конфессионального религиозного образования по желанию родителей и старшеклассников.

V

Мы живем и призваны проповедовать слово Божие в трудное и сложное время. *Жатвы много, а делателей мало* (Мф. 9, 37).

Надо идти по пути объединения усилий всех православных в деле апостолата, миссионерства и катихизации. Необходимо сознание единства с Церковью и друг с другом, единства в молитве и делании. В Православной Церкви не может быть духа суверенизации и сектантской групповщины, разлагающей иногда наши школы и даже приходы. Нужно молиться об умножении любви к Богу, к братьям по вере и к тем, кто еще не уверовал во Христа, и воспитывать ее в себе и в чувствах и в делании.

Для развития православного образования народа, его катихизации и воцерковления нужны развернутые и четкие решения Священного Синода или Архиерейского Собора, основанные на соборном разуме всей Полноты Русской Православной Церкви. В подготовке необходимых документов прямо участвует ряд сотрудников Отдела под руководством его председателя игумена Иоанна (Экономцева) и ряд лиц, не являющихся его штатными сотрудниками.

Примечания

[1] Сейчас в мире множится множество разнообразных сект, которые нередко объединяются под общим названием второй волны протестантизма. Их удобно именовать неопротестантизмом. Их агрессивностью встревожены православные, католики, лютеране, классические баптисты.

[2] Несмелов В. К. О цели образования. – Православный собеседник, 1898, с. 585–612. См. также: Несмелов В. К. О цели образования. – Религиозно-философская библиотека, 1905, с. 27–52.

[3] Гладкий А. В. Современная педагогическая мифология. – В кн.: Цели образования и право на образование: Материалы семинаров. М: МИРОС, 1993, с. 6–22.

[4] Пирогов Н. И. Вопросы жизни: Сочинения. Т. 1. СПб., с. 49–53.

[5] С восторгом и уважением любил рассказывать о приходских школах их воспитанник протоиерей Василий Евдокимов.

[6] Протоиерей Николай Дернов. Методическое пособие преподавания Закона Божия. СПб., 1913; Свящ. Евг. Ф. Сосунцов. Методические указания и конспекты уроков по Закону Божию. Полный курс младшего отделения начальной школы. 5-е изд. М., 1915; Он же. Закон Божий и экспериментальная педагогика. Казань, 1914. Полная картотека учебников Закона Божия, работа по методике преподавания и постановление о преподавании законоучительных дисциплин составлена в 1991–1993 годах О. А. Павловой. Один экземпляр этой картотеки находится в Отделе религиозного образования и катихизации Московского Патриархата второй – в Новосибирске.

[7] Цели образования и право на образование: Материалы семинаров. М.: МИРОС, 1993.

[8] Там же, с. 96. Об этом же свидетельствуют беседы с нашим выдающимся физиком Б. Ф. Орловым, высланным из СССР.

[9] "При Петре и особенно остро при Анне," как писал Амвросий Юшкевич,"на благочестие и веру православную наступали, но таким образом, будто они не веру, но непотребное и весьма вредительское христианству суеверие искореняют. Какое множество под таким предлогом людей духовных, а наипаче ученых истребили, монахов порасстригли и перемучили... Не токмо учителей, но и ученья, и книги их вязали, ковали, в темницы затворяли, и уж к тому приходило, что в своем православном государстве о вере своей отворять уста было опасно: тотчас беды и гонения надейся".(Цит. по: Протоиерей Георгий Флоровский. Пути русского богос-

ловия. Р.: YMCA-PRESS, 1988). И позже, даже до наших дней, в православной литературе сказывается протестантское и католическое влияние.

[10] Протоиерей Владимир Сорокин. Завет Божий: Пособие по изучению Библии. Л.: Изд-во ЛДА, 1991, с. 128.

[11] Закон и Заповеди Божии: Сборник учебных программ для воскресных школ. М: Изд. отдел религиозного образования и катихизации Московского Патриархата, 1992.

[12] Священник Сергий Мансуров. Очерки из истории Церкви. – Богословские труды, 1971, № 6–7, 1972.

[13] (С. Д. Покоев). Домашняя Церковь: Рукопись в Библиотеке храма святого пророка Илии, что в Обыденском переулке. Москва.

[14] Каменский Я. А. О религиозном воспитании. – В кн.: О целях образования. (Религиозно-философская библиотека; Вып. VII). СПб., 1905, с. 53–54. Работы Я. А. Каменского неоднократно издавались на русском языке.

[15] Эти вопросы автором подробно рассмотрены в подготавливаемой к печати монографии "Домашняя Церковь", где есть специальная глава "Семья как школа любви".

[16] Речь архимандрита Варнавы при наречении его во епископа Великосурского 15 февраля 1920 г. См.: Дар ученичества. М.: Руссико, 1993, с. 400.

Епископ Варнава (Беляев (1887–1963) в конце 1922 года уходит в затвор и принимает подвиг юродства. В затворе по благословению старцев ведет огромную духовно-литературную работу. В начале 30-х годов арестован. Лагерными врачами был признан сумасшедшим и освобожден в 1936 году. Оставшиеся годы жизни юродствовал и продолжал заниматься духовно-литературными и духовно-историческими трудами. Его величественный духовный облик остался в памяти многих знавших его лиц.

[17] Когда одной из таких женщин автор рассказывал на исповеди о Марии Египетской и о том, что она не могла войти в храм, та замерла с широко раскрытыми глазами и прошептала: "И я тоже не могла". Сейчас она верный член Церкви. Потом пришлось встретиться с еще одним подобным случаем.

[18] Волков О. В. Погружение во тьму. М.: Молодая гвардия, 1983. 460 с.

[19] Митрополит Кирилл. Слово митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла к участникам семинара учителей Закона Божиего.– ЖМП, 1992, № 10, с. 17–20; Цветкова И. Семинар преподавателей Закона Божия в Смоленске.– ЖМП, 1992, № 10, с. 16–17; Цветкова И. Научение вере. Беседа о церковноприходском образовании. – ЖМП, 1992, № 1; Конференция по православному образованию. – ЖМП, 1992, № 10, с. 20; Т. З. Размышления о воскресной школе. – ЖМП, 1993, № 4, с. 34–39.

[20] Митрополит Кирилл. Указ. соч.; Цветкова И. Указ. соч.

[21] Первая попытка типизации воскресных школ была предпринята протоиереем Михаилом Дроновым на Московском семинаре катихизаторов в 1991 году. Несколько изменив, автор взял ее за основу. Полунов А. Н. Церковная школа для народа в конце XIX века. – ЖМП, 1993, № 6, с. 56–59.

[22] Закон и Заповеди Божии: Сборник учебных программ для воскресных школ.

[23] Священник Борис Ничипоров. Заметки о воскресной школе. – Путь Православия, 1993, № 2, с. 45–51.

[24] Закон и Заповеди Божии: Сборник учебных программ для воскресных школ.

[25] Там же.

[26] Информационный бюллетень Международного Общества духовного просвещения. М., 1993, № 1–2; 1994, № 3 – 4.

[27] О необходимости православным владеть современными культурой и основами научных знаний см.: Протоиерей Глеб Каледа. Введение в православную апологетику. – Путь Православия, 1993, № 2, с. 5–21.

[28] Священник М. Смолич. Вероучение в школе. – ЖМП, 1993, с. 39– 40.

[29] О семинаре "Тоталитарные секты в России".

Протоиерей Глеб КАЛЕДА, профессор,
зав. сектором просвещения и катихизации
Отдела религиозного образования
и катихизации Московского Патриархата

Красная колесница

14/27 апреля 1920 года, в день памяти святых виленских мучеников, в московском Донском монастыре, где временно сохранялись их святые мощи, на богослужении выступил с проповедью священник, образно объяснивший православным суть Октябрьской революции (наблюдавший за литургией агент ГПУ не приминул слово в слово пересказать проповедь своему начальству):

– Жил давно богоугодный человек, и ему очень хотелось, подобно Илие, вознестись в огненной колеснице. Вдруг однажды перед ним явилась колесница. Он очень обрадовался и хотел сесть, но прежде перекрестился. И тут же колесница пропала. Богоугодный человек понял, что ее прислал Сатана, и никогда больше не хотел подняться к небу... То же случилось и с русским народом, только кончилось хуже. Русскому народу предложили красную колесницу с красными лошадьми, он сел в нее не перекрестясь и мчится прямо в пропасть.

Брусенский женский монастырь

В Коломне, как и в тысячах иных городах и весях России, в 1919 году власти решили устроить концентрационный лагерь. Единственным пригодным местом, где можно было держать под стражей несколько сотен людей, посчитали мужской монастырь. Но как быть с уездным управлением милиции, уже успевшим захватить под собственные нужды обитель? Конечно, – в Брусенский женский монастырь, ибо начальника уездной милиции давно смущало, что двести тамошних монахинь живут, по его словам, "очень хорошо: темная одурачennая масса народа носила им всего".

18 июня в женский монастырь явилась жилищная комиссия, описала имущество, после чего члены ее поднялись в келью к игуменье Ювеналии и предложили настоятельнице очистить помещение. И тут монахиня Ефанория ударила в набат. Сбежались горожане – около тысячи. Ругали власть, грозили расправиться с жилищной комиссией. Вскоре прибыли вооруженные милиционеры во главе с начальником городской милиции Тимофеевым и разогнали толпу.

Но вот беда – ни одна из монахинь не желала указать ту, что зазвонила в колокол, как ни старались "стражи порядка". Тогда арестовали игуменью. Сестры, окружив милиционеров, умоляли не увозить их настоятельницу, даже "оказали сопротивление" – укусили милиционера Конькова за палец. Кто конкретно укусил, среди гама и сумятицы установить не удалось, поэтому арестовали пятерых подозреваемых – инокинь Антонину, Дивору, Евгению, Фаину, Нимфодору – и отвезли их вместе с игуменьей в Троицкий монастырь, уже переоборудованный под тюрьму. К вечеру в тюрьме появилась еще одна "восставшая" – монахиня Ефанория, сама пришедшая сообщить, что в набат ударила она. Арестовали и ее.

Начались допросы. Все обвиняемые – и те, кого содержали под стражей, и те, кто остался на свободе, – говорили примерно одно и то же: звон слышали, кто приказал звонить, не знаем. Лишь шестидесятипятилетняя Дивора немного разнообразила ответы, проворчав: "Игуменья старая, а вместо нее правит ее родственница Ангелина – истеричная особа, которая только и умеет кричать".

Из коломенской тюрьмы арестованных монахинь отправили в московскую. Здесь следователь Эргард обвинил их в "попытке поднять восстание" и передал дело в мос-

---

Настоящие очерки написаны на основе документов из архива Министерства безопасности Российской Федерации (фонды следственных дел), Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории (фонд Дзержинского) и Центрального государственного архива Московской области (фонды ревтрибуналов). – *Примеч. авт.*

ковский губернский ревтрибунал, который постановил дело семидесятидвухлетней игумении Ювеналии "выделить и направить к доследованию". Монахиню Ефанорию "заключить под стражу сроком на пять лет, но, принимая во внимание ее низкий культурный уровень, заключение применить условно". Монахине Нимфодоре дали три года. Остальным – "принимая во внимание их неграмотность и ту забитую жизнь в глухих стенах монастыря, куда ни одна искра общественной жизни не могла проникать благодаря высоких каменных скал* , всем вышепоименованным обвиняемым вынести общественное порицание".

"Восстание" было подавлено.

Необычная просьба

В Великую Субботу 1919 года пришел приказ об освобождении девять месяцев томившегося в тюремном заключении архиепископа Никандра (Феноменова). Когда начальник Бутырской тюрьмы вручил по назначению ордер об освобождении, радостные арестанты стали прощаться с Владыкой – счастье-то какое! Накануне Светлой Пасхи обрел свободу! Но смущенный архиепископ подошел к начальнику тюрьмы:

– У нас тут хор хороший составился, две хоругви, стол для службы есть, иконы, Чаша. Общая будет исповедь и причащение. Не откажите в просьбе задержаться до завтра.

Первый раз за многолетнюю службу начальник тюрьмы услышал столь странную просьбу и, ошеломленный, дал согласие. Радостный архиепископ поспешил в камеру – готовиться к Пасхальной утрене.

Провал атеистического митинга

Одна женщина, побывавшая в 1920 году на Пасху в Москве, рассказала князю Григорию Трубецкому об атеистическом митинге, на котором ей случилось присутствовать. Говорил один из вожаков большевизма. Речь его была вариацией на тему "Религия – опиум для народа". Когда он закончил и предложил желающим возражать ему, из рядов поднялся старенький священник в скромной поношенной рясе.

– Предупреждаю, что не могу дать вам больше пяти минут, – сказал недовольный председатель.

– Да мне и не нужно столько, мне всего три слова сказать, – ответил священник и с этими словами поднялся на кафедру. – Братья, Христос воскресе! – провозгласил он.

– Воистину воскресе! – ответила в один голос аудитория".

"Но ведь девочка..."

На суде над митрополитом Петроградским Вениамином и его паствой, задуманным с целью расстрелять побольше православных за сопротивление насильственному изъятию из храмов весной 1922 года христианских святынь, вызвали очередного обвиняемого.

Председатель Смирнов. 21 апреля вы были около церкви?

Обвиняемый Маркш. Нет, я пошел по делам, получил по доверенности деньги. Около ворот красноармеец арестовал девочку. Я по-товарищески попросил отпустить, а он арестовал меня, а ее отпустил...

Председатель ревтрибунала уже с первых слов понял суть противоправного деяния этого "мелкобуржуазного" типа: противодействие в аресте контрреволюционного элемента – малолетней преступницы, задержанной красноармейцем. А что она преступница, не вызывало сомнения, так как в момент изъятия церковных ценностей находилась неподалеку от храма. Приговор уже складывался в голове председателя, и

---

* Так в документе. – *Ред.*

его не изменить никакими адвокатскими ухищрениями.

Защитник Равич. Вы где служили?

Обвиняемый Маркин. В Вологде, в ЧК.

Защитник Равич. Кем?

Обвиняемый Маркин. Начальником отряда.

Защитник Равич. Боролись на фронте?

Обвиняемый Маркин. Да.

Защитник Равич. Вы сами по религиозному убеждению человек верующий?

Обвиняемый Маркин. Нет, совершенно неверующий.

Защитник Равич. С вами вместе сколько человек привели в милицию.

Обвиняемый Маркин. Десять человек.

Защитник Равич. Из них выпустили кого-нибудь?

Обвиняемый Маркин. Да, председателя завкома.

Защитник Равич. Значит, один из тех, кто был арестован, был председателем завкома, который проводил у себя на заводе резолюцию за изъятие? Его тоже арестовали?

Обвиняемый Маркин. Да.

Защитник Равич. Сколько времени вы сидели?

Обвиняемый Маркин. Два месяца.

Защитник Равич. Толпа была, и беспорядки и насилия над комиссией были, вы не знаете?

Обвиняемый Маркин. Я не видел никаких беспорядков.

Председатель ревтрибунала понял, что следователь, выпустивший на показательный суд этого чекиста, недалекий человек. Ведь в зале полно чекистов, они поверят своему собрату и возмутятся приговором. Одно дело подвести под расстрел бывшего помещика или на худой конец юнкера, и совсем другое – начальника боевого отряда рабочих и крестьян. Теперь выкручивайся, чтобы не провалить весь судебный процесс.

Председатель Смирнов. Законно вы поступили, начальник отряда? Боролись с бандитами, четыре года в Красной армии. Вы знаете, что такое красноармеец, как нужно бороться, как защищать и поступать в том случае, если он должен арестовать?

Обвиняемый Маркин. Я не стал бы препятствовать и не стал бы с ним бороться, но ведь девочка...

Защитник Равич. Вы были арестованы где, с той стороны улицы, где церковь?

Обвиняемый Маркин. Около своего дома...

Председатель Смирнов. Теперь я вас спрашиваю: законно вас арестовали?

Обвиняемый Маркин. Законно, конечно.

Председатель Смирнов. А вы улыбаетесь. Я должен обратить внимание трибунала, что обвиняемый считает свой арест законным...

Маркина пришлось освободить, засчитав ему за наказание уже отсиженный в тюрьме срок. Зато ревтрибунал отыгрался на тех обвиняемых, у кого не было славного чекистского прошлого, приговорив десятерых к расстрелу и еще около полусотни человек к разным срокам лишения свободы.

Иван Анатольевич Шпицберг

До 1917 года Иван Анатольевич служил адвокатом в Петрограде, занимался главным образом бракоразводными делами. Кроме того, с завидной энергией он брался защищать интересы промышленных компаний и крупных фабрикантов в их спорах с рабочими. Быстро сориентировавшись в февральской революции, он при Временном правительстве был назначен комиссаром Литейной части. Когда же большевики сказали: "Вы, временные, слазь", Иван Анатольевич встал на сторону революционного пролетариата. Он смекнул, что карьеру можно гораздо быстрее сделать не на баррикадах, а на идеологическом фронте. Уже в конце 1917 года им была выпуще-

на брошюра "Религиозная язва", в которой новоявленный друг народа заявил: "Будем надеяться, что скоро наступит тот день, когда распятия и иконы будут брошены в печь, из священных сосудов и кадильниц будут приготовлять полезные предметы, церкви будут обращены в залы для концертов, театральных представлений или собраний, а в случае, если они не будут годиться для этих целей, то в хлебные магазины или конюшни".

Ивана Анатольевича заметили и поручили подготовить декрет о бракосочетании и разводе, направленный против Таинства церковного брака. Он справился с заданием, но почему-то новых декретов ему не поручали, отчего пришлось вновь доказывать, что он на многое способен.

"Мы свергли земного царя, – обращался Иван Анатольевич к пролетариату, частью которого временно считал и себя, – но нам предстоит свергнуть и Небесного. Предстоит издание декрета о том, что запрещается совершение Таинства причащения, как колдовского действия, а затем, во-вторых, предстоит декрет о закрытии всех храмов... Будет запрещено богослужение и будут отобраны церковные сосуды, как средства для колдовства".

Ненависть Ивана Анатольевича к Церкви и религиозным чувствам православного народа была оценена, и уже в 1918 году ему нашлось местечко следователя по особо важным делам в наркомате юстиции. В его обязанности как эксперта по религии входила подготовка судебных процессов над духовенством и мирянами. Когда же Иван Анатольевич вдоволь потрудился над уничтожением православных христиан и церковных святынь, его отправили подлечиться в Европу, где он и остался навсегда, не пожелав возвращаться в свое атеистическое отечество.

"Чистка святых"

"Переход в социализм, а значит, в полный атеизм, – с грустью констатировал в 1918 году философ Василий Розанов, – совершился у мужиков, у солдат до того легко, точно в баню сходили и окатились новой водой".

К сожалению, множество фактов подтверждают эти жестокие слова. Так, в селе Чистоводка Изюмского уезда Харьковской губернии в 1922 году прошло собрание верующих, посвященное "чистке святых". Среди неблагонадежных оказались и Преподобный Сергий Радонежский – "за благословение царей на кровопролитные войны", и святитель Иоасаф Белгородский – за то, что он "помещик, сын полковника". Собрание постановило: "Исключить из числа святых всех так называемых праведников буржуазного происхождения" – и выполнение своей резолюции поручило специально избранной комиссии.

Разнообразие приемов в работе

В конце доклада о проделанной чекистами в 1923 году работе по уничтожению Православия, направленного заместителю председателя ОГПУ тов. Менжинскому, начальник 6-го, так называемого "церковного" отделения Секретного отдела ОГПУ Е. А. Тучков обмолвился: "Я здесь совершенно сознательно упустил подробности приемов нашей работы, а касался лишь ее результатов, имея в виду, что таковые, во-первых, вам известны, а во-вторых, они настолько разнообразны, что если их описать, то потребовалось бы написание целой книги".

Одним из "приемов нашей работы" поделился со своим начальством чекист Подольской губернии: "Особенно большое стечение верующих вызвало чудо кровоточащего креста в Калиновке, куда открылось паломничество даже из соседних губерний. В Солотвинском районе женотдел, хорошо организованный и насчитывающий до 220 женщин, прекратил свою деятельность, так как большинство женщин, им объединенных, разбрелись под влиянием этого чуда и заинтересовались церковной жизнью. В настоящее время крест этот похищен и в Калиновке жизнь входит в нормальную колею".

Неурочный колокольный звон

Душный июль 1926 года. Заключенных выгрузили из вагонов, пересчитали и погнали через весь Иркутск к пересыльной тюрьме. Большинство арестантов были москвичи и с любопытством разглядывали сибирские дома. В черном подряснике и скуфье, в очках, заключенный Степанов – архиепископ Иркутский Гурий. Он улыбнулся своему спутнику, заключенному Самарину – бывшему обер-прокурору Священного Синода:

– Александр Дмитриевич, а ведь мне еще не приходилось бывать в своей епархии после назначения, первый раз очутился, да и то не по своей воле.

– Владыка, вы наверное первый епископ, который вступает в свои владения под конвоем.

Раздался колокольный звон. Часть арестантов и солдат конвоя перекрестились. Прошли мимо церкви, наглухо закрытой, только со звонницы неслись колокольные раскаты.

– Подтянись! Не разбредайся – подстрелю, – лениво пригрозил начальник конвоя...

Опять послышался колокольный звон. Он теперь шел от второй на пути церкви.

– Владыка! – вдруг взволнованно-радостно воскликнул Самарин, нагнувшись к низенькому архиепископу. – А ведь это вас встречают.

– Ну что вы, – смутился Гурий, но все же приосанился, поправил подрясник на изможденном теле.

– Вас, вас, по времени сейчас богослужение невозможно. Отчего же звон? Да вы посмотрите вперед.

Возле церкви собралась толпа в полсотни человек, среди них был и священник в облачении. Все они смотрели в сторону колонны арестантов.

– А ну, разойдись! – крикнул в толпу начальник конвоя и вышел вперед, щелкнув затвором винтовки.

Люди молча стояли.

– Кто разрешил здесь собираться?!

– Гражданин начальник, – без надежды пропела женщина в монашеском одеянии, – разрешите взять благословение у нашего Владыки.

– А ну, молчать! – начальник конвоя направил винтовку на толпу и не опускал ее, пока колонна не миновала собравшихся. Из-за спины услышал:

– Во имя Отца и Сына и Святаго Духа...

Архиепископ Иркутский Гурий, высоко подняв руку и не переставая идти, благословлял свою паству.

Впереди вновь раздались перезвоны – еще один храм встречал своего архипастыря.

Михаил ВОСТРЫШЕВ

Торжество Православия

Ревностный поборник иконопочитания

Всея враг плевелы обычно еретическия в Церкви Христове, сего поклонения отметатися во иконах честных: по обрете не дремлюща тя, всеблажение Иоанне, всякое семя злое искореняща[1]

Святой Иоанн Дамаскин, как известно, был современником двух первых византийских императоров-иконоборцев: Льва III Исаврянина (717–741) и его сына Константина V Копронима (741–775)*.

Когда в 726 году император Лев III начал свою иконоборческую политику, Иоанн находился в Дамаске на государственной службе у халифа.

Как только слух о начавшемся в Византии гонении на святые иконы достиг Дамаска, Иоанн сразу же "воспламенился благочестивой ревностью, извлек меч слова Божия и возвысил свой голос в защиту Православия"[2].

Несмотря на то что "он не занимал никакой определенной должности в Святой Церкви и не принадлежал к лицам, обладавшим церковными кафедрами и церковными властями"[3], Иоанн Дамаскин употреблял всевозможные меры к тому, чтобы обратить заблуждающихся на путь истины.

Находясь вне власти византийского императора-иконоборца, Иоанн Дамаскин, как и все христиане Сирии и Палестины, мог свободно высказывать свои религиозные убеждения и открыто выступить против иконоборческого движения, во главе которого стоял сам император. Поэтому, как только до него дошли известия о тех бедствиях, которые претерпевала Христова Церковь в Византии от императора Льва III, он, не желая наслаждаться мирной безопасностью в то время, когда его братья по вере во Христа претерпевали мучения за веру, сразу же выступил в защиту гонимой Церкви.

Побуждаемый благочестивой ревностью, он немедленно написал и отправил в Константинополь "знавшим его православным послание в защиту почитания чтимых икон, в котором весьма глубокомысленно доказывал необходимость поклонения Божественным изображениям"[4] и отвергал возражения иконоборцев.

Свое первое послание в защиту иконопочитания святой Иоанн Дамаскин начинает словами, исполненными глубочайшего смирения. Он говорит, что, сознавая свое недостоинство, он должен был бы сохранять молчание и довольствоваться исповеданием перед Богом своих грехов. Но, увидев, что Святая Церковь, которую Бог построил *на основании Апостол и пророк, сущу краеугольну Самому Иисусу Христу* (Еф. 2, 20), бросается как бы морскою бурею с вздымающимися друг над другом волнами, волнуется несноснейшим напором лукавых духов; и хитон Христа, свыше сотканный, который осмелились разделить сыны нечестивых, разделяется и тело Его, которое есть Слово Божие, и издавна принятое церковное Предание рассекается на различные части[5], он считает своим священным долгом нарушить молчание. "Неблагоразумно, – говорит он, – молчать и налагать оковы на язык"[6] в то время, когда истине Христовой веры грозит опасность, ибо следует больше бояться Бога, чем императора. "Итак, побуждаемый нестерпимым страхом, – продолжает святой Иоанн Дамаскин, – я решил говорить, высоту царей не полагая выше истины"[7].

"Итак, призывая спасительную Истину"[8] на помощь в борьбе с иконоборчеством, Иоанн Дамаскин приступает к разбору тех возражений, которые выставляли иконо-

---

* Точные годы жизни святого Иоанна Дамаскина не известны.

борцы против почитания святых икон. При этом святой Иоанн Дамаскин главное внимание обращал на рассмотрение основных и существенных положений, не вдаваясь в детальные подробности, стараясь избежать излишних словопрений.

Прежде всего святой Иоанн Дамаскин разъясняет истинный смысл ветхозаветных запрещений делать изображения Бога, на которые чаще всего ссылались иконоборцы. Он говорит, что цель этих запрещений в том, чтобы предохранить склонный к идолопоклонству иудейский народ от служения твари "паче Создателя". Священное Писание Ветхого Завета, разъясняет святой отец, "запрещает иконописание из-за идолослужения и потому, что невозможно изобразить Бога, не имеющего количества, неописуемого и невидимого"[9]. Ни древнееврейский народ, ни даже сам Моисей не видели никакого образа Божия и слышали лишь только Его голос. "Научись, – говорит святой отец, – как изъясняет это законодатель, следующим как бы образом говоря во Второзаконии: *И глагола Господь к вам из среды огня; глас словес Его вы слышасте, но образа не видесте, а токмо глас* " (Втор. 4, 12)[10]. Не видев же образа Божия, евреи, естественно, не могли и изобразить Его.

Святой Иоанн Дамаскин дает понять, что заповедь: *не сотвори себе кумира* – необходима была для древних евреев, склонных к идолопоклонству, но с того времени, как Бог принял на Себя плоть человеческую и стал человеком, христиане могут делать изображение Его человеческого образа, писать красками "неизреченное Его Снисхождение, Рождение от Девы, Крещение во Иордане, Преображение на Фаворе, страдания... смерть, чудеса... спасительный Крест, гроб, Воскресение, восшествие на небеса"[11].

Разъяснив истинный смысл заповеди, запрещающей поклоняться чуждым богам и творить себе кумиры и подобия того, что на небеси и на земли, преподобный Иоанн Дамаскин учит воздавать поклонение только единому Богу, в Троице прославляемому, и в Него веровать.

Исповедуя свою веру в единого бога как единое начало всего существующего, он говорит: "Не поклоняюсь твари паче Создавшего, но поклоняюсь Творцу... Не невидимое Божество изображаю, но изображаю виденную плоть Бога"[12].

"В древности, – говорит святой Иоанн Дамаскин, – Бог, бестелесный и не имеющий вида, никогда не изображался. Теперь же, когда Бог явился во плоти и **с человеки** поживе, изображаю видимого Бога"[13].

В Новом Завете, по учению преподобного Иоанна Дамаскина, люди получили откровение грядущего Царствия не только в слове, как это было в Ветхом Завете, но и

в образе воплощенного Сына Божия, принявшего на Себя человеческий образ ради спасения всех людей.

Боговоплощение, восприятие Богом на Себя человеческой плоти освятило не только человека, но и весь земной мир, на который грехопадение Адама навлекло проклятие. Поэтому, говорит святой Иоанн Дамаскин, "не хули материю, ибо она не презренна, так как нет ничего презренного в том, что произошло от Бога. Это мудрование манихеев. Одно же только презренно, что не имеет причины в Боге, но есть наше изображение чрез решение воли и самовластное уклонение от того, что согласно с природой, к тому, что противно природе, то есть грех"[14].

Разве не материя, говорит преподобный Иоанн Дамаскин, древо Креста, на котором совершено наше спасение, разве не материя гора, лобное место, святой Гроб, который является источником нашего воскресения? Разве не материя, продолжает он, всесвятая книга Евангелий, золото и серебро, из которых делаются кресты, чаши и вся богослужебная утварь? Разве не материя, наконец, прежде всего этого само Тело и Кровь Господа нашего Иисуса Христа?

Так почему же, продолжает святой отец, мы должны почитать Голгофу, камень Гроба Господня, Святое Евангелие, Крест Христов и другие священные предметы и... отвергать святые иконы, которые, в сущности, ничем не отличаются от них? И заключает: "Или отрицай уважение и поклонение всему этому, или допусти на основании церковного Предания и поклонение иконам, посвящаемым имени Бога и друзей Божиих и чрез это осеняемым благодатью Божественного Духа"[15].

"Если иконоборцы хотят уничтожения икон из буквального послушания заповеди, то пусть требуют также соблюдения субботы и обрезания, – продолжает святой Иоанн Дамаскин, – чего, однако, они не делают"[16].

Иконы полезны уже тем, что они служат вместо книг людям, не умеющим читать. "Что для обученным письменам – книга, – говорит святой Иоанн Дамаскин, – то для необразованных – изображение; и что слово для слуха, то образ для зрения"[17].

Иконы напоминают всем нам о благодеяниях, полученных нами от Бога, и о чудесах, Им совершаемых. Именно поэтому, говорит святой Иоанн Дамаскин, Бог повелел израильтянам взять двенадцать камней из Иордана и перенести их, чтобы они служили памятниками для потомков о чудесах, совершенных при переходе через эту реку. "Как же нам, – продолжает вдохновенный защитник иконопочитания, – не изображать спасительные страсти и чудеса Христа Бога, чтобы, когда спросит меня сын мой, что это, – я сказал бы, что Бог Слово стал человеком, и чрез него не Израиль только перешел Иордан, но все естество возвратилось к древнему блаженству"[18].

Желая искоренить почитание святых угодников, иконоборцы говорили: "Сделай изображение Христа и Его Матери Богородицы – и довольно"[19]. Это требование иконоборцев довольствоваться иконами Иисуса Христа и Пречистой Его Матери преподобный Иоанн Дамаскин называет нелепым и объясняет, что это есть только западня со стороны еретиков, желающих каким-либо образом исказить истинный смысл православного иконопочитания. Он доказывает, что если можно писать иконы Господа Иисуса Христа, то следует писать иконы и святых угодников Его, образующих Его воинство. "Мы изображаем Христа – Царя и Господа, не лишая Его воинства, – говорит святой отец, – воинство же Господне – святые"[20]. Вот почему нет никаких оснований отвергать иконы с изображениями святых угодников Божиих, которые являются предстателями всего рода человеческого и молятся за нас Богу. И нам ли не должно почитать их?

Святой Иоанн Дамаскин приводит свидетельство Священного Писания о том, что храм Соломонов был украшен изображениями херувимов, пальм, гранатовых плодов, львов и быков. И резюмирует: "Не гораздо ли почтеннее все стены дома Господня украсить фигурами и изображениями святых, чем бессловесных и деревьев? "Как тогда, – говорит святой Иоанн Дамаскин, – храм украшался образами и фигурами бессловесных, так теперь – святых"[21].

Когда мы видим на иконах изображения жизни и подвигов святых, в нас пробуждается желание быть подобными им и мы невольно проникаемся сознанием, что нам необходимо исправить свою жизнь. Таким образом изображения святых оказывают благотворное влияние на душу каждого христианина, являясь примерами для подражания. "Изображение их подвигов и страданий, – говорит святой отец, – ставлю перед глазами, чтобы освящаться чрез них и возбуждаться к ревностному подражанию"[22].

Отвергая несправедливые обвинения иконопочитателей в идолопоклонстве, святой Иоанн Дамаскин приводит слова святого Василия Великого: "Честь, воздаваемая образу, восходит к первообразу"[23], то есть честь, воздаваемая святым иконам, относится к Тому, Кто изображается на иконе, а не к веществу, из которого она сделана.

Святой Иоанн Дамаскин проводит сравнение между отношением к умершим праведникам в древности и в христианском мире. "В древности, – говорит он, – не праздновалась, но оплакивалась смерть праведников. Прикоснувшийся к мертвому – даже к самому Моисею – считался нечистым; теперь же празднуются памяти святых. Оплакан мертвец Иаков, но прославляется смерть Стефана"[24].

Иконоборцам, выступающим против изображения угодников Божиих, но не отвергающим, однако, их словесного прославления, святой отец говорит: "Итак, или отвергни хвалебные воспоминания святых, совершаемые вопреки древнему закону, или допусти иконы, существующие, как говоришь, вопреки закону"[25]. "Немыслимо, – продолжает великий поборник истины, – не праздновать памяти святых", ибо это завещали нам делать святые апостолы и отцы Церкви Христовой. "Мы существенно освятились с того времени, как Бог Слово стал плотью, уподобившись нам во всем, кроме греха, и неслиянно соединился с нашей природой, и неизменно обожествил плоть... И мы существенно освободились с того времени, как Сын Божий и Бог... заплатил наш долг изливши на нас верное и достойное удивления искупление... Мы существенно сделались бессмертными с того времени, как Он, сошедши во ад, возвестил от века связанным душам: пленным – отпущение, слепым – прозрение, и, связавши крепкого, преизбытком силы воскрес, сделавши нетленной принятую Им нашу плоть. Мы существенно усыновились и сделались наследниками Бога со времени рождения водою и Духом"[26]. Именно поэтому святой апостол Павел называл всех верных святыми. Поэтому и смерть святых угодников Божиих не оплакивается, как это было в Ветхом Завете, но празднуется.

Ветхозаветный закон святой Иоанн Дамаскин сравнивает со светильником, который необходим ночью. Когда же начинает светать, нужда в светильнике отпадает. Древний закон, говорит святой отец, "как светильник, светящий в темном месте, хорош, но пока начнет рассветать день. Но уже взошла утренняя звезда в сердцах наших, и живая вода боговедения покрыла моря языков, и все мы познали Господа. Миновало древнее, вот стало все новое"[27].

Следовательно, ветхозаветное запрещение делать изображения не может быть основанием для иконоборчества и препятствием для иконопочитания – тем более после того, как Сам Господь явил людям Свой образ. "Я видел, – говорит святой Иоанн Дамаскин, – человеческий образ Бога, и спасена моя душа. Созерцаю образ Бога, как видел Иаков, но и иначе, ибо тот очами ума видел нематериальный предвозвещающий будущее образ, я же вижу то, что оживляет воспоминание о Том, Которого видели во плоти"[28].

Далее святой Иоанн Дамаскин указывает на то, что в Священном Писании ничего не говорится против самих изображений, как утверждают иконоборцы, а лишь запрещается обожествление их. "Места же, – говорит святой отец, – которые приводишь, отвергают поклонение не нашим иконам, но изображениям эллинов, делавших богов"[29]. Нет ничего общего между суеверным поклонением идолам язычников и религиозным почитанием православными христианами икон Господа нашего Иисуса Христа и Его святых угодников. "Язычники, – говорит преподобный Иоанн Дамас-

кин, – посвящают изображения демонам и именуют их богами, мы же – истинному Богу воплощенному, и рабам, и друзьям Божиим, прогнавшим толпы демонов"[30].

Что касается ссылки иконоборцев для доказательства правоты своих воззрений на авторитет святого Епифания Кипрского, якобы отвергавшего святые иконы, то святой Иоанн Дамаскин указывает на то обстоятельство, что произведение, на которое ссылаются иконоборцы, вполне могло быть подложным. Если же оно действительно принадлежало перу святого Епифания, то не исключена возможность, что этим произведением он, подобно святому Афанасию Великому, вооружился не против икон, а против каких-то злоупотреблений в Церкви, имеющих отношение к иконам, почему и "постановил не делать изображений"[31]. Наконец, если он даже действительно был явным противником святых икон, то и это еще не решает дела, потому что "единичное мнение не есть закон для Церкви, и одна ласточка не делает весны, как думает и Григорий Богослов, и истинно"[32].

Преподобный Иоанн Дамаскин приводит "свидетельства древних и славных святых отцов об иконах"[33]. Это выдержки из творений святых отцов и учителей Церкви: Дионисия Ареопагита, Василия Великого, Григория Нисского, Иоанна Златоуста, Софрония Иерусалимского и других. Некоторые выдержки из творений святых отцов сопровождаются комментариями, так называемыми "схолиями", святого Иоанна Дамаскина.

Среди свидетельств святых отцов в защиту иконопочитания – предание о нерукотворенном образе Христа Спасителя, который был послан эдесскому царю Авгарю самим Господом Иисусом Христом по его просьбе, что говорит о Божественном установлении икон.

Комментируя высказывания отцов и учителей Церкви о святых иконах, преподобный Иоанн Дамаскин говорит: "Изображения заменяют неграмотным книги и являются немолчными вестниками чести святых, поучая беззвучным голосом созерцающих их и освещая зрение. У меня нет множества книг. Я не имею досуга для чтения. Вхожу в общую врачебницу душ – церковь, подавляемый заботами, как терниями. Красота влечет меня к созерцанию картины, подобно лугу услаждает зрение и незаметно открывает душе славу Божию. Вижу терпение мученика, раздаяние венцов и, как огнем, возбуждаюсь к соревнованию произволением. Падая, я поклоняюсь Богу чрез мученика и получаю спасение"[34].

Призывом пребывать "непоколебимыми, непреклонными, невозмущенными, утвержденными на твердом камне, который есть Христос"[35], преподобный Иоанн Дамаскин заканчивает свое "Первое защитительное слово".

Свой труд в защиту святых икон Иоанн Дамаскин отослал друзьям и знакомым в Константинополь и просил распространить его среди верующих.

Он с великим вниманием следил за всеми событиями, происходящими в Византии. Больше всего его тревожил вопрос: устоят ли верные в борьбе с иконоборческой ересью? Ведь власть императора Льва велика и может увлечь народ за собой.

В 730 году император Лев III Исаврянин издал второй указ против иконопочитания. Репрессии против почитателей икон усилились. Между православными иконопочитателями и иконоборцами велись ожесточенные споры.

Святой Иоанн Дамаскин еще с большей убедительностью обращается к константинопольскому клиру и народу со "Вторым защитительным словом против отвергающих святые иконы".

Начинает он это послание следующими словами: "Не ради славы или известности стал я говорить – Бог свидетель, но из ревности к истине... Я составил это второе слово об иконах, ибо некоторые из детей Церкви увещевали меня сделать это по причине того, что первое многим не совсем доступно"[36]. Приводя аргументы в защиту икон, святой Иоанн Дамаскин, по сути, повторяет первое послание. Он говорит, что почитатели икон не боготворят изображений, так как мы изображаем на наших святых иконах воплотившегося Господа, который "принял по неизреченной благости и естес-

тво, и объем, и вид, и цвет плоти". "Мы не погрешаем, делая Его изображение, так как желаем созерцать Его черты"[37].

Святые иконы являются следствием Боговоплощения и поэтому неотделимы от христианства.

Святой Иоанн Дамаскин повторяет мысль первого своего Послания – о том, что запрещение делать изображения Бога и святых, данное в Ветхом Завете, есть временная, педагогическая, воспитательная мера, а не принципиальное запрещение. Запрещая прямые и конкретные образы, Священное Писание в то же время передает повеление Божие делать образы символические, какими являлись ветхозаветная скиния и предметы, которые в ней находились. Они имели прообразовательное, символическое значение, и устройство их было указано Самим Богом до мельчайших подробностей. "Достаточно доказано, – говорит святой отец, – что скиния, и завеса, и ковчег, и трапеза, и все, что в скинии, суть образы и знаки, дела рук человеческих, которым поклонялся весь Израиль, равно как изваянные херувимы, сделанные по повелению Божию". "Вот почему, – продолжает святой Иоанн Дамаскин, – в Ветхом Завете и закон, и все, что по закону, было какою-то сенью грядущего образа, т. е. нашего служения; наше же служение есть образ грядущих благ"[38].

Взирая на иконы с изображениями Бога и святых угодников, мы сами освящаемся и стараемся подражать им, что, естественно, возбуждает зависть диавола, и он строит всевозможные козни против истинных последователей иконопочитания. Преподобный Иоанн обращается ко всем православным людям с призывом не поддаваться завистнику рода человеческого и твердо следовать по пути, указанному Святой Православной Церковью.

"Святой народ христианский! Если кто благовествует вам кроме того, что приняла Кафолическая Церковь от святых апостолов, отцов и Соборов и сохранила до сего времени, не слушайте его и не примите совета змия, как приняла Ева и вкусила за это смерть. И если Ангел или царь благовестит вам кроме того, что вы приняли, закройте уши. Ибо я медлю пока сказать, как сказал божественный Апостол: *анафема да будет* (Гал. 1, 8), ожидая исправления"[39].

Через несколько лет святой Иоанн Дамаскин написал и третье слово в защиту святых икон, в котором еще подробнее излагает аргументы в пользу иконопочитания и приводит еще более неопровержимые доказательства превосходства православного учения о почитании икон над всеми другими учениями, которые выдвигали иконоборцы.

В "Третьем защитительном слове" святой Иоанн рассуждает о сущности святых икон, о назначении их, видах и происхождении.

Сын Божий, Господь наш Иисус Христос, говорит преподобный Иоанн Дамаскин, "есть естественный, неизменный образ Отца, во всем подобный Отцу, кроме нерожденности и отчества... И Дух Святой – образ Сына, *ибо никтоже может рещи Господа Иисуса, точию Духом Святым* (1 Кор. 12, 3)"[40]. Следующими видами образов, по мысли святого отца, являются: "мысль в Боге"; человек, созданный по образу Божию и по подобию; представления на картине невидимого и бестелесного Бога, "изображенные телесно ради слабости нашего понимания". Так, чтобы составить себе наиболее ясное понятие о Святой Троице, мы прибегаем к сравнению Ее с солнцем, с его лучами и светом и так далее.

Заканчивая свое третье послание, великий поборник истины преподобный Иоанн Дамаскин вновь обращается с пламенным призывом ко всем православным твердо держаться Священного Предания и не увлекаться нововведениями иконоборцев. "Братия, – говорит он, – станем на скале веры и на церковном Предании, не изменяя пределов, которые положили святые отцы наши, не давая места желающим вводить новое и разрушать строение святой кафолической и апостольской Церкви Божией; ибо если дать свободу всякому желающему, то понемногу будет разрушено все тело Церкви"[41]. Затем следует призыв почитать святые иконы Господа, Богоматери и святых: "Поклонимся и послужим одному только Творцу и Создателю мира Богу, как поклоняемому

по естеству. Поклонимся и святой Богородице, не как Богу, но как Матери Бога по плоти. Затем поклонимся и святым, как избранным друзьям Божиим и получившим дерзновение к Нему"[42].

Посылая свои письма в Константинополь, преподобный Иоанн Дамаскин просил своих знакомых, насколько возможно, распространять их среди христиан, чтобы утвердить верующих в иконопочитании, колеблющихся – в православии, уклонившихся же в ересь снова обратить к истинному ученью. "Так новый поборник истины, – говорит греческое житие святого Иоанна Дамаскина, – всячески старался, чтобы его письма, переходя из рук в руки, распространялись среди верных и укрепляли православное учение, и по примеру [Апостола] Павла хотел кругом исходить [всю] вселенную если не ногами, то тем, что в письмах возвещал истину"[43].

И действительно, письма святого Иоанна Дамаскина разошлись по всей Византийской империи, православных утверждая в благочестии, заблуждающихся же обращая на путь истины.

Глубокий богослов, человек с пламенной душой, готовый ради истины пожертвовать всем личным, в течение всей своей жизни стоявший на страже Православия, преподобный Иоанн Дамаскин нанес сокрушительный удар по еретикам-иконоборцам. Его борьба с иконоборчеством и защита Православия выражались не только в пламенных словах, но и в поступках. Когда православные иконопочитатели терпели страшные мучения за свою веру от еще более жестокого императора-иконоборца Константина Копронима, святой Иоанн Дамаскин поспешил на помощь своим единоверцам и, не устрашившись грозного мучителя, явился сам в Константинополь, где, по свидетельству одного церковного писателя, "смело обличал, словом и писанием, императора и иконоборцев; называл первого еретиком, сожигателем икон, врагом святых, а преданных ему епископов и иконоборцев – низкими его угодниками"[44]. В течение всей своей жизни преподобный Иоанн Дамаскин не переставал быть ревностным защитником православного иконопочитания и был готов на любую жертву ради святой истины. За свою самоотверженность в защите иконопочитания мужественный и ревностный поборник Христовой истины вскоре вынужден был претерпеть страдания.

Когда византийский император-иконоборец Лев III Исаврянин узнал о столь энергичной и неутомимой деятельности Иоанна Дамаскина в защиту иконопочитания, он пришел в сильную ярость и решил во что бы то ни стало пресечь деятельность активного защитника святых икон. Однако, не имея возможности действовать против святого мужа непосредственно своей властью, так как преподобный Иоанн Дамаскин жил за пределами Византийской империи, в Сирии, куда не простиралась власть греческого императора, Лев III решил действовать иначе. В его уме созрел коварный план: оклеветать мужественного защитника иконопочитания и таким образом убрать его со своего пути. Для этого Лев Исаврянин призвал к себе некоторых из своих единомышленников и приказал им разыскать у православных под видом благочестия, якобы для прочтения, подлинное послание святого Иоанна Дамаскина, написанное его рукой, и доставить ему это письмо. "Пособники же нечестия, – говорит автор греческого жития, – соблюдая всякую осторожность и скрывая свой коварный замысел, искали то, что им было приказано, и, найдя, вручили царю"[45]. Когда рукопись святого Иоанна Дамаскина оказалась в руках императора, он передал ее искусным писцам "и приказал им в совершенстве подделать его почерк, отнюдь не отступая от него по сходству, уподобиться ему по языку и написать подобное письмо, которое имело бы вид послания от него к императору"[46]. В этом подложном письме Иоанн Дамаскин будто бы из единомыслия предлагал императору Льву изменнически предать город Дамаск, обещая помочь ему овладеть городом, если тот пожелает воспользоваться его услугой и выступит со своим войском.

Письмо это, написанное якобы самим Иоанном, было следующего содержания: "Радуйся, царь, и я сорадуюсь силе твоей, ибо у нас одна и та же вера. Я имею к твоему царскому величеству расположение и должное почтение, в силу которого об этом и довожу до твоего сведения: наш город совсем беспечно охраняется и находящееся

здесь агарянское войско слабо и легко может быть исчислено. Сжалься же, ради Бога, над этим городом и пошли неожиданно храбрый и многочисленный отряд, сделав вид, что он отправляется в другую сторону. Ты легко завладеешь городом, ибо я с своей стороны немало тебе помогу в этом деле, так как мне подвластна вся эта страна и город"[47].

Это подложное письмо Лев Исаврянин адресовал дамаскинскому халифу, на службе у которого состоял Иоанн Дамаскин, занимая важный и ответственный пост, якобы с целью предупредить измену со стороны его министра. Вместе с этим поддельным письмом император послал в Дамаск и другое письмо, но уже от своего имени, в котором уверял халифа, что понял вероломство и измену его неверного слуги, указывал на Иоанна как на изменника, которого следует особенно опасаться, и решительно отказывался нарушить мирные переговоры и дружеские отношения с халифом. В этом письме император сообщал также, что он якобы получил много подстрекательских писем от Иоанна, одно из которых он и посылает халифу, чтобы тот не сомневался в истинности его слов. "Так как я знаю, – писал император Лев Исаврянин халифу, – что нет ничего блаженнее мира и счастливее дружбы и что соблюдать мирные договоры похвально и угодно Богу, то я выше всего ставлю сохранять нерушимо те мирные дружеские союзы, которые я заключил с твоим благородием. Однако один из находящихся под твоею властью христиан своими многочисленными посланиями призывает меня тайно нарушить дружбу с тобой и коварно преступить договор. При этом он уверяет, что весьма поможет мне овладеть твоим городом, если только я пошлю против него многочисленное войско. А в подтверждение того, о чем я тебе написал, посылаю тебе одно из его писем ко мне, чтобы ты убедился, насколько я в своих союзах истинен и непоколебим, и чтобы ты узнал также зломыслие и хитрость того, кто осмелился написать мне это"[48]. Оба этих письма вскоре были доставлены одним из послов императора дамасскому халифу.

Когда халиф получил и прочитал эти письма, он немедленно вызвал к себе Иоанна. И, когда тот явился, халиф показал ему письмо, в котором был подделан его почерк, адресованное на имя греческого императора Льва Исаврянина, и спросил: "Узнаешь ли, Иоанн, этот почерк и того, кто написал это?"[49]. Иоанн внимательно прочитал это письмо и, рассматривая его, сказал: "Эмир! Действительно, этот почерк похож на мой почерк, но это не моя рука, а слов его не говорили мои губы. Письмо это никогда не было в моих руках, и глаза мои видят его лишь [впервые] в настоящий момент, когда я стою перед тобою"[50]. После этого халиф дал Иоанну и второе письмо от императора Льва, в котором хитрый и коварный злоумышленник обвинял ни в чем не повинного Иоанна в измене.

Обманутый хитростью императора Льва, халиф поверил, что поддельное письмо действительно написано рукой его любимого министра, и решил тотчас же наказать мнимого изменника.

Иоанн понял коварный замысел византийского императора Льва и просил у халифа "дать ему краткое время для оправдания и для объяснения безумной ярости против него нечестивого царя; но варвар не позволил и не допустил этого, сделавшись совершенно вне себя от неистового гнева"[51]. Не желая слушать никаких оправданий, разгневанный халиф повелел отсечь мнимому преступнику правую руку, как будто бы писавшую изменническое письмо. Напрасно Иоанн умолял халифа повременить с исполнением приговора, чтобы иметь возможность доказать свою невиновность и объяснить причину вражды против него императора-иконоборца.

Приговор халифа был приведен в исполнение. Правая рука неповинного Иоанна была отсечена и вывешена на городской площади... "Так, – говорит автор жития святого Иоанна Дамаскина, – отсечена была правая рука, которая своими писаниями составляла для православных силу Божию; отсечена правая рука, изобличавшая ненавидящих Господа, и вместо чернил, которыми она прежде орошалась, когда писала слово о поклонении иконам, орошается своею кровью"[52].

Но Промыслу Божию угодно было оправдать ревностного поборника святой православной веры. С наступлением вечера, когда Иоанну стало известно, что разгневанный халиф несколько успокоился, он послал к нему посольство с просьбой отдать ему отсеченную руку, умоляя его и говоря следующее: "Боль моя усиливается и стала невыносимой; острое страдание не стихнет до тех пор, пока отсеченная рука моя висит в воздухе. Прикажи ее отдать мне, чтобы я скрыл ее под землею и избавился от сильнейшей боли"[53].

Халиф внял просьбе страдальца и повелел исполнить его желание. Отрубленная часть руки была возвращена Иоанну. "Он же, – продолжает жизнеописатель, – взяв ее, удалился в свою домашнюю молельню и, пав ниц пред священной иконой, изображающей божественные черты Богоматери, приставил свою правую руку на прежнее место и из глубины сердца молился Милосердной, взывая к ней со стенаниями и слезами"[54], прося Царицу Небесную с Предвечным Младенцем на руках о помощи и заступлении. Уста невинного страдальца произносили слова пламенной и усердной молитвы к Пречистой Деве Марии: "О, святая, Чистая Владычица, Мать Бога нашего, Слова Предвечного по Воплощению Его из Твоей чистой крови! Во имя великой любви Его к человеческому роду прошу Тебя обратиться к Нему с мольбою за меня и заступиться перед Ним ради обилия скорби моей и силы страдания моего, так как Он знает то, что постигло меня и до чего я доведен был иконоборцами, которых я открыто изобличал в лживости и пустоте мерзостного их верования вследствие великой веры моей и любви моей к Богу Господу нашему Иисусу Христу Живому Предвечному. И вот враг человеческий возбудил против меня козни, и мне отрубили руку. Теперь я простираю ее Тебе, чтобы Ты укрепила ее там, где она была прежде целою, свободною от всякой боли, чтобы отрезанная часть зажила и чтобы Ты показала на рабе Твоем обилие Твоего сострадания для того, чтобы язык мой не переставал хвалить Тебя, пока я буду жить. Ведь Ты в состоянии сделать то, о чем я Тебя прошу, благодаря силе Воплотившегося от Тебя Творца всего мира, его Держателя и Управителя, Которому подобает Слава во веки веков. Аминь!"[55]

Долго еще молился Иоанн пред иконой Богоматери, прося Царицу Небесную об исцелении, обещая при этом посвятить всю свою жизнь прославлению Ее Пресвятого имени и Воплотившегося от Нее Господа и Спаса нашего Иисуса Христа. "Владычице, Пресвятая Матерь, родившая Бога моего, – взывал блаженный Иоанн. – Ради божественных икон отсечена моя правая рука. Ты знаешь причину, по которой возъярился Лев; поспеши скоро и исцели руку мою. Десница Вышнего, которая от Тебя восприняла плоть, совершает многия силы чрез Твое предстательство, пусть Он, по Твоим молитвам, исцелит теперь десницу эту, дабы она даруемые Тобою песнопения в честь Твою и Воплотившегося от Тебя написала в стройных созвучиях, Богородице, и сделалась пособницей православного богослужения, Ибо, как Матерь Божия, Ты можешь сделать, что тебе угодно"[56].

Слова молитвы святой праведник произносил с глубочайшим сокрушением сердца, и слезы обильно текли из его глаз. Иоанн Дамаскин молился до тех пор, пока, утомленный страданиями, не уснул. Во сне ему было видение – Сама Божия Матерь смотрит на него со святой иконы светлыми и милостивыми глазами и говорит ему: "Вот рука твоя стала здоровой, не медли более, но сделай ее *тростью скорописца* (Пс. 44, 2), как ты сейчас обещал Мне"[57].

Проснувшись, святой Иоанн увидел, что рука его чудесным образом срослась, и он уже не чувствовал боли, только красный рубец, как тонкая нить, свидетельствовал о совершившемся чуде. Исцеленный, Иоанн "возрадовался духом о Боге, Спасителе своем, и о Матери Его, *яко сотвори* ему *величие Сильный* (Лк. 1, 49)"[58], пал ниц перед святой иконой и, воздев руки к Нему, со слезами радости благодарил Всемогущего Бога и Его Пречистую Матерь за оказанную ему великую милость. Душа его ликовала, всю ночь радовался и веселился со всем своим домом святой Иоанн, воспевая благодарственную песню Богу и Спасителю нашему Иисусу Христу: "Десница Твоя, Господи, прославилась в силе, десница Твоя мою пораженную десницу исцелила, и через

нее поразишь врагов, не почитающих честной иконы Твоей и Родившей Тебя, и множеством славы Твоей рукою моею сотрешь противных иконоборцев"[59].

В память чудесного исцеления руки, по преданию, святой Иоанн Дамаскин "вычеканил из серебра кисть руки, которую и приложил к чудотворной иконе, отчего она получила название Троеручицы, она и до сих пор хранится в Афонском Хиландарском монастыре"[60].

О том, как эта святая икона попала на Святой Афон, и вообще о ее истории сообщает исследователь Д. Г. Чакира: "Подлинная икона Троеручицы самим же Иоанном Дамаскиным была перенесена потом в Лавру святого Саввы Освященного, куда он удалился на покой для иноческих подвигов. С этого времени, то есть от половины VIII столетия, она постоянно оставалась в Лавре Иерусалимской до XIII века, когда прибыл туда знаменитый Савва, впоследствии архиепископ Сербский, которому при возвращении его из Палестины дарована была от Лавры в благословение икона Троеручицы по особому на то соизволению Божией Матери, и принесена им в Сербию, отечественную страну его; отсюда она уже перешла в Хилендарь"[61].

Святой Иоанн Дамаскин, по свидетельству одного из его жизнеописателей[62], никогда не расставался с этой чудотворной иконой Божией Матери. "Полотенце же, которым была обвита его отсеченная рука, он носил на голове своей"[63] в воспоминание знаменательного события в своей жизни, когда он испытал на себе сверхъестественное действие силы Божией и молитвенного ходатайства Царицы Небесной.

Весть о чудесном исцелении руки Иоанна быстро распространилась по городу. "И тотчас, – говорит жизнеописатель, – некоторые из ненавидящих христиан сарацин поспешили оклеветать Иоанна перед халифом, говоря ему, что правая рука у Иоанна не отсечена, а [отсечена] у кого-то другого, может быть, у его раба или у кого-либо из его служащих, который по расположению к господину отдал вместо его свою руку; а те, которым было приказано отсечь [руку,] вместо наказания взяли деньги, ибо Иоанн сидит дома и так поет и ликует, что ты сказал бы, что он празднует брак и составляет свадебную песнь или, лучше сказать, его радость, кажется, превышает и такое ликование"[64].

Узнав о случившемся, халиф немедленно пригласил к себе Иоанна, приказав ему показать отсеченную правую руку. И, когда Иоанн показал ему свою руку, халиф воочию убедился в том, что именно эта рука, рука праведника Божия, оказалась жертвой человеческой несправедливости. К его величайшему изумлению, правая рука Иоанна была совершенно здоровой и невредимой и только едва заметный след на месте отсечения руки свидетельствовал о том, что пострадал именно Иоанн, а не какой-то другой человек.

Лично удостоверившись в неложности совершившегося, удивленный халиф спросил Иоанна: какой же врач и каким средством так искусно присоединил ему отсеченную руку и как мог он так скоро уврачевать и оживить ее, как будто она никогда и не была отсеченной. В ответ на это святой Иоанн поведал халифу о совершившемся великом чуде: "Мой Христос – искусный врач. Он может сделать все, что ни пожелает. Поэтому для Него нетрудно было исцелить меня, и Он быстро исполнил мое дело"[65].

Только теперь халиф понял, что был ловко обманут императором Львом Исаврянином, и стал просить прощения у Иоанна. "Как я вижу, человек, – говорил он, – ты потерпел несправедливо то, что потерпел, и прости нам, что мы подвергли тебя наказанию на основании нашего необдуманного и неразумного приговора. Итак, занимай прежнюю должность, и ты будешь первым из моих советников. И впредь я ничего не буду делать без твоего мнения и совета"[66]. Так был оправдан великий поборник истины святой Иоанн Дамаскин.

Однако Иоанн, верный своему обещанию посвятить себя Богу, а исцеленную руку сделать *тростью скорописца* (Пс. 44, 2), не мог более находиться на службе у халифа. Взор Иоанна давно уже "склонялся не к земле, – говорится в его греческом житии, – но к глубочайшему философскому морю, по которому он еще плавал как бы на некотором корабле мирского пристрастия. Но он хотел покинуть и корабль этого мира, и совершенно

сбросить одежды плотского пристрастия, и так обнаженным умом переплыть море и погрузиться в глубину, дабы найти лежащую там многоценную жемчужину"[67].

Святой Иоанн Дамаскин мечтал теперь всецело посвятить себя служению Богу, желая прославлять Всемогущего Творца, воспевать Его величие и благость. Он отказался от всех мирских почестей и просил халифа отпустить его в монастырь, предпочтя убогую келью скромного инока чертогам дамасского владыки.

Долго халиф не соглашался удовлетворить просьбу Иоанна, не желая расставаться с ним, и всячески пытался убедить его остаться при дворе. Однако Иоанн был непреклонен. "И, казалось, – говорит жизнеописатель, – это были единоборцы, как сказал бы кто-либо: варвар и праведный муж. Первый многими способами боролся, желая удержать Иоанна в узах мира; второй же напрягал все силы, чтобы порвать их и улететь на крыльях Ангелов"[68].

После продолжительной беседы халиф наконец вынужден был уступить. Видя непреклонную решимость Иоанна начать новую жизнь, он предоставил ему желанную свободу.

Как только Иоанн возвратился от халифа домой, он тотчас же стал собираться в далекий путь. Оставив свой роскошный дворец, унаследованный им от отца, раздав все свое имение слугам и нуждающимся, отпустив на волю своих рабов, Иоанн покинул Дамаск и направился в Палестину для поклонения святым местам. "Как нагим, – замечает его жизнеописатель, – вышел он из чрева матери своей, так нагим удалился и из мира, не имея ничего, кроме необходимых одежд"[69].

Вместе с Иоанном в этот далекий путь направился и его сводный брат Косьма, с которым он воспитывался и учился в доме своего отца, Сергия Мансура. "Вследствие стремления их, – говорит автор жития, – пойти по пути, более славному по положению и более высокому по достоинству, они должны были облечься в почетное монашеское одеяние и принять его честное легкое бремя"[70].

Так закончилась жизнь святого Иоанна Дамаскина при дворе магометанского халифа, где он оставался верным последователем Христа, защитником единоверцев, пламенным и ревностным поборником православного иконопочитания, истинным хранителем и исповедником Христовой веры.

Источники и литература

[1] 8-я песнь Канона преподобному Иоанну Дамаскину. Минея, декабрь. Киево-Печерская Успенская Лавра, 1879, с. 17.

[2] Святой Иоанн Дамаскин. СПб., 1876, с. 12.

[3] Арабское житие святого Иоанна Дамаскина. Полное собрание творений святого Иоанна Дамаскина. с. 13. (Далее: Арабское житие...,).

[4] Греческое житие святого Иоанна Дамаскина. Полное собрание творений святого Иоанна Дамаскина. СПб., 1913, с. 31. (Далее: Геческое житие...).

[5] Первое защитительное слово против отвергающих святые иконы. Полное собрание творений святого Иоанна Дамаскина. Т. 1: Пер. с греч. СПб., 1913, с. 347.

[6] Там же, с. 347.

[7] Там же, с. 247.

[8] Там же, с. 348.

[9] Там же, с. 350.

[10] Там же, с. 349.

[11] Там же, с. 351.

[12] Там же, с. 349.

[13] Там же, с. 354.

[14] Там же.

[15] Там же.

[16] Там же, с. 355.

[17] Там же.

[18] Там же, с. 356.

[19] Там же.

[20] Там же, с. 357.
[21] Там же.
[22] Там же.
[23] Там же.
[24] Там же, с. 358.
[25] Там же.
[26] Там же.
[27] Там же.
[28] Там же, с. 359.
[29] Там же.
[30] Там же, с. 359–360.
[31] Там же, с. 360.
[32] Там же.
[33] Там же, с. 361.
[34] Там же, с. 365.
[35] Там же, с. 372.
[36] Второе защитительное слово против отвергающих святые иконы. Полное собрание творений святого Иоанна Дамаскина. Т. 1.: Пер. с греч. СПб., 1913, с. 373.
[37] Там же, с. 374–375.
[38] Там же, с. 384.
[39] Там же, с. 375.
[40] Третье защитительное слово против отвергающих святые иконы. Полное собрание творений святого Иоанна Дамаскина. Т. 1: Пер. с греч. СПб., 1913, с. 400.
[41] Там же, с. 409
[42] Там же.
[43] Греческое житие..., с. 31.
[44] Краткое сведение о святом Иоанне Дамаскине. – Христианское чтение. СПб., ч. IV, с. 407.
[45] Греческое житие..., с. 31.
[46] Арабское житие..., с. 13.
[47] Греческое житие..., с. 31–32.
[48] Там же, с. 32.
[49] Арабское житие..., с. 14.
[50] Там же, с. 32.
[51] Там же.
[52] Греческое житие..., с. 32–33.
[53] Там же, с. 33.
[54] Там же.
[55] Арабское житие..., с. 14–15.
[56] Греческое житие..., с. 33.
[57] Там же, с. 14–15.
[58] Там же, с. 33.
[59] Там же, с. 34.
[60] Святой Иоанн Дамаскин. СПб., 1876, с. 19.
[61] Чакира Д. Г. Сказание об иконе Божией Матери, именуемой Троеручицею. 1-е изд. Аккерман, 1893, с. 4–5.
[62] Святой Иоанн Дамаскин. СПб., 1876, с. 22.
[63] Там же, с. 37.
[64] Греческое житие..., с. 34.
[65] Арабское житие..., с. 15.
[66] Греческое житие..., с. 34.
[67] Там же, с. 30.
[68] Там же, с. 35.
[69] Там же.
[70] Арабское житие..., с. 16.

Протоиерей Алексей ПАВЛОВ

Троице-Одигитриева Зосимова пустынь

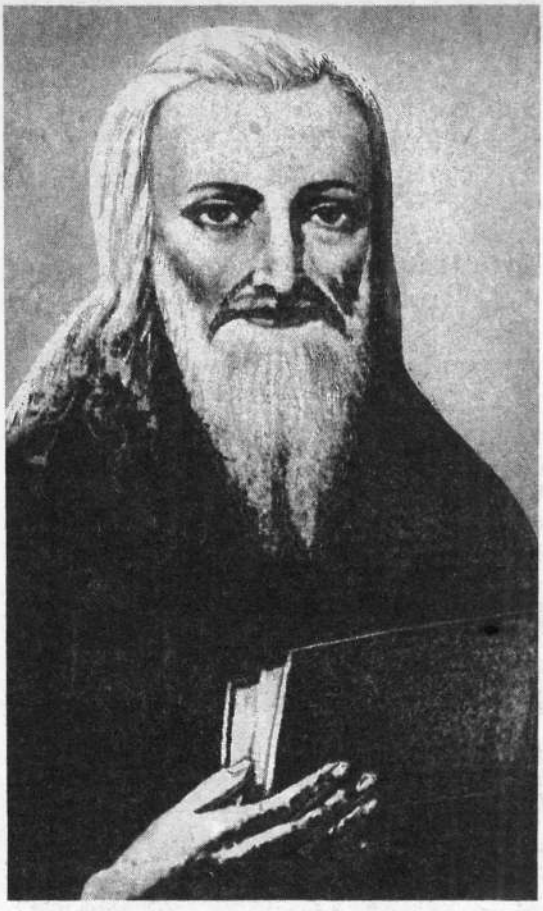
Общий вид Троице-Одигитриевой пустыни, XIX век

"Молитвами иноков Господь содержит сей мир", – говорил святитель Димитрий Ростовский. Такое понимание иночества вошло в плоть и кровь русского народа. Именно поэтому никогда не умирало на Руси монастырское строительство, а только приостанавливалось в дни открытых гонений на Церковь.

В 1786 году сын смоленского вице-губернатора, потомок славного рода, девятнадцатилетний Захар Васильевич Верховский удалился в Коневский монастырь под начало прославленных старцев Адриана и Василиска. Коневская обитель располагалась на острове Коневец в Ладожском озере. Суровость климата и строгость устава стали хорошей школой иноческой жизни начинающего подвижника.

Ревностно и смиренно исполняя все послушания, даваемые ему, юноша заслужил любовь братии и сподобился принять иноческий чин от старца Адриана, получив при постриге имя Зосима.

В 1789 году Зосима вместе со своим наставником старцем Василиском удалился в пустынный скит неподалеку от Коневского монастыря. Вскоре, однако, богоугодная жизнь отшельников стала известной в округе

Старец Зосима (Верховский) – основатель Троице-Одигитриевой пустыни

и к ним потекло множество людей искать совета и утешения. Не терпя людской славы, Василиск и Зосима с благословения старца Адриана отправились в далекую Сибирь. После различных мытарств, чуть не погибнув в тайге, подвижники устроили себе кельи в пустынной, тяжелой для человеческого обитания местности. Но и сюда вскоре устремились люди за словом истины.

В 1820 году несколько женщин с благословения старцев устроили в деревне Сидоровке, находящейся почти в пятидесяти километрах от их келий, монашеское общежитие, которое вскоре было перенесено в окрестности города Туринска, на место основанного в 1624 году епископом Киприаном и упраздненного в 1764 году мужского монастыря. Через некоторое время, однако, из-за клеветы отец Зосима покинул Туринский монастырь и прибыл в Москву[1].

Митрополит Филарет (Дроздов) предоставил отцу Зосиме келью в Чудовом монастыре, а по прибытии духовных чад старца из Сибири благословил открытие новой обители уже в пределах Московской епархии.

На предоставленной благочестивой москвичкой Бехметьевой земле отец Зосима собственноручно построил небольшую деревянную часовню и освятил ее в честь Смоленской иконы Божией Матери, называемой Одигитрией, которую сам старец, уроженец Смоленска, особенно почитал.

Трудно приходилось новой обители. Крайне скудное, болотистое место, отсутствие хороших дорог и населенных мест делали жизнь сестер и их старца неимоверно тяжелой. Но сколько раз в истории Церкви обители, основанные в пустынных и непроходимых дебрях, превращали их в ухоженные и прекрасные для жительства места. Под управлением старца молодая община стала постепенно обустраиваться. Возвели деревянный корпус для жилья и ограду, выкопали колодец. Сам отец Зосима подавал пример трудолюбия, работая мотыгой и топором.

24 октября 1833 года старец Зосима скончался. Его жизнь оставила глубокий след в русском сознании. Достаточно указать на мнение многих ученых о том, что образ старца Зосимы в "Братьях Карамазовых" Ф. М. Достоевского навеян не столько преподобным Амвросием Оптинским, сколько отцом Зосимой (Верховским).

Рукотворным же памятником старцу стала его обитель, получившая название Троице-Одигитриевой Зосимовой пустыни[2], открытой, однако, только через девять лет после кончины старца. В 1838 году на средства грузинского царевича Ираклия и царевны Фамари над его гробом был воздвигнут храм во имя Святой Живоначальной Троицы.

В 1841 году по ходатайству покровительствовавшего обители митрополита Филарета повелением императора Николая I Троице-Одигитриева женская община была утверждена на правах общежития. Вскоре на средства купца С. П. Лепешкина и других

благочестивых мирян в обители возвели каменную ограду и несколько корпусов. В 1852 году в честь Смоленской иконы Божией Матери был освящен второй храм общины, куда была перенесена чтимая икона Пресвятой Богородицы. Во время наполеоновского нашествия крестьяне расположенного в пяти километрах сельца Архангельского скрывали эту икону в густом лесу, как раз в том месте, где старец Зосима впоследствии положил начало своей обители.

Первой начальницей общины стала племянница отца Зосимы Вера. Под ее началом количество насельниц достигло ста человек, и в 1856 году община была возведена в степень монастыря. В день торжества Божественную литургию в обители совершил сам митрополит Филарет.

Игуменья Вера сумела сохранить и упрочить в обители тот истинно монашеский дух, который придал ей старец Зосима. Вот что писал о посещении Зосимовой пустыни епископ Дмитровский Леонид (Краснопевков) архиепископу Тверскому Савве (Тихомирову): "Был 27 сентября в Зосимовой пустыни и понял, почему Вы были так расположены к святой этой обители. Таковых бо есть Царствие Божие, и они хранимы Богом для распространения на земле даров благости Божией. Я не служил там, но пробыл 24 часа в общении молитвенном и бесед душеполезных с матушкою и "старшими сестрами".

В это же время любил посещать обитель мальчик Василий родом из находящегося в четырех верстах от нее Архангельского. Этот мальчик стал в дальнейшем одним из величайших подвижников XIX века – старцем Варнавою Гефсиманским. Монахиня Таисия в своей книге "Русское православное женское монашество XVIII–XIX веков" пишет: "Старец отец Варнава, в миру Василий, родился в тридцатых годах XIX века в крестьянской крепостной семье, под Москвой, недалеко от Одигитриевой Зосимовой пустыни. Мальчик Вася любил бегать туда и оказывать монахиням различные услуги, и они, в свою очередь, любили услужливого, смышленого мальчика".

Можно предположить, что впечатления, полученные в Зосимовой пустыни будущим старцем, повлияли на отца Варнаву при основании им Выксунской Иверской женской обители.

В 1869 году после долгого управления обителью игуменья Вера скончалась. Новой настоятельницей стала мать Афанасия, в миру Наталья Григорьевна Качалова. Родиной новой игуменьи было село Стрельна, расположенное невдалеке от величайшей святыни русского Православия знаменитой Оптиной пустыни. Духовным отцом Натальи Качаловой был оптинский старец схимонах Антоний, который и направил ее в 1845 году в обитель отца Зосимы. До своей кончины в 1881 году игуменья Афанасия постоянно посещала Оптину, где получала духовные наставления старцев. Любовь сестер к матушке Афанасии была столь сильна, что, когда епархиальное начальство хотело перевести их игуменью в более благоустроенный монастырь, они умолили оставить им их настоятельницу.

Игуменья Афанасия заботилась и о материальном положении обители. Она завела при монастыре скотный двор и конюшню, а средства, получаемые от них, тратила на ремонт монастырских построек и помощь нуждающимся.

Сразу после кончины игуменьи Афанасии находившийся в обители настоятель Иосифо-Волоцкого монастыря архимандрит Сергий спросил у сестер: "Не беспокоили ли вы ее чем?", на что монахини ответили: "Мы ее ничем не беспокоили, но ее поразила весть о смерти царя[3], с тех пор она закрыла глаза и замолчала". На отпевании архимандрит Сергий, утешая плачущих сестер, сказал: "Не унывайте, а молитесь за нее, она за вас будет молиться у престола Всевышнего, и Он не оставит вас Своей милостью".

Господь не оставил Своей милостью обитель. Новой настоятельницей стала внучатая племянница старца Зосимы Магдалина. Она оказалась достойной преемницей матери Афанасии. Любя и ценя церковное пение, игуменья Магдалина пригласила в

обитель учителей обучить сестер, многие из которых до поступления в монастырь были простыми крестьянками, правильному и стройному церковному пению. Будучи суровой подвижницей, игуменья Магдалина старалась оградить монастырь от мирского шума. Заботясь в то же время и о его материальном процветании, она приобретала в окрестностях земли для монастыря. Любя чтение, матушка Магдалина приучала к нему и сестер обители. При ней особенно сильно разрослась монастырская библиотека с великолепным выбором книг духовно-нравственного содержания.

После двадцатилетнего управления обителью, 27 ноября 1901 года, игуменья Магдалина скончалась. Ее заменила игуменья София. Трудами новой игуменьи в обители был возведен третий храм, в честь Рождества святого Иоанна Предтечи, и окончательно завершено обустройство монастыря. Обитель владела шестьюстами десятинами земли и имела большое хозяйство, что позволяло поддерживать монастырские строения и обеспечивать всем необходимым сестер, число которых непрерывно росло и к началу нашего века приближалось к тремстам.

В Зосимовой пустыни имелись странноприимный дом, где питали всех приходящих к святыням обители богомольцев, больница и богадельня, содержавшиеся на средства монастыря. Значительные суммы тратились на помощь неимущим крестьянам и милостыню нищим и всем нуждающимся. Кроме того, в принадлежавшем обители доме в Москве, на Плющихе, жили бедные девочки и девушки, тоже получавшие от монастыря средства к существованию.

Террор, обрушившийся на Церковь после победы большевизма, не миновал, конечно, и Зосимовой пустыни. Под видом женской трудовой коммуны обитель просуществовала до 1928 года. Вскоре были репрессированы монастырские священники: отец Михаил и отец Димитрий, а также последняя настоятельница обители игуменья Афанасия. На территории монастыря разместились инвалидный дом и клуб "Смычка". Погибли иконы, колокола и книги, было разорено монастырское хозяйство. В тридцатые годы была разрушена церковь Смоленской иконы Божией Матери. В храме Рождества святого Иоанна Предтечи устроили водонапорную башню и склад, а главный собор обители — Троицкий — обезглавили и превратили в клуб. Мощи старца Зосимы были вынесены из храма и перезахоронены на монастырском кладбище, тоже приходящем в упадок.

В 1968 году в бывшем монастыре разместился пионерский лагерь "Бекасово".

Хотелось бы верить, что обитель старца Зосимы — Троице-Одигитриева Зосимова пустынь возродится к жизни и в ней вновь начнется Божественная служба.

Примечания

[1] Подробности гонений на старца, устроенных дворянами Васильевыми, можно узнать из книги "Зосимова пустынь" (М., 1903).

[2] Не путать с мужским монастырем того же названия, находящимся на территории Владимирской области.

[3] 1 марта 1881 года террористами был убит государь Александр II.

А. ЕФРЕМОВ

Александр ХОТОВИЦКИЙ

О молитве Иисусовой[1]

Сказание о ней святых отцов Церкви и старческие советы подвижников Божиих

Более ста лет назад[2] в России возник спор об Иисусовой молитве или, точнее, Имени Иисуса Христа в деле нашего спасения. Группа монахов во главе с Антонием Булатовичем была обвинена в ереси...

Теоретически вопрос о том, содержится ли спасительная сила в самом Имени Сына Божия или в том молитвенном состоянии, которое переживает призывающий это Имя, мною не затрагивается. Молитвой Иисусовой подвизались сонмы православных святых, поэтому учение о спасительности самого подвига никем не подвергалось сомнению и никем не осуждалось. Цель этой [работы] – религиозно-практическая: когда больной получает исцеление от какого-либо лекарства, облегчение, он, естественно, хочет передать его другому.

1

Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного. Святой Марк Подвижник говорит: "Что за надобность диаволу бороться с теми, которые всегда лежат на земле и никогда не встают". По словам аввы Исаии, "много смущает и тревожит бесов то, когда инок вооружает себя тайным поучением, которое заключается в следующей молитве: *Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного.* Желающий подвизаться молитвой Иисусовой встает с земли, и потому диавол сейчас же начинает бороться с ним и бесы приходят в тревогу.

Начинающему надо знать опасности, которые его ожидают. Их несколько:

1) творение Иисусовой молитвы ни в коем случае не начинать без руководителя;

2) не нарушать принцип постепенности: начинать занятия Иисусовой молитвой надо с малого числа молитвословий;

3) не ждать немедленных результатов от этого святоотеческого молитвенного делания;

4) не уклоняться от обычной общецерковной молитвы;

5) вести неустанную борьбу со страстями.

Разберем эти принципы подробнее по отдельности.

2

Подвижник, вступивший на путь творения Иисусовой молитвы, должен непременно иметь руководителя. Как только человек "встает с земли" и начинает творить

Статью о протопресвитере Александре Хотовицком см. на с. 98–104.

молитву Иисусову, так диавол сейчас же приближается к нему.

Если человек нетерпелив, он действует на него так: отравляет его **"окаменелым нечувствием"**. Исчезает всякая, даже ранее бывшая молитвенность. Холодеет сердце. Состояние тяжелой скуки, как бы оцепенение, кажется, проистекают от этой молитвы. [Появляются "бесовнушенные"] мысли: "Пока не молился, этого не было. Надо бросить. Подожду, когда явится другое настроение. Должно быть, я не способен к молитве – у меня ничего не выйдет".

Если человек горяч, диавол действует так: обманывает быстрым успехом. В первые же дни наступает блаженное состояние духа. Сердце согревается. Сладкое физическое ощущение теплоты от сердца разливается по всему телу. С первых же слов текут слезы умиления. Стоящий на молитве [находится] точно не на земле, а на небе: [на сей раз] "мысли" [приобретают иной оборот:] "Как легко и просто можно научиться молитве. Может быть, у меня особый дар? С первых же дней я достигаю такой высоты, что же будет дальше?"

Проходит некоторое время. [Человек продолжает] молиться. Но былая сладость вдруг исчезает. Нет прежнего. А желание разгорелось. [Это] диавол "показал" – обманом дал "попробовать сладость". Молящийся начинает "заставлять" себя – нудится. И диавол помогает ему: первое усилие приводит к цели: опять теплота, сладость, слезы. Мысли: "Охлаждение – это искушение, буду заставлять себя молиться по-прежнему".

На следующий день еще холоднее сердце и еще большими усилиями достигается нервное возбуждение. Так идут день за днем. И, усиливаясь вернуть ускользающее [молитвенное блаженство,] доходит человек [порой] до умоисступления.

Чем помочь может руководитель? Самому изнутри определить темп (скорость) [молитвы] невозможно. Невозможно определить самому, сколько раз надлежит повторить молитву Иисусову – надо ли увеличить время ее творения или остаться при прежнем. Самому невозможно определить и качество молитвенных состояний.

Вот почему Григорий Синаит предостерегает "самочинника" от созерцательной молитвы. Ибо, если он захочет приобрести ее, то одно из двух должен потерпеть: если понуждается, то прельщается и пребывает неисцелен; если же нерадит, то остается без успеха во всю свою жизнь. [Вот почему] надо отдать себя руководителю. Даже неопытный руководитель лучше, чем [самочиние]. Если не умудрит Господь руководителя-духовника и он не сможет верно указать самое полезное для молящегося, он сделает великое благо уже тем, что "личную волю" молящегося, через которую [пытается] действовать диавол, обезопасит, взяв в свои руки.

3

[Не следует нарушать принцип постепенности.] Горячее желание достигнуть великих результатов, о которых читал и слышал подвизающийся, так не соответствует первоначальной ступени. С повторением молитвы сто раз является желание [поскорее] увеличить число молитвословий. Новоначальные, не предвидя опасности, назначают себе правило в 300, 500 и даже в 1000 [молитв]. Диавол [же только и] ждет этого [и] ревность [подвижника] обращает в [его по]гибель.

Как обучающийся игре на музыкальных инструментах, сразу не поставивший свою "руку" систематическим и терпеливым обучением, потом с трудом должен переучиваться вновь – или не научится играть никогда, так и начавший молитву "со многого" не ускорит, а лишь замедлит свое "обучение молитве", если только не вовсе погубит себя.

Не научившись сосредоточивать свое внимание на малом, молящийся отдает себя во власть рассеянных мыслей, стоит на молитве беззащитный, открыв душу и не имея сил защитить ее. Состояние [это гораздо] опаснее, чем рассеянность мирская... На молитве душа открыта и, если не имеет должной сосредоточенности, дабы внимательно

и зорко следить за собою, делается достоянием злых сил.

Первое время настойчивое повторение молитвы множество раз создает призрачность молитвенного подъема. За словами еще нет полноты молитвенного содержания, но есть как бы предчувствие его. Молящиеся радуются этому. [Сопутствующие этому состоянию] мысли [по большей части таковы:] "Я иду верным путем, ибо никогда раньше не испытывал ничего подобного. Надо еще увеличить правило, тогда скорее достигну настоящей молитвы".

На деле получается иначе. Незаполненность духовная, рассеянность внимания, при раскрытости и незащищенности души, приводят к следующему: в душу начинают вторгаться ощущения необычной остроты – полная противоположность [молитвенному состоянию]. Охватывают внезапный голод или жажда, а чаще всего – чувственное вожделение. За ощущением [следуют] мысли, [точнее,] образы – неожиданные, как во сне. И все преувеличенно яркие, неестественно [сильные]. Никогда в повседневной жизни мирской человек не испытывает [такого] голода, жажды или вожделения.

Молящийся приходит в ужас. Изнемогает. Но, встав на путь "количественный"... [часто продолжает] увеличивать себе молитвенное правило. Это делает его еще более беспомощным. Внимание совершенно растворяется в громадном числе повторений молитвы. Руководящее внутреннее начало исчезает. Душа отдается во власть враждебных стихий. Тогда за образами чувственными начинают вторгаться в душу мысли кощунственные, против которых возмущается все существо человека, но от которых он уже не в силах оградить себя. И тогда ["молитвотворец"] или бросает молитву, или, если Господь пошлет опытного руководителя, начинает все сначала.

Не надо постоянно ждать результатов. Не надо связывать желаемые результаты с каким-нибудь сроком, хотя бы самым отдаленным. Нельзя говорить себе: "Достигну того-то через месяц или через год" – и с беспокойством следить каждый день, [есть ли] движение вперед.

Молящийся должен приступать [к "умному деланию"] с твердым решением подвизаться независимо от результатов. Хотя бы никаких не было плодов от трудов его – продолжать начатый труд, ибо наше дело трудиться, а плоды – от Господа.

Помилование зависит не от желающего и не от подвизающегося, но от Бога милующего (Рим. 9, 16).

Постоянно ожидающий результатов создает в себе ту двойственность, которая – злейший враг молитвы. Он уже не следит за правильностью внутренней своей работы, а внешне наблюдает за ее результатами. Диавол сторожит молящегося и начинает втягивать его в эту забаву. Он создает видимость совершенствования. Молящемуся начинает казаться, что вчера он чувствовал на молитве не так, как сегодня... Мысли, [часто посещающие подвижника:] "Я уже на молитве чувствую себя совершенно иначе, чем в начале, через 2–3 месяца будет еще лучше". Является нетерпение. Молящийся ждет наступления [этого улучшения] каждый день, не замечая, что давно уже сбился с истинного пути...

В молящемся создается два человека: один, обольщенный, переживает подобие высоких молитвенных состояний, которые суть наваждения бесовские, другой наблюдает эти состояния и подгоняет первого. Занятый этой суетной внутренней работой, молящийся не видит, что зашел [в тупик]. И вот когда эта раздвоенность дойдет до своего предела, все мнимо достигнутые результаты разом исчезнут и останется в душе невыразимая усталость, точно после тяжкой болезни...

4

Не надо пренебрегать установленной общецерковной молитвой. Увлекаясь молитвой Иисусовой, часто заменяют ею установленное утреннее и вечернее келейное правило, а иногда даже и церковные службы. Новизна и сила молитвенных пережива-

ний, внешнее удобство – возможность творить молитву про себя, при всяких условиях – вводят в соблазн: является желание все остальное заменить молитвой Иисусовой. [Возникают] мысли: "Не все ли равно, какими словами молиться? Если я через молитву Иисусову достигаю исключительного подъема, зачем мне постоянно ходить в церковь или дома вычитывать другие положенные молитвы, которые действия на мою душу не оказывают".

Молитва Иисусова не должна ни в каком случае заменять собой установленные Церковью правила и службы. Вставший на путь "замены" постепенно отходит от... Церкви. Соблазняемый диаволом... [молитвенник] полагает, что он заменяет высшим (молитвой Иисусовой) "низшее" (молитву церковную). Молящийся, как слепой, идет в духовную пропасть. Обособленный в своей молитве от молитвы общецерковной, молящийся замыкается в кругу своих личных молитвенных переживаний и, услаждаясь некоторое время ими, как необычайно возвышенными, доходя во время молитвы чуть ли не до новых "откровений", впадает в прелесть – горделиво начинает мудрствовать о себе как о человеке богоизбранном, имеющем непосредственную связь с Богом, помимо Церкви, или же теряет все сразу и впадает в уныние.

Сила церковной молитвы не в силе переживаемых нами ощущений, а потому и сравнивать ее, и оценивать надо иначе. Молитвенное пребывание в Церкви Христовой через участие в совершаемых богослужениях по созданному этою Церковью, водимою Духом Святым чину является тем источником *воды живой*, который можно лишь дополнить особым молитвенным правилом, а не заменить.

Оживотворяющая сила церковной молитвы заключается... в ее соборности, и потому каждый член Церкви должен быть ее участником. Безнаказанно для духовной жизни нельзя порывать молитвенной связи с Церковью... [и заменять] обособленной единоличной молитвой.

5

Борьба со страстями

Какова жизнь, такова и молитва. А какова молитва, такова и жизнь.

Авва Исаак Египетский говорит: "Как без добродетелей нельзя приобрести постоянной совершенной чистоты молитвы, так и добродетели без постоянства молитвы не могут достигнуть совершенства".

Сладость молитвенных переживаний может создать в молящемся опасное состояние духа, когда молитва становится для него "другим миром", совершенно обособленным от его жизни. Усилие на пути молитвенного подъема должно сопровождаться нравственными усилиями очистить душу свою от страстей. Ибо молитва и нравственное состояние человека внутренне связаны неразрывно.

Диавол вносит в душу соблазн, [внушая] предавать забвению нравственные [заповеди], показывая "прелесть" молитвы, – и подвижник молитвенный подвиг превращает в бесовское самоуслаждение, [думая при этом:] "Надо любить Бога и служить Ему – это главное, и я делаю это главное дело. Остальное придет само собой. Я уже достиг многого – значит, путь мой верен".

Об этой страшной опасности предостерегает нас Спаситель, [говоря:] *Не всякий, говорящий Мне: "Господи! Господи! " войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного. Многие скажут Мне в тот день: "Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали? И не Твоим ли именем бесов изгоняли? и не Твоим ли именем многие чудеса творили?" И тогда объявлю им: Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие* (Мф. 7, 21–23).

Апостол Павел говорит: *Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я – медь звенящая или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества, и*

знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви , – то я ничто. И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы (1 Кор. 13, 1–3). Страшные слова. Можно достигнуть кажущейся "высоты духа", можно говорить языками ангельскими и человеческими, пророчествовать, знать все тайны, можно иметь веру, переставляющую горы, можно быть подвижником, отдающим тело свое на сожжение, но [если] нет любви, [то] все это – ничто. Все от диавола.

Всего страшнее, что пребывающие в этом состоянии заблуждаются, не сознают своего ["пленения от врага", полагают,] что они, не имеющие любви, "служат Богу". Чем? Молитвой? *Твоим именем пророчествовали. Твоим именем бесов изгоняли. Твоим именем многие чудеса творили...* Но искреннее заблуждение не будет оправданием. Господь скажет им: *Отойдите от Меня, делающие беззаконие.* Какое беззаконие? В чем закон?

На... двух заповедях утверждается весь закон и пророки (Мф. 22, 40): *Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим* (Мф. 22, 37). *Возлюби ближнего твоего, как самого себя* (Мф. 22, 39).

Делающий беззаконие – это значит нарушающий закон. А закон – люби Бога и ближнего. Значит, беззаконники – это те, которые не любят Бога и ближнего. Этих беззаконников, хотя бы они достигли необычайных кажущихся дарований, отринет Господь, ибо дарования их от бесов, а путь к приобретению этих бесовских дарований – молитвенные подвиги без подвигов любви.

Но как достигается любовь? Не думает ли молящийся, но пребывающий в страстях, что он "любит Бога"? Истинная любовь достигается победою над страстями, ибо любовь, по Апостолу Павлу, *совокупность совершенства* (Кол. 3, 14). "Конец добродетелей есть любовь", – говорит авва Исаия.

Любовь к Богу и ближнему препятствует страсти. Оставить себя во власти страстей – это значит пребывать во власти диавола. А пребывающий во власти диавола не может любить ни Бога, ни ближнего. Как говорит святой Максим Исповедник, "любовь рождается от бесстрастия", бесстрастие – от упования на Бога...

Труден путь молитвенный. Но, как говорит [преподобный] Марк Подвижник, "кто пренебрегает заповедью о молитве, того постигают грубейшие преступления, которые пересылают его, как узника, от одного к другому". По словам Илии Екдика, "ключ в Царствие Небесное – молитва". Путь молитвенный необходим для всякого, кто хочет жить не преступной жизнью. Без трудов и скорбей не возрастают добродетели в душе. Как говорит тот же подвижник, "не полагай приобрести добродетель без скорби, ибо находящийся в покое неопытен, потому не должны устрашать эти трудности и скорби. Было бы сердечное расположение – Господь поможет. Что кажется непосильным человеку, предоставленному своим силам, то достигается с помощью Божией.

Но попущением Божиим враг препятствует делу нашего спасения, и надо знать все опасности предстоящего пути – не для того, чтобы устрашаться ими, а для того, чтобы успешно избежать их.

Кроме тех опасностей, которые ожидают человека, вооружающего себя "тайным поручением", надо видеть перед собой опасности, ожидающие каждого вступающего на путь духовной жизни вообще. Эти опасности: от воображения, от двоящихся мыслей, от страстей.

6

Желанию встать на путь духовной жизни и молитвы обычно предшествует чтение житий святых и творений святых отцов ("добротолюбие"). Это чтение воспламеняет ревность, дает назидания и указует то, к чему должны стремиться мы, грешные.

Но великая польза, [происходящая от] чтения [святых отцов,] может быть обращена врагом и во вред нам... Чтение творений подвижников и описание их подвигов,

пользуясь нашей духовной немощью, враг направляет на наше обольщение. Оно состоит в следующем. При сердечном расположении к духовной жизни [это] чтение производит на душу впечатление необычайное. Открывается как бы новый мир, столь отличный от окружающего и столь прекрасный, что человеку не хочется отрываться от него и вновь погружаться в грубую, жестокую, грязную мирскую жизнь. Но для того, чтобы остаться там, в "этом другом мире", среди подвижников, надо самому встать на этот путь: надо идти в монахи, затворники, пустынники. Но такой жизненный переворот требует исключительной ревности о спасении. Чаще начинают мечтать о духовной жизни в миру, а иногда, не порывая с мирской жизнью, делают попытку от слов перейти к делу. Но [таких] сразу постигает полное разочарование. То, что так прекрасно в книге, то, что при чтении так легко [возносит] душу на недосягаемые высоты, при попытке попробовать самому вначале не дает ничего, кроме огорчений.

Вот поразило человека описание ночных подвигов молитвенных. [Он] решает: "Попробую встать молиться ночью". С непривычки трудно встать в неурочный час. Все тело точно чужое. Глаза режет зажженный свет. [Человек] встает на молитву, поглощенный этими физическими ощущениями. Рассеянные мысли бегут в разные стороны. Но преодолеть все это не удается. Через полчаса сильная усталость [заставляет] лечь...

Как это не похоже на то, что [человек] читал, что при чтении переживал так ясно, как будто бы сам участвовал в подвигах. [Враг внушает] мысли: "Я не созрел еще для духовной жизни. Буду пока продолжать чтение. А там, когда немного вырасту духовно, начну". Успокоенный такой отсрочкой, он начинает чтение уже без всяких попыток самому на деле идти тем же путем.

При оторванности от жизни чтение подвижнических книг очень скоро создает самообман, что "духовное возрастание" началось. Все читаемое так захватывает душу, кажется таким близким, точно сам читающий простаивает ночами на ночной молитве. Это он, читающий, отказался от суетной своей жизни и ушел в непроходимый лес. Это он питается одними кореньями и сухой травой. Это он освободился от мучительных страстей, отдал себя на служение Богу и достиг высоты духовных созерцаний. Духовная жизнь незаметно подменяется воображением. Воображение, раздуваемое бесовскою силою, до того приближает все к действительности и тем заменяет ее, что пропадает грань между тем состоянием духа, которое есть на самом деле, и тем, о котором читается в книгах.

Когда такая подмена действительности воображением совершилась, человеку трудно встать на путь духовной жизни. Между пережитым в воображении и сделанным на самом деле – целая пропасть. И, если человек не перейдет эту пропасть вначале, чем дальше он будет идти, тем шире она будет становиться. Не замечая, он дойдет до такой оторванности от действительности, что перейти уже к ней будет невозможно, не возвращаясь назад.

Вот почему чтение духовных книг, чтобы оно не привело к бесовскому самоуслаждению, должно всегда сопровождаться твердым решением не только читать о духовной жизни, но и начинать ею жить. И решение это не должно откладываться на неопределенное время под видом ложного смирения: "...я еще не созрел для духовной жизни". Ты не созрел до высоких подвигов, но начинать жить духовной жизнью... и подвизаться надо теперь же, не откладывая. Начинать надо с малого, но обязательно начинать...

Все это относится и к подвигу молитвенному, и в особенности к молитве Иисусовой. Нигде так не опасна замена действительности воображением, как в молитве, потому что нигде так трудно не бывает заметить подделку. Когда, читая о постничестве и восхищаясь состоянием бесстрастия, человек много ест и живет чувственной жизнью, разница для него самого виднее, чем когда он, восхищаясь описанием молитвенных подвигов, не молится сам, ибо эти описания дают ощущения почти молитвенные, они касаются внутренних состояний и делаются почти достоянием читающего. И вер-

нуться от воображаемой молитвенности к действительности труднее всего. Если человек решает поститься не только в мечтах своих, но и на самом деле, он может начинать с малого... и пост у него удается. Начать [же] молиться, отравив себя воображенной молитвенностью, можно только после больших трудов.

[Еще одна] трудность на пути духовной жизни – "двоящиеся мысли". Апостол Иаков говорит: *Человек с двоящимися мыслями не тверд во всех путях своих* (Иак. 1, 8). Мирская жизнь, построенная на угождении страстям, лишает человека цельности. Страсти тянут его в разные стороны и разрывают его душу на части. "Как на весах, колеблется помысел предающегося сластолюбию", – говорит преподобный Марк Подвижник. В миру эта расколотость души, создающая в человеке постоянное единоборство самых противоположных мыслей, желаний, настроений, считается почти достоинством. Это именуют сложностью натуры, этим хвастаются, это выставляют напоказ...

Большая часть усилий вступающего на путь духовной жизни уходит на то, чтобы освободиться от двоящихся мыслей, от этой "сложности" и стать "простым", то есть "цельным", ибо, где духовность, там простота и цельность. Именно об этой простоте говорит Святитель Григорий Богослов: "Я упражняюсь в приобретении простоты сердечной, от которой зависит спасение".

Двоящиеся мысли [нигде] так не страшны, как на молитве. Здесь они дают о себе знать со всею силою и являются труднейшей преградой на молитвенном пути. На первой ступени эта раздвоенность как бы вытекает из самой природы нашей. Это не раздвоенность души, а раздвоенность, проистекающая от разной силы в нас воли плотской и воли духовной. В слове "О прении схоластика" Марк Подвижник говорит: "Схоластик спросил: "А разве тело имеет волю без мысли?" Подвижник ответил: "Имеет. Как говорил Апостол: *Мы все жили некогда по нашим плотским похотям, исполняя желания плоти* (Еф. 2, 3). И еще: *Плоть желает противного духу, а дух – противного плоти* (Гал. 5, 17)". Значит, плоть имеет и волю, [чего] многие не знают, ибо не внимают своим помыслам и соглашаются с ними.

С первых же шагов молитвы раздвоенность свою почувствует каждый. Кто-то начнет в душе молящегося как бы смотреть со стороны на его внешние при молитве действия. Читает молитву, крестится, кладет поклоны, перебирает четки – один человек. Другой – наблюдает, точно совершенно посторонний, [но] откуда-то изнутри. Наблюдает холодно. В молитве не участвует. Молится лишь "внешне", внутренне – безучастен. [И] пусть первый, читающий молитвы, старается делать свое дело, не обращая внимания на второго. А второй пусть сдерживается и, если сам не участвует в молитве, пусть не мешает первому своими наблюдениями со стороны. Первый должен говорить: "Если ты холоден и молиться не можешь, не мешай пока молиться молитвою внешней", а второй: "Всякая молитва начинается с внешнего. Буду делать положенное, и Господь пошлет молитву внутреннюю".

Когда преодолеет молящийся этот соблазн, работа его еще только начинается. Раздвоенность не уничтожается – она уходит внутрь. Там она скрыта в убежище. Ее трудно заметить, труднее победить. Наблюдавший ранее за внешними действиями во время молитвы начинает теперь так же [отстраненно] относиться к внутренним состояниям души. А другой, крестившийся, клавший поклоны, читавший молитвы и чувствовавший наблюдения за своими внешними молитвенными действиями, чувствует [присутствие первого] и в своих молитвенных переживаниях. Оба они уже не безмолвны. Внутреннее разделение начинает выражаться в словах, мысленно произносимых. В душе начинаются споры как бы между разными людьми. Смотрящий делает свои замечания, мешает другому – молящемуся.

Враг стережет зорко состояние раздвоенности и сейчас же старается овладеть "наблюдающим". Не имея цельности, человек не имеет силы сразу защититься от врага. Молитва постоянно в опасности. Чем слабее молитва, тем сильнее враг, который иной раз настолько овладевает душой, что заставляет "наблюдающего", вопреки его

воле, смеяться над молящимся, делать кощунственные замечания или просто обсуждать вопросы, ничего общего с молитвой не имеющие. Молитва становится ареной мучительной борьбы, от которой душа в смятении не знает, куда укрыться.

Но бывает еще более опасное состояние раздвоенности. Это тогда, когда враг овладевает "наблюдающим" не для того, чтобы вооружить его на молящегося, а для того, чтобы прельстить кажущейся высотой, [заставить] молиться "напоказ" перед самим собою, перед этим внутренним зрителем. Каждое молитвенное движение тогда отравляется ложью. И слезы, и воздыхания, и все самые высокие движения души – все ненастоящее. [Выставленные] напоказ перед внутренним зрителем, они лишь кажущиеся, они не имеют цены как действительно достигнутые. А враг при этом обольщает "быстрым успехом". Молитва делается напряженной, сопровождается иногда явлениями необычайными. Но, как и всякое обольщение, не питает душу, не просвещает ее, а умерщвляет медленной и незаметной смертью.

"Двоящиеся мысли" в большей или меньшей степени болезнь всеобщая, и лишь большими усилиями и терпением, путем молитвенного и общежизненного подвига, по милости Божией достигается то единство, та простота, которая "сложные" две воли человека превращает в одну "простую", отданную водительству Духа Святого. Эту опасность надо помнить всегда, и не надо ставить себе непосильной задачи сразу, усилиями [собственной] воли избавиться от нее. Подвизающиеся молитвой Иисусовой должны знать то, что им особенно угрожает эта опасность. Но пусть они не приходят в уныние, заметив в себе эту болезнь...

Примечания

[1] Здесь надо сделать несколько пояснительных замечаний. Хотя работа носит подзаголовок "Сказание о ней (то есть Иисусовой молитве) святых отцов Церкви", однако в ней немало тонких и глубоких наблюдений самого отца Александра Хотовицкого.

Нужно иметь также в виду, что это, по всей видимости, черновой вариант работы, которую отец Александр так и не смог завершить, возможно из-за повторного ареста в 1936 году. В рукописи сравнительно много неточностей, в особенности стилистических, а также иногда смысловых. Поэтому редакция сочла себя вправе внести в текст некоторые, впрочем незначительные, коррективы. Наша правка дается в квадратных скобках.

[2] У отца Александра, по всей видимости, описка. Спор об Иисусовой молитве возник в России в начале второго десятилетия текущего века. Источником его послужила книга схимонаха Илариона "На горах Кавказа", вышедшая двумя изданиями (в 1907 и 1910 годах). Начиная с 1912 года в православных изданиях вспыхивает довольно жаркая полемика. Оппоненты Илариона особенно возражали против его учения о Божественном соприсутствии в Иисусовой молитве и о том, что само Имя Иисусово называлось Богом.

Надо вспомнить, что это была эпоха протестантского пленения русского богословия, и учение об Иисусовой молитве и само молитвенное делание в некоторых "православных изданиях" почиталось за ересь. Дело доходило до того, что и святителя Григория Паламу называли еретиком. Последователи Илариона (а многие из них подвизались на Афоне) были объявлены, думается без достаточных оснований, еретиками и насильственно изгнаны с Афона (Определение Святейшего Синода от 29 августа 1913 года).

Главою афонских "имяславцев", как они себя сами называли, был Антоний Булатович, написавший несколько книг в оправдание этого учения. Среди них – "Апология веры во имя Божие и имя Иисуса" (М., 1913), "Моя борьба с имяборцами на Святой горе" (М., 1917).

Многие религиозные мыслители той поры выступили в защиту имяславцев. Таковы С. Н. Булгаков (будущий протоиерей Сергий Булгаков), философ Владимир Эрн, Валентин Свенцицкий, С. Аскольдов и многие другие.

Отец Павел Флоренский выпустил специальную брошюру "Архиепископ Никон – распространитель ереси" (которая вышла двумя изданиями: в 1912 и 1913 годах), где он осудил фактически попытку Святейшего Синода и проводника его линии архиепископа Никона бороться с имяславцами административными методами.

Протоиерей Георгий Флоровский в своей книге "Пути русского богословия" верно замечает, что "вопрос, по существу, остался недораскрыт".

Публикация протоиерея Александра КУЛИКОВА и Н. Г. ОВСЯННИКОВОЙ

Становление гомилетики в русском богословии XIX века

(Историографический обзор)

Что такое проповедь? В чем заключается ее сущность и какими средствами обеспечивается успех? – эти проблемы всегда стояли перед гомилетикой – наукой, рассматривающей теоретические и практические вопросы церковной проповеди. Очевидно, что эти вопросы тесно связаны между собой и взаимообусловлены. От того, какой представляется сущность проповеди, в чем видится ее цель и назначение, зависит ответ на вопрос – в чем, собственно, заключается успех проповеди и как его добиться.

В целом можно выделить три основных подхода к определению сущности проповеди. Они соответствуют тем гомилетическим теориям, которые развивали православные богословы в разные эпохи.

Первый подход основывается на понимании церковной проповеди как особого рода ораторского искусства. При таком подходе главное видится в умении хорошо говорить, а цель проповеди полагается в том, чтобы довести до сведения слушателей евангельское учение о спасении. Таким образом, путь к успеху проповеди лежит через совершенствование пастыря в ораторском искусстве.

Согласно второму подходу, существо проповеди видится в особом даре пастыря быть посредником между Богом и паствой, который пастырь получает при рукоположении. Благодаря этому проповедь имеет своим источником благодать Божию, которая изливается на пастыря. Успех проповеди в этом случае зависит от того, в какой степени проповедник является сосудом благодати. Главным для успешного проповедничества становится уровень духовности самого проповедника и степень его благодатствования.

Третий подход во многом близок второму: проповедь предстает как голос любящего пастыря, который, вдохновляясь словом Божиим, от полноты сердца призывает ко спасению своих духовных чад. Успех проповеди связывается с тем, насколько в проповеднике развит дух любви и ревности о спасении своей паствы.

Рассмотрим подробнее, как происходило формирование и становление этих трех основных концепций в гомилетике, как изменялись представления о сущности и задачах церковной проповеди и как с этой точки зрения развивалась гомилетическая наука в России.

Первые систематизированные труды

Впервые в России о церковном красноречии начал говорить Иоакиний Голятовский. В своих трудах "Ключ разумения" (1669 г.) и "Наука альбо способ зложения казания" он предложил несколько несложных рецептов составления схоластической проповеди. Эти труды надолго определили на Руси воззрения на проповедь как на одну из форм ораторского искусства.

В начале XVIII века церковное красноречие рассматривалось как отдел прикладной риторики (словесности).

Тесно связанная в эту эпоху с пасторологией, гомилетика в значительной степени разделила ее неблагодарную судьбу, поскольку искони считалась, по словам митрополита Макария (Булгакова), "наукой прикладною, наставляющей пастыря на его поприще церковного проповедничества – совокупности правил касательно церковного собеседования"[1].

Этот взгляд был господствующим в России и в XIX веке, когда настольной книгой был труд профессора Киевской Духовной Академии Якова Кузьмича Амфитеатрова "Чтения о церковной словесности"[2]. "Чтения" Я. К. Амфитеатрова, являясь поистине энциклопедическим трудом, отличались выдержанной строгостью системы и были названы одним

из видных авторитетов того времени – профессором С. П. Швыревым – прекрасной книгой. Характеризуя ее, профессор Н. Н. Глубоковский отмечал: "Исходя из чисто теоретических предпосылок, она развивается в строго схоластическом схематизме и по своей тенденции стремится не столько раскрыть предмет в его последнем обнаружении, сколько научить основным его принципам и правилам"[3].

Этот подход получил дальнейшее развитие в последующие десятилетия. В 70-х годах прошлого века в руководящих церковных сферах возобладал взгляд, согласно которому искусство проповеди отождествлялось с умением говорить о христианской вере. Уже в самом "благовествовании", в самой речи о евангельском учении и христианской вере и видилось проповедничество.

Этот взгляд разделял, в частности, известный ученый-гомилет конца XIX века М. Чепик. В своем учебнике "Опыт полного курса гомилетики", изданном в 1893 году, он дает такое определение проповеди: "Пастырская проповедь есть прежде всего словесное произведение, есть отрасль всеобщей словесности, того ее рода, который известен под именем красноречия или ораторского сочинения... Проповедь составляет красноречие церковное, или духовное, имеющее много своих специфических особенностей как в содержании, так и в характере и в изложении"[4]. Как видим, у М. Чепика преобладает взгляд на проповедь как на ораторское произведение, лишь наполненное духовным содержанием.

Протоиерей Н. Фаворов продолжил традицию систематизации и богословского осмысления гомилетического наследия. Заявив о своем отказе отождествлять проповедь с церковным красноречием, с разновидностью ораторского искусства, он видел существо проповеди в "связаном и целостном изложении слова Божия", акцентируя свое внимание на внутренней стороне проповеди, на ее содержании. Однако и такое определение проповеди, и сам способ построения его основного гомилетического труда "Руководство к церковному собеседованию"[5] свидетельствуют о том, что, несмотря на церковно-дидактическую окраску, многое было заимствовано протоиереем Н. Фаворовым из отделов риторики.

Таким образом, представление о проповеди как особом роде ораторского искусства, а гомилетики, соответственно, как сугубо прикладной дисциплины являлось определяющим и традиционным в русском богословии до конца XIX – начала XX века. При этом гомилетика неизбежно превращалась в схематизированное учение об эффективности приемов и правил ораторского воздействия, о формах проповеднического искусства. От этого представления первым отказался Н. Фаворов, хотя и нельзя сказать, чтобы он вышел за рамки устоявшейся традиции, включающей гомилетику в качестве составной части в риторику. Его последователем был священник М. А. Поторжинский, который в своем труде "Краткая гомилетика"[6] еще дальше отошел от казалось бы устоявшейся традиции. Благодаря трудам Н. Фаворова и М. А. Поторжинского совершился переход к более широкому пониманию существа проповеди и задач гомилетики.

Харизматический характер проповеди

Харизматический подход к определению существа проповеди впервые был намечен в исследовании Смирнова "Богослужение христианское со времен апостолов до IV в." и особенно отчетливо высказан профессором Н. И. Барсовым в рецензии на книгу М. Чепика. "Проповедь, – говорит он, – это часть литургического богослужения", она органически связана с благодатной жизнью Церкви. "Главная продуктивная сила проповеди есть благодать Господня, даруемая Церкви в Таинстве священства"[7]. По его убеждению, "устами проповедника говорит Дух Божий... профетическая, или пророческая, стихия проповеди есть основная ее стихия, существенная черта самой ее природы"[8].

Сторонники харизматического подхода к проповеди, ссылаясь на известные слова Апостола Павла о том, что проповедь – это *священнодействие благовествования* (Рим. 15, 16), утверждали, что в качестве такового она входит как состав-

ная часть в богослужение.

Обращает на себя внимание некоторая категоричность и односторонность такого подхода к проповеди. От речи проповедника следует отличать пророческую, религиозно-экстатическую речь. Если устами пророка говорит Сам Святой Дух и все его слова имеют боговдохновенный характер, то проповеднику благодать только содействует, "врачует немощныя и восполняет оскудевающая". А потому слова проповедника хотя и носят облагодатственный характер, тем не менее являются словами мудрости человеческой. Основания для такого различия находим в Священном Писании: *Когда же будут предавать вас, не заботьтесь как или что сказать... ибо не вы будете говорить, но Дух Отца вашего будет говорить в вас* (Мф. 10, 19-20). Очевидно, что здесь речь идет о чрезвычайных обстоятельствах в жизни проповедника, когда по его вере может помочь ему действительно только одна благодать Божия. При обычных же условиях вступает в силу другой завет: *Что слышал от меня при многих свидетелях, то передай верным людям, которые были бы способны и других научить* (2 Тим. 2, 2).

Таким образом, при харизматическом подходе к проповеди ясно прослеживается стремление превратить редкую и таинственную, даруемую лишь при особых обстоятельствах, пророческую способность говорить не "от себя", а от Духа Святого, в некую "повседневную" проповедническую практику.

Исторический метод в гомилетике

Новые тенденции в развитие гомилетической науки были внесены известным в этой области авторитетом профессором В. Ф. Певницким, являющимся автором многочисленных работ как чисто теоретического, так и прикладного характера.

В. Ф. Певницкий разработал исторический метод в гомилетической дисциплине, сущность которого заключалась в изучении проповеднической письменности на протяжении всей церковной истории. Теоретические построения В. Ф. Певницкого основывались прежде всего на научных исторических изысканиях. Это ясно видно из его историко-гомилетических трудов об Иоанне Крестителе, о веке мужей апостольских, Оригене, Григории Чудотворце, Максиме Туринском, Иларии и Кесарии Арелатских, святителе Льве Великом, Григории Двоеслове. Вместе с тем профессора В. Ф. Певницкого нельзя отнести к "сухим" теоретикам. Его работы отличались евангельской "жизненностью" и были обращены к современникам, не являясь, однако, практическими уроками проповедничества.

Проповедническое слово, возвещаемое с церковной кафедры, излагающее православное учение о вере и жизни христианской, профессор В. Ф. Певницкий называет церковным красноречием. Однако он подразумевает под ним не разновидность ораторского искусства или одну из форм словесности. Существо церковной проповеди В. Ф. Певницкий видит в живом свидетельстве о нашем спасении и о средствах к его достижению, которые передаются избранными служителями Божиими.

Говоря о том, что основная задача проповеди заключается в возвещении евангельского учения о спасении, В. Ф. Певницкий отмечал, что проповедование должно иметь форму живой речи, доступной пониманию паствы, находящей путь к сердцам верующих.

В итоге высшая цель проповеди есть приглашение, воспитание и преображение людей для участия в Царстве Божием, основанным и провозглашенным Господом Иисусом Христом. В таком случае первоисточником церковно-проповеднического учительства является проповедь Христова, а фактической нормой его раскрытия принимается историческое проповедничество на всем его протяжении и во всех его формах.

Особое отношение прослеживается в работах профессора Певницкого к личности проповедника. В конечном итоге именно высокие личные качества проповедника определяют успех и действенность его проповеди. В своей книге "Церковное красноречие и его основные законы"[9] он развивает учение о проповеди как церковном красноречии, где главную роль отводит личности проповедника и его религиозно-духовному "одушевлению".

Проповедь, согласно его убеждению, должна иметь два внутренних качества: церковно-библейский дух и "популярность". Иными словами, кроме соответствующего духу Церкви и Библии содержания проповедь необходимо сделать доступной для понимания, доходчивой и, более того, отвечающей на духовные запросы современников.

Профессор Певницкий, на наш взгляд, ближе других подошел к раскрытию истинной сущности проповеди, так как сосредоточивал свое внимание не на внешней стороне проповедничества, но на его сокровенных глубинах, где определяющим является любовь пастыря к Богу и к своей пастве. Так, в частности, Певницкий говорил, что "если проповедником будет владеть сила любви к истине Христовой и своему народу, тогда не будут иметь значения правила проповедничества и не нужна даже стеснительная внешняя гомилетическая форма"[10].

Сила проповеди заключается для него в "живой речи" проповедника. Под "живой речью" он разумеет силу пастырского, религиозно-духовного "одушевления", имеющего для себя источники в вере пастыря, в его сердце, в единении с людьми, ждущими от него слова назидания.

Автор много и убедительно говорит о необходимости образования самого проповедника, об обязательном неустанном изучении им Священного Писания, творений святых отцов, светских наук и восприятии всем сердцем спасительной истины Христовой и сердечной любви к людям. Без внутреннего совершенствования проповедника, его личного духовного опыта успешное проповедничество невозможно.

"Живое слово" и церковное красноречие

Русская гомилетическая наука рассматривает церковную проповедь в двух основных аспектах: евангельского убеждения и христианского подкрепления на пути познания и воплощения в жизнь Божественной истины.

Евангельское убеждение осуществляется через благодатное помазание посредством "живого слова". "Живое слово" предполагает непосредственную, импровизированную пастырскую речь, направленную от сердца к сердцу. Для христианского подкрепления на пути познания и практического следования Божественной истине необходимо ораторское искусство, или церковное красноречие.

Горячим исповедником идеи "живого слова" в проповеди был архиепископ Харьковский Амвросий (Ключарев)[11]. Несмотря на то что "живое слово" есть речь, рождающаяся в момент произнесения без предварительной подготовки, она должна соответствовать высокому уровню ораторского мастерства. Архиепископ Амвросий дает нам пример такого сочетания. В своих проповедях он, с одной стороны, выступает как выразитель "живого слова", а с другой – является церковным витией со всеми достоинствами ученого и оратора.

Вместе с тем им же высказывалось мнение о том, что проповедь как "дело, исполненное духом личности, должна таить в себе духовную красоту. Это роднит ее с искусством"[12]. Однако искусство не сводится к механическому соблюдению определенных правил, и потому проповедь – не ораторское искусство. Все учение о форме и о внешней стороне проповеди в целом выражается в двух словах: проповедь с внешней стороны должна быть безыскусственна и проста. Искусство проповеди – в духовной опытности проповедника, в жизненности и одушевленности его слова.

Проповедь может быть простой учительной речью, может становиться также искусством в прямом смысле, но это возможно лишь при условии свободного творчества, а не следования схоластическим теориям. Такую точку зрения разделял, например, профессор М. М. Тареев[13]. Нельзя не отметить близкую к нему позицию митрополита Антония (Храповицкого): "Верующие более почувствуют духовного обновления, если проповедник представит евангельскую истину помимо всяких обоснований, во всей ее неотразимой правде", ибо "проповедь не есть богословский трактат, ни урок по катихизису; она относится не к области риторики, но к области аскетики, то есть внутреннего настроения души говорящего, так как

лишь из *доброго сокровища* сердца можно *выносить доброе* (см.: Мф. 12, 35)"[14].

Гомилетический идеализм и Гомилетический реализм

Господствующая в русской гомилетике теория соответствуют заветам Святителя Иоанна Златоуста и блаженного Августина, согласно которым сила слова дается не природой, а образованием. Но подготовка к проповедничеству должна быть не просто усвоением теории, но воплощением этой теории в жизнь. "Церковная проповедь слагается из двух элементов: идеального и действительного, истины и жизни. Задачи ее – воплощение христианской истины в жизни личной и общественной", – справедливо отмечал в этой связи профессор А. В. Говоров[15].

Преобладание того или другого элемента в проповеди определяет либо ее гомилетический идеализм, либо гомилетический реализм.

В первом случае менее всего принимаются в расчет конкретные место и время, зато основное внимание обращается на религиозную веру и религиозное чувство, с которым непосредственно соединяется область чистой и отвлеченной морали. Во втором случае проповедь касается непосредственно современной действительности в самых разнообразных ее проявлениях. И именно "на художественном сочетании практических вопросов из жизни с теоретическими вопросами из церковно-религиозной практики основывается, вообще говоря, культурно-историческое значение христианской церковной проповеди"[16].

Если теоретические построения в гомилетике иногда примыкают к прежним схоластическим схемам, то изучение проповеднической практики ведется историческим методом в соответствии с характером данной эпохи. Наиболее характерно в этом отношении историко-гомилетическое исследование профессора В. П. Виноградова, посвященное древнерусскому учительству[17]. Оно, как известно, предполагало чтение в храме из "Пролога", Житий святых как "уставной" части богослужения. Эту же тему в общей исторической перспективе и в практическом приложении рассматривает специальный трактат Н. Н. Никольского [18].

Из собственно исторических обозрений по рассматриваемому предмету можно указать также труд профессора Н. П. Барсова по истории "первобытной христианской проповеди" (до IV в.)[19] и очерки и исследования "Из истории христианской проповеди" митрополита Антония (Вадковского)[20].

Примечания

[1] Цит. по: Глубоковский Н. Н. Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии. – Воскресные чтения. Варшава, 1928, с. 21.

[2] Амфитеатров Я. К. Чтения о церковной словесности. 1–11. – В кн.: Лекции профессоров Киевской Духовной Академии. Киев, 1846.

[3] Глубоковский Н. Н. Указ. соч., с. 21.

[4] Чепик М. Опыт полного курса гомилетики. М., 1893, с. 4.

[5] Фаворов Н. А. Руководство к церковному собеседованию, Киев, 1858.

[6] Поторжинский М. А. Краткая гомилетика. Киев, 1912.

[7] Цит. по: Никольский Н. К. Лекции по гомилетике. СПб., 1903, с. 20.

[8] Там же.

[9] Певницкий В. Ф. Церковное красноречие и его основные законы. СПб., 1908.

[10] Там же, с. 71–72.

[11] Амвросий, архиепископ Харьковский. Живое Слово. Харьков, 1892.

[12] Там же.

[13] Тареев М. М. По вопросам гомилетики. Критические очерки. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1903.

[14] Митрополит Антоний (Храповицкий). Полное собрание сочинений. Т. 2. СПб., 1911, с. 386.

[15] Цит. по: Глубоковский Н. Н. Указ. соч., с. 23

[16] Там же, с. 23.

[17] Виноградов В. П. Очерки по истории греко-славянской учительной литературы. СПб., 1915; Он же: Уставные чтения. Проповедь книги: (Историко-гомилетическое исследование). Сергиев Посад, 1914.

[18] Никольский Н. К. Лекции по гомилетике. СПб., 1903.

[19] Барсов Н. П. История первобытной христианской проповеди. СПб., 1889.

[20] Антоний (Вадковский). Из истории христианской проповеди: Очерки и исследования. СПб., 1895.

Иеромонах СЕРГИЙ (Данков)

Учение об иконопочитании преподобного Иосифа Волоцкого

Древнерусские мыслители и святые на основе византийского учения об иконопочитании разработали теорию иконы, которая на протяжении всего средневековья определяла практику использования религиозных изображений. Наиболее подробно она была изложена в конце XV века в известных "Словах об иконах", которые вошли в "Просветитель" Иосифа Волоцкого[1].

Отстаивание игуменом Иосифом догмата об иконопочитании было связано с его защитой православного вероучения от еретических нападок и искажений. Среди приверженцев новгородско-московской ереси, называвшейся современниками ересью жидовствующих, были распространены иконоборческие взгляды, не только отрицающие иконы, но и приводившие к надругательству над священными изображениями. В послании Собору епископов 1490 года Новгородский архиепископ Геннадий писал: "Да здесь Алексейко подьячей на поместие живет, да напився пиян, влез в чясовну, да сняв с лавицы икону Успение Пречистые, да на нее скверную воду спускал, а иные иконы вверх ногами переворочал. А что пакы безъименных, ино и числа нет, кое иконы резаны, а не весть"[2]. Соборное решение свидетельствует о таких проявлениях иконоборчества: "Мнози от вас ругалися образу Христову и Пречистыя образу, написанным на иконах, а инии от вас ругались Кресту Христову, а инии от вас на многиа святыя иконы хулные речи глаголали, а инии от вас святые иконы цепляли и огнем сжигали, <...> а инии от вас святыми иконами и кресты о землю били и грязь на них метали, а инии от вас святые иконы в лоханю метали, да иного поруганиа есть много чинили над святыми образы, написанных на иконах"[3].

Догмат об иконопочитании является одним из основных в православном вероучении, и поругания, которым подвергались иконы, не могли оставить равнодушным преподобного Иосифа. Он был не только богословом, но и игуменом монастыря. Церковная красота и благолепие были предметами его неустанных игуменских забот. Он не жалел средств на строительство и украшение монастырских храмов. Возведение соборного храма Успения Богородицы, украшение его росписью и иконами, снабжение необходимыми книгами и церковной утварью обошлись обители в колоссальную для конца XV века сумму – более тысячи рублей[4]. Сам игумен Иосиф был знатоком и ценителем икон, в его монастыре работали знаменитый иконник Дионисий с сыновьями, в монастыре находились иконы письма Андрея Рублева, ценившиеся уже и в конце XV века необычайно высоко. Эти иконы были увезены из монастыря удельным князем Федором Борисовичем, и игумен Иосиф считал это одной из самых больших обид, нанесенных князем обители[5]. Свою задачу преподобный Иосиф видел не только в антиеретической полемике, но и в изложении теоретических основ иконопочитания. В послании одному из иконописцев он говорит, что его сочинение в защиту икон "всякому христианину потребно есть, паче же не имеющим многих книг или не ведущим божественных писаний", ибо в нем "изъявится божественными писаниями Нового закона от апостол же и святитель и преподобных и богоносных отец наших, како и которыя ради вины подобает поклонятися святым иконам и честному и животворящему Кресту и святому Евангелию"[6].

В византийском богословии существовала древняя традиция антииконоборческой полемики. Особенно активно богословие иконы развивалось в VIII–IX веках, в период так называемых иконоборческих споров. Византийские отцы разработали сложное философское учение об образе и иконе как одном из видов образа.

Игумен Иосиф пишет свои "Слова" в защиту икон на основе святоотеческой традиции, руководствуясь прежде всего сочинениями святого Иоанна Дамаскина и догматическими определениями Седьмого Вселенского Собора.

Отрицание икон и других священных предметов русские еретики рубежа XV–XVI веков так же, как и древние иконоборцы, основывали на ветхозаветном запрете создавать всякое подобие божества и поклоняться ему: *Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли. Не поклоняйся им и не служи им* [7]. Многочисленные примеры из Ветхого завета, обосновывающие возможность поклонения "от рук человеческих сотворенным вещам", были собраны еще преподобным Иоанном Дамаскиным. Игумен Иосиф напоминает примеры поклонения ветхозаветных праведников и пророков Ковчегу завета, золотым херувимам скинии, храму и другим "рукотворным вещам", приведенные во втором "Слове в защиту икон" Иоанна Дамаскина. По мнению преподобного Иосифа, запрет творить подобия не был абсолютным, о чем свидетельствует ветхозаветная традиция создания священных предметов. Он делает вывод, что Богом запрещены только недостойные подобия: "Аще ли достойное сътвориши подобие в честь и славу Божию не съгрешил еси"[8].

Возможность создавать достойные подобия возникла лишь после рождения Христа, когда "Бог сый, человек бысть знаменни и чюдесы и различными силами, величьство своея силы и божества показуя нам"[9]. Совершившееся Боговоплощение открыло перед человечеством возможность творить достойные Бога подобия, и Христос Сам, будучи подобием Отца, создал нерукотворный образ, начинающий ряд священных христианских изображений. Раскрывая эту мысль, игумен Иосиф пишет: "Сый сиание славы отчя и образ състава Его, нося же всяческаа глаголом силы своеа, сам благоизволи сему всечестному и достохвальному делу быти, егда на плащаници въобрази пречестный свои образ единем точию прикосновением, и сего посла к Авгару, на одре в недузе многа лета слежащу, иже точию прикоснуся ему здрав бысть"[10]. Иконописание, согласно церковному Преданию, имело начало уже в апостольские времена, когда, увидев нерукотворный образ, Апостолы "повелеша святому апостолу и еуангелисту Луце написати на иконе пречистый Его (Христа) образ и поклонятися божественному его человечеству и на небеса вознесшуся. Тако же и Пречистыя Его Матере, иже воистину Богородица сущи написа святый апостол и еуангелист Лука"[11].

Иконоборческие споры поставили перед богословской мыслью вопрос об отличии иконы от идола. Отвечая на традиционное обвинение иконопочитателей в идолопоклонстве, преподобный Иосиф раскрывает различие между иконой и идолом: "Прежде убо подобает разумети, что есть икона и что есть идол, многа убо и неизреченна разделениа и разлучениа имуть святыя иконы, их же мы, христиане, почитаем, от скверных идол, их же еллини почитаху: божественных бо икон пръвообразное свято есть и честно, идольская же пръвообразное сквернейша суть и нечиста и бесовскаа изъбретениа"[12]. Таким образом, согласно учению Церкви, отношение к тому или иному изображению определяется его первообразом. Игумен подчеркивает духовность и святость первообраза иконы, и именно духовность эта обусловливает и определяет содержание иконы и отношение к ней[13].

Отличие иконы от идола заключается, по мнению игумена Иосифа, в отношении к ним человека. Поклонение иконам не означает признания их богами: "Мы не идолы творим, ниже глаголем святым иконам: се бозе нам суть, ниже творим бог серебрян и бог злат"[14].

Поклонение иконам в православной традиции всегда было проявлением веры и благочестия. Однако поклонение это не означало, что честь воздается непосредственно изображению. Отцы Седьмого Вселенского Собора сформулировали теорию отношения образа к первообразу, о котором еще в IV веке говорил Святитель Василий Великий. Эта теория опиралась на догмат о Боговоплощении. Первой иконой (образом) на земле был Иисус Христос, который, будучи безначальным и неописанным Богом, стал описанным человеком, восстановив тем самым образ Божий в человеке и связь между образом и первообразом. "Бог неописан, человек бысть описан нас ради сподобися, – писал игумен Иосиф, – въспоминающе первообразное его, се бо почесть иконная на первообразное восходит, и в иконах, иконами почитается и поклоняется исти-

на"[15]. Суть православного почитания икон излагается святым Иосифом Волоцким в точном сответствии с догматическим определением Седьмого Вселенского Собора, окончательно утвердившего догмат об иконопочитании: "Елико бо часто через изображение на иконах видимы бывают, потолику взирающе на оные подвизаемы бывают воспоминати и любити первообразных им и чествовати их лобызанием и почитательным поклонением, не истинным по вере нашей поклонением, еже подобает единому Божескому естеству, но почитанием по тому образу яко же изображению честнаго и животворящего Креста и святому Евангелию и прочим святыням фимиамом и поставлением свещей честь воздается яковый же и у древних благочестивый обычай был: бо честь, воздаваемая образу, переходит к первообразу, и поклоняющийся иконе поклоняется существу изображенного на ней"[16].

Помимо функции поклонного образа, икона, в представлении византийских богословов, выполняет целый ряд других функций. Прежде всего изображение выполняет дидактико-информативную функцию и считается адекватным словесному тексту[17]. Особенно четко эта мысль выражена у святого Иоанна Дамаскина: "...словописец написа Евангелие. И это написа в Евангелии вся же во плоти смотрение Христово и предаде Церкви. Подобне и живописец сотвори, написав на дъсце церковное благолепие от первого Адама даже до Христова Рождества и все плотьское смотрение Христово и мучения святых предаде и той Церкви. Тем же паче обои едино повествование написаша и оучат нас"[18].

Наиболее важными учительные свойства иконы представлялись преподобному Иоанну при обращении язычников, привыкших к развитой античной изобразительной традиции. "Рцы ми человече, аще от язык приидет кто глаголя, тебе: "Покажи ми веру свою, яко да верую и аз. Что ему покажеши? – вопрошает он противников икон. – Не от чювьственных ли возводиши его к невидимым, за еже прияти та прилежне. Аще бо речеши емоу невидим есть, что видев имат веровати твоей совести и вере. Но первее от чювьственных приводиши его и аще по малу возводиши его к невидимым. И тако вводиши его в Церковь, показуеши емоу красоту еюже одеяна есть и приводиши его к святых икон зраковом <...> и не от иконы ли учиши его"[19]. Эта дидактико-информативная функция иконы почти не получила отражения в "Словах" Иосифа Волоцкого, поскольку он обращался к христианам, а не к язычникам.

Отцы-иконопочитатели VIII века на первый план выдвигали философско-эстетические функции иконы, уделяя гораздо меньше внимания ее культовому и сакрально-мистическому значению, которое В. В. Бычков определяет как харизматическое[20]. В богословии преподобного Иосифа Волоцкого свойство иконы связывать горний и дольний миры, благодатность и значение ее для дела спасения занимают одно из первых мест. Эта роль иконы определяется свойствами человеческой природы. Будучи существом духовно-телесным, человек нуждается в зримых, материальных доказательствах присутствия Бога и его заботы о человеке. В качестве примера Иосиф Волоцкий приводит историю праведного Ноя, спасенного Богом с помощью рукотворного ковчега. И, подобно тому как ковчег послужил спасению Ноя, так и священные предметы служат спасению человека. Иосиф Волоцкий называет их одновременно бездушными и божественными вещами, бездушными по природе и божественными по действию через них Божества[21].

Заботясь о наиболее доступном для человека пути спасения, всемогущий Бог использует материальные, доступные человеческому восприятию предметы как орудия действия Божественной благодати: "Весть бо Господь человечю немощь, яко бо, иже не по естеству отвращается и скорбит, да того ради по естеству и сшествием обычным творит естеству выше естества освящения"[22]. Эта мысль высказана в "Точном изложении православной веры" святым Иоанном Дамаскиным применительно к таинствам, соединяющим в себе видимые и привычные человеку предметы с действием невидимой благодати[23]. Однако мысль о рукотворной вещи как орудии спасительного действия Господа толкуется преподобным Иосифом более широко.

Благодать, по мнению Иосифа Волоцкого, действовала через бездушные вещи и до пришествия Христа, и именно таким вещам воздавали честь и поклонялись ветхозаветные праведники и пророки. Наиболее же изобильно излилась она после пришествия Христа, упразднившего царство греха. По словам Апостола Павла, *когда умножился грех, стала преизобиловать благодать, дабы, как грех царствовал к смерти, так и благодать воцарилась через праведность к жизни вечной Иисусом Христом, Господом нашим* [24]. В наибольшей степени, как считал Волоцкий игумен, этой благодати были исполнены "церковь и прочии божественные освященные вещи". "И сего ради, – пишет он, – ныне паче подобает поклонятися вячестней иконе человеческого телесе Бога Слова <...> и Пречистые Его Матери иконе и вячестному и животворящему Кресту и прочим божественным вещам, иже в новом законе почтенным, понеже большей благодати сподобишася"[25].

Икона, как образ первообраза, занимает особое место в деле спасения. Назначение ее – осуществлять связь между человеком и горним миром. Это свойство иконы, практически не раскрытое византийской богословской мыслью, является предметом пристального внимания преподобного Иосифа.

Икона является путем, по которому человеческий ум и зрение (естественно, зрение духовное) приводятся к восприятию незримых духовных реальностей. "Иже бо невозможна есть нам зрети телесными очима сих съзерцаем духовне ради иконнаго въображения, – писал игумен Иосиф, – и от видимого сего зрака възлетает ум нашь и мысль к божественному желанию и любви, не вещь чтуще, но вид и зрак красоты Божественнаго онаго изображения"[26]. В основе этого высказывания лежит мысль о восхождении от образа к первообразу, обогащенная исихастской практикой умного делания, приводящей человека к обожению нетварным Божественным светом. Созерцание икон, соединенное с умной молитвой, сочетали с иконописным творчеством Даниил Черный и Андрей Рублев. Говоря о них, преподобный Иосиф отмечает, что это "чудни и пресловущи иконописцы" и опытные духовные старцы "на самый праздник Светлаго Воскресения Христова на седалищах седяща и пред собою имуще божественныя и всечестныя иконы, и на тех неуклонно зряще божественные радости и светлости исполняхуся. И не точию на той день тако творяху, но и в прочая дни егда живописательству не прилежаху"[27].

Таким образом, созерцание иконы способствует не только возведению ума к "божественному желанию и любви", но и получению предстоящим перед ней благодатной помощи, то есть посредством иконы осуществляется связь между первообразом и человеком: "Благоизволи благодать Божна святых ради икон и честнаго животворящаго Креста и прочих божественных и освященных вещей к нам приходити"[28].

На Руси прекрасно знали о многочисленных случаях чудесной помощи, получаемой именно через иконы. Чудотворные иконы и их почитание занимали чрезвычайно важное место в Русском Православии. Свойство икон творить чудеса даже не привлекает особого внимания игумена Иосифа, не становится предметом специального рассмотрения. Для него это настолько очевидная вещь, что во многих местах своих "Слов" об иконах он как бы между прочим говорит о "неизреченных чюдесах и исцелениях", совершаемых через иконы. Причиной же этих явлений, по мнению преподобного Иосифа, является необычайно тесная взаимосвязь Бога и Его изображения, образа и первообраза. Сочетание божественного и земного в изображении Христа подобно сочетанию в Нем Самом двух природ: "И яко же плоть въсприат от Пречистыа его Матере, аще тленна и мертвена бысть преж въскресениа, но Божество от нея неразлучно бысть никогда же ни в утробе, ни на Кресте, ни в грбе, тако и пречистый его образ, аще и от тленных вещей устрояется, но отнаже въбразится от каковы вещи оттоле Божество его неразлучно пребываеть от него"[29]. Однако Божество, о котором говорит Иосиф Волоцкий, не есть проявление сущности Бога, ибо "божьего бо существа невъзможно видети ни ангелом, ни человеком".

Эта мысль в применении к иконе отражает учение святых отцов о божественной сущности и энергиях. Божество, присутствующее в иконе и неотделимое от нее, есть

божественная энергия, которая, будучи отличной от Божественной сущности, в то же время неотделима от нее, и в каждом проявлении этой сущности присутствует весь Бог, единый и неделимый[30]. Таким образом, сам Господь делает икону благодатной, сообщает ей божественную энергию. Это свойство иконы придает особый характер поклонению ей, которое становится одной из форм общения с Богом. Продолжая вышеприведенные рассуждения об образе Христа, Иосиф Волоцкий пишет: "Сего ради подобает пакы Образ его, еже на иконе, почитати и поклонятися, **яко самому Оному, а не иному...**" (выделено мною. – *В. З.*)[31]. Иконе Божией Матери также надо "почитати и поклонятися, яко же самой Оной, а не иной". Преподобный Иосиф приводит церковное Предание о благословении Богородицей Ее иконы, написанной евангелистом Лукой: "Егда бо божественный апостол Лука написаа на дъсце начрътание Пречистыа Владичица и Богородица, принесе же госпожи всех и царици, Она же очи свои възложившу на ту и глагола благоговейне и с властию: "Благодать моя с тою". И бысть слово дело, и чюдеса, и знаменна, и тмы чудотворенна бъша от пречистыа иконы от того часа и до ныне, идеже аще въобразится пречистый ея образ, тамо и благодать ее приходить пречестно содействующе иконе Божиа Матери"[32].

Мысль о неотделимости Божественной благодати от иконы не была свойственна византийскому богословию. Стремясь избежать малейших подозрений в идолопоклонстве, защитники иконопочитания выступали против столь прямолинейного отождествления изображаемого и изображения. Однако в изложении сущности иконы Иосифом Волоцким также не было ничего от идолопоклонства.

Прежде всего он многократно говорит о том, что благодать присутствует не в самом веществе иконы – дереве, красках, левкасе, а в изображении, в зрительном образе, который в принципе может быть нанесен на любое вещество. Эта мысль восходит ко второму "Слову" в защиту икон святого Иоанна Дамаскина[33]. В этом смысле иконное изображение тождественно словесному описанию жизни Христа в Евангелии: "Ничто же бо разньства в них яко оба едину повесть благовествуют, ибо словописець, написаа Еуангелие и в нем написа вся, еже в плоти смотрение Христово и предасть церкви, подобне и живописець творит, написав на дъсце все плотское Христово смотрение и предаст церкви, и еже и Еуангелие словом повествуеть, сие живописание делом исполняет"[34]. Сближение и приравнивание значения иконных изображений и словесных образов встречается в классических сочинениях византийских богословов и содержится в догматическом определении Седьмого Вселенского Собора[35].

Говоря о присутствии благодати в иконе, преподобный Иосиф Волоцкий стремился доказать наличие в ней божественных не постижимых умом свойств. Для православного богослужения характерно соединение тварного мира с высшей Божественной реальностью, – соединение, делающее человека реальным соучастником воспоминаемых в богослужении или изображаемых на иконе событий. В качестве иллюстрации именно такого понимания православного богослужения приведем некоторые мысли отца Сергия Мечева: "...мы веруем и уповаем, что через богослужение мы в XX веке имеем возможность соприкоснуться в богослужении и молитвенном озарении с давно бывшими событиями, соприкоснуться и участвовать в них как в вечности... в богослужении мы, оставляя временное, приобщаемся к вечности, оставляя все то, чем в мире мы живем, приобщаемся к тому, что существовало от века, затем дано было во времени и теперь дается нам опять во времени, но как вечное"[36]. Именно о таких свойствах иконы пишет волоцкий игумен Иосиф – о постоянном присутствии в иконе Божественной благодати и возможности помышлять изображенных на иконах Христа и святых, "яко живых и стоящих с нами"[37]. Эти особенности русского иконопочитания, вероятно впервые столь четко выраженные преподобным Иосифом, отразились впоследствии в трудах русских религиозных мыслителей XX века. "Вот я смотрю на икону (Богородицы. – *В. З.*) и говорю себе, – писал отец Павел Флоренский, – это сама Она – не изображение Ее, – а Она сама, через посредство, при помощи иконописного искусства созерцаемая, как через окно, вижу я Богоматерь, и Ей самой молюсь лицом к лицу, но никак не изображению"[38]. Другой русский философ – отец Сергий

Булгаков так раскрывал харизматическую сторону иконы: "Икона представляет собой не просто священное изображение, но и нечто большее, чем изображение. По верованию Православия, икона есть место благодатного присутствия, как бы **явления** (здесь и далее выделено С. Н. Булгаковым. – *В. З.*) Христа (а далее и Богоматери, святых, вообще тех, кто изображается на иконе), **для молитвы** ему <...> Православный молится пред иконой Христа, как пред самим Христом, ему предстоящим в своей иконе"[39].

Поскольку икона соединяет историческое время с вечностью, она, с одной стороны, может быть историческим изображением, служить иллюстрацией Священного Писания или Предания, но с другой – изображать то, чего не было в действительности, но что возможно с точки зрения высшей реальности. Примером таких изображений могут служить иконы Вознесения Христова и Сошествия Святого Духа, на которых среди других Апостолов присутствует и Апостол Павел. "Аще убо и блаженнаго апостола Павла пишут на святых иконах, на Вознесении Христове и на Сьшествии Святаго Духа, – пишет Иосиф Волоцкий, – всем же есть разумно, яко тогда еще не бяше святого апостола Павла с святыми апостолами, но того ради написан, яко достоин есть зрети Господня Вознесения и прияти Святаго Духа нашествиа, яко же и прочии апостоли. Сего ради аще и не бысть тогда с ними, но ныне написан бысть с ними"[40].

В конце XV века Русь как бы возвращается во времена споров с иконоборцами и игумен Иосиф создает целостную богословскую теорию иконы, исходя, с одной стороны, из учения защитников иконопочитания VIII–IX веков, а с другой – из конкретных условий окружающей его русской действительности и творений русских иконописцев.

Конечно, иконоборчество "жидовствующих" по своим масштабам нельзя сравнивать с иконоборчеством византийских императоров, сделавших его государственной политикой. Однако поругания, которым подвергались священные для каждого православного иконы Христа, Богородицы, святых, не могли остаться без внимания такого строгого ревнителя благочестия, каким был преподобный Иосиф. Для него необходимо было не только защитить святые иконы, но и показать, в чем их святость, обосновать не только необходимость поклонения иконам, но и раскрыть тайну, почему им следует поклоняться с трепетом и благоговением. Действуя в рамках святоотеческой традиции, раскрывая все ее богатства, преподобный Иосиф Волоцкий на основе византийского богословия создает русское богословие иконы. Для него в иконе наиболее важно действие Божественной благодати, дающее возможность восходить умом к первообразам изображенных на иконе лиц или событий, нисхождение на человека этой благодати, творящей "неизреченные чудеса и исцеления", преображающей человека, исполняющей его "божественной радости и светлости".

Примечания

[1] Б ы ч к о в В. В. Русская средневековая эстетика. М., 1992, с. 299.

[2] Источники по истории новогородско-московской ереси конца XV начала XVI в. – В кн.: Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV – начала XVI в. М.;Л., 1955, с. 380.

[3] Там же, с. 383–384.

[4] Послания Иосифа Волоцкого. М.;Л., 1959, с. 210.

[5] Там же, с. 212.

[6] Источники..., с. 323.

[7] Исх. 20, 4–5; Втор. 5, 8–9.

[8] Источники..., с. 325.

[9] Там же, с. 336.

[10] Там же, с. 337.

[11] Там же, с. 334.

[12] Там же, с. 333.

[13] Успенский Л. А. Богословие иконы Православной Церкви. Париж: Изд-во Западноевропейского экзархата. 1989, с. 217.

[14] Источники..., с. 332.

[15] Иосиф Волоцкий. – Просветитель, Казань, 1882, с. 160.

[16] Книга правил святых апостол, святых Соборов Вселенских и поместных и святых отец. М.: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1992, с. 8.

[17] Бычков В. В. Малая история византийской эстетики. Киев, 1991, с. 168.

[18] Соборник, или Слова избранная святых отец о поклонении и чести святых икон. М., 1642, л. 94–94 об.

[19] Там же, л. 104 об. – 105 об.

[20] Бычков В. В. Малая история византийской эстетики, с. 186.

[21] Источники..., с. 333.

[22] Там же, с. 339.

[23] Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. М.; Ростов н/Д, 1992, с. 293–294.

[24] Рим. 5, 20–21.

[25] Источники..., с. 335.

[26] Там же, с. 336.

[27] ЧОИДР, 1847, № 7, с. 12.

[28] Источники..., с. 333.

[29] Там же, с. 336–337.

[30] Иоанн Экономцев, игумен. Православие, Византия, Россия. М., 1992, с. 176.

[31] Источники..., с. 336–337.

[32] Там же, с. 337.

[33] Соборник..., л. 125 об.

[34] Источники..., с. 338.

[35] Соборник..., л. 96–96 об.

[36] Мечев С. Духовные беседы – В кн.: Московский приходский сборник. Вып. 1. Храм Николая Чудотворца в Кленниках. М., 1991, с. 54–55.

[37] Источники..., с. 341.

[38] Флоренский П. Собр. соч., т. 1, с. 223.

[39] Булгаков С. Н. Православие. М., 1991, с. 299–300.

[40] Источники..., с. 338.

Валерий ЗУЙКОВ

Опечатка

В № 3 за 1994 г. нашего журнала на с. 53 вместо подписи *К. ЖАРИКОВ* следует читать *К. ЖАРИНОВ.*

Александр ДОБРОВОЛЬСКИЙ

Александр Александрович Добровольский (1886–1965) свою литературную деятельность начал еще до революции. В период с 1911 по 1915 год им были написаны рассказы, вошедшие в сборник "Молодое, только молодое". В 1922 году печатался в журнале "Маковец". Позднее работал библиотекарем в московском Доме литераторов. В 1948 году был арестован по делу Даниила Андреева. До 1954 года отбывал срок в Потьминских лагерях. Все его дневники, записные книжки, наброски и готовые произведения были сожжены во время следствия.

На склоне лет, когда А. Добровольскому было уже за семьдесят, он пишет свою лучшую работу, состоящую из десяти автобиографических рассказов, объединенных общим названием "Десять мин" (опубликована в книге "Храм Николы чудотворца в Кленниках" (М., 1991)). В этой работе А. Добровольский рассказывает в числе прочих и историю своего знакомства в августе 1918 года с известным московским священником Алексеем Мечевым, с которым все последующие годы – вплоть до смерти отца Алексея 9 июня 1923 года – его объединяла теснейшая духовная связь.

Публикуемые ниже воспоминания А. Добровольского об отце Алексее Мечеве "В храме на Маросейке" не вошли в книгу "Десять мин", но тематически связаны с ней.

В храме на Маросейке

(Из воспоминаний об отце Алексее Мечеве)

"Не случайно это в твоей жизни. Это Божий о тебе Промысл. Да и ты сам это должен знать. Посмотри только внимательнее на свою жизнь. Сколько раз в ней проявлялся этот чудесный о тебе Промысл?! Верь в него. Ты все думаешь: вот пришли скорби, вот несчастия, которых нет ни у кого, вот обстоятельства, из которых нет выхода, – и это Бог с любовию посмотрел на тебя, это Бог приближается к тебе" – так учил меня Батюшка, и, вспоминая сейчас его слова, я не могу не видеть в нем самое лучшее подтверждение этих его слов о чудесном Промысле Божием, о спешащей к нам Любви. Разве случайно, что я узнал Батюшку в самую тяжелую пору моей жизни, в годы, когда все рушилось и погибало, когда, казалось, спастись могут только одни сильные, цепкие, вооруженные, и я, я со всем моим укла-

дом и воспитанием, неприспособленный, больной, беспомощный, оставшийся без средств, среди несчастий семьи, среди великого крушения, казалось, я должен погибнуть, я должен быть уничтоженным – и вот "Бог приближается ко мне", Бог посылает мне Батюшку – и годы скорби переплавляются в годы бесконечной радости, годы ненависти наполняются светом любви, годы самые незащищенные становятся самыми спокойными и посреди волн меня – малый корабль – ведет Батюшкино благословение. Жалостливое сердце Батюшки увидело сердце человеческое – больное, испуганное, ожесточившееся, тревожно бьющееся в своих собственных ошибках и грехах, и он привлек это сердце к себе, стал для него врачом и воспитателем и терпеливо и внимательно, с неослабевающей любовью, со всем возможным снисхождением, с теплым участием повел его.

Помню осень самого страшного – девятнадцатого – года. Москва, умирающая от голода и тифа. Эти черные улицы, разоренная толпа. Храм еще освещенный, нетопленый и отсыревший. Всенощная скорбящих, всенощная плачущих, всенощная стекшихся сюда от скорби жизни невыносимой. Батюшка со своим скорбным лицом, сам слабый и больной, только что вставший после простуды от служб в холодном храме, трогательный от своих еще таких слабых движений, вот он обнимает всех-всех своим любящим взглядом, он говорит: "Вот, дорогие мои, я был болен, и во время болезни я читал Библию, и вот, дорогие мои, послушайте, что говорит пророк Захария: *И будет на всей земле, говорит Господь: две части на ней будут истреблены, вымрут, а третья останется на ней. И введу эту третью часть в огонь, и расплавлю их, как плавят серебро, и очищу их, как очищают золото* (Зах. 13, 8–9) (так бывало: голос слабый... превращался как бы в трубный, с жестом выбрасываемой руки он говорил как знающий, как пророк). Обратите внимание, как говорит Господь: *Я расплавлю их.* То есть, когда будете как серебро расплавленное, когда поймете, что перед Богом вы ничто..."

Скольким, скольким в тот день он явился как серебряник, он взял эти "расплавленные" души и, терпеливый ювелир, к каждой приложил все возможное ему внимание и всю возможную ему любовь.

В 1917 году проездом из Оптиной Анна Александровна Исакова была у нас. Она сказала мне: "У вас в Москве тоже есть священник высокой духовной жизни – отец Алексей на Маросейке". Она была вся напитана светом Оптиной. Восторженна и возбуждена. Под впечатлением ее рассказов я пошел в названную мне церковь. Я пошел посмотреть священника, которого знают, на которого указывают из Оптиной. Во мне было разбужено любопытство к новому миру, который уже выступал для меня в эстетическом очаровании общего увлечения русской иконой, церковным пением, иконописной красотой

необыкновенных святых. Я поднялся в маленькую церковь, почти пустую (четыре часа, вечерня, неделя Великого поста). Несколько старушек суетились в церкви. Быстрой, бегущей походкой вошел священник. Старушки бросились к нему под благословение, целуя его руки. Я испугался, что сейчас он увидит меня и обратится ко мне. Я поспешил уйти. Я был разочарован. Но что-то не прошло бесследно. Потому что, очень редко что-нибудь записывающий, я почему-то счел нужным записать такие слова: "28 февраля. Ходил к вечерне в церковь Николы в Клениках. Странное впечатление произвел на меня этот священник. Есть в нем что-то выделяющее его сразу. Недаром туча женщин бросается к нему под благословение — зрелище, непривычное для меня в других церквах. Но что-то казалось мне в нем чужое, я это подметил и в Анне Александровне, — какая-то торопливость и простота. Неужели никогда не проникну я в русскую святость? Душе моя, душе моя, восстани, что спишь".

А в этот день в Петрограде уже совершались великие события.

Прошло два года.

Уже не из любопытства, не за тем, чтобы посмотреть неизвестного священника... Я погибал, я хотел молиться — и не умел, я просил утешения — и не знал, где его найду: все рушилось, все погибало, я не знал, что же теперь делать, что же теперь нужно.

На Маросейке (я пошел сюда, потому что вспомнил, что здесь есть служба каждый день) я узнал, что нужно покаяние.

"Братья и сестры, теперь нам нужно покаяться. Мы будем молиться каждый день..." Это начиналась неделя покаяния.

Я не пропускал ни одной службы. И помню, в один вечер точно шелест прошел среди молящихся: "Батюшка приехал". Мое сердце сжалось. Я был смущен: как я взгляну ему в глаза? То, что я как бы оскорбил его, то что я пренебрег им, мучило меня. Что если он увидит меня и укажет мне, что мне не место в этом храме? На другой день уже Батюшка служил литургию. Вместе с народом я подходил к Кресту и к Батюшке. В первый раз. И вот я еще не дошел к нему, а он, смотря на меня ласковым, смеющимся лицом, громко, на всю церковь, привлекая внимание всех: "Вот и он, наш усердный богомолец".

Да, я усердно молился. В эти дни, как никогда прежде, ни потом, я не пропускал ни одной службы, я первый приходил... но ведь Батюшка этого не видел, он только вчера приехал и меня видел в первый раз, или его всезнающее сердце уже узнало все, и он видел и мое усердие, и мое смятение, и, как евангельский отец, еще издали приветствовал меня и спешил навстречу.

— Веруешь ли ты в Бога?

Первая исповедь у Батюшки. Моя очередь. Шепот. "Идите". Сердце, остановившееся на мгновение, — этот детский момент, когда бросаешься в воду, зажмурившись и перекрестясь, — так перехватившее дыхание.

— Веруешь ли ты в Бога?

Я ему нес все свои десять лет на стране далече: эти руки, уставшие от праздности, это сердце, замкнувшееся в себялюбии, сердце ожесточенное и больное.

— Верую! — это я мог сказать.

Это была самая необыкновенная исповедь. Точно одного меня он всегда ждал, точно мне он все хотел пересказать. Он говорил мне о себе, о своей жизни, о своих испытаниях, о своем священнослужении, о горестях и трудностях избранного пути, о благословении Иоанна Кронштадтского, о своем упорстве к добру, о своей любви к народу и служении ему; он говорил мне о любви. "Ты болен. Ты замкнулся в себе. Смотри, какое у тебя сердце! Оно не живет, оно никого не греет. Ходи же в церковь. Только здесь, в церкви, в атмосфере любви твое сердце согреется и отойдет". Я ушел от него в слезах. Он был серебряник, в моих слезах он переплавил мое сердце.

Жар новоначального — он сгорает, как пламенный столп, который пройдет перед всей твоей жизнью, и он осветит далеко, но нужно ежедневное усилие, нужно напряжение всех своих сил, нужен постоянный подвиг: скучно — принудь себя, досадуешь — потерпи, осуждаешь — воздержись, пренебрегаешь — пересиль себя...

Пришло уныние, пришло отчаяние, пришла скука. Батюшка звал меня — я не приходил к нему. Батюшка поручал — я не исполнял. Батюшка привлекал — я уклонялся. А Батюшка — никогда не изменявшийся, не упрекнувший, неизменно внимательный, ласковый, любящий, не отпускающий, терпеливо следящий, вовремя спешащий на помощь, удерживающий, руководящий... Помню, летом Батюшка уезжал, я его долго не видел. Это было время народных академий, лекций в храмах. Меня затянуло к Богоявлению. Я слушал Боголюбского, Попова, уже хотел оформить, записаться. Своим умом решил, что это и интересно, и полезно, и удобно. В это время приехал Батюшка. На исповеди говорю ему про свое увлечение, про лекции, курсы. Он все выслушал ласково, точно одобряя, — хорошо, это хорошо... Потом вдруг обнял меня, крепко-крепко прижал к себе, как бы защищая и не отпуская: "Вот что, оставайся ты лучше с нами".

Это было удивительно. Ведь, казалось бы, вот он. Он не знает ничего из моей биографии, из моей жизни, никаких подробностей моей семейной жизни, моего происхождения, образования, привычек. Точно, отбросив всего внешнего человека, он приближал к себе самого человека, его любил, его ценил, им интересовался, о его пользе болел. Тысячи людей проходили через него. Как можно различить в этой массе одного, запомнить и — мало того, что запомнить, — следить, вести, знать о нем все, вовремя поспешить и помочь.

Помню, когда после поездки на фронт и в Сибирь я наконец вернулся в Москву. Я приехал в субботу. В воскресенье пошел на Маросейку. Прошел почти год. Я не сомневался, конечно, что Батюшка меня забыл. За это время так много переменилось. В храме я увидел новых людей. И потом это была не прежняя Маросейка. Храм был переполнен. Бесконечная толпа подходила под благословение к Батюшке. Он едва смотрел, казалось, ничего не замечал. Я мучился: напомнить ли о себе или пройти молча. Подхожу. Лицо Батюшки осветилось улыбкой:

— Худой-то какой! Что они там с тобой сделали, что они там с тобой сделали?

Разве мог Батюшка кого-нибудь забыть?

Удивительно. Откуда являлось это чувство, это убеждение, что Батюшка тебя любит больше всех. Батюшка меня любит больше всех — как это ни было нелепо, просто невозможно, такая уверенность жила. Но ведь другие — настоящие его духовные дети, преданные ему, послушные ему, полезные ему и храму, — они давно пришли к нему, отдали ему всех себя — и разве не достойны они, чтобы Батюшка любил их больше тебя — случайного, бесполезного, ненужного храму, "раба ленивого и лукавого".

И все-таки Батюшка любит меня больше всех! Может быть, это было оттого, что каждому Батюшка давал максимум любви. У него не было, как у Отца Небесного, первого и одиннадцатого часа. Ты пришел ко мне — и вот всю ту любовь, которую ты можешь от меня иметь, я даю тебе. Весь тот максимум любви, который я вообще мог бы иметь, Батюшка мне дал, и поэтому для меня он меня любил больше всех.

И эта любовь давала ему возможность проникать во всякое душевное состояние, знать его, угадывать его, предупреждать его, делала его прозорливым.

Помню, один раз я был в отчаянном, угнетенном состоянии. Нужно было исполнить одну ответственную работу в невозможно короткий срок с такими средствами, которые не давали

никакой возможности ее выполнить. Время проходило. Я чувствовал, что мне не на кого надеяться, что никто-никто не придет и не поможет мне, что я никому не нужен со всеми моими огорчениями и затруднениями. Пойти в церковь помолиться? Но каждая минута дорога, а пойти в церковь — это потерять весь вечер. И я пошел. Служил не Батюшка, но я надеялся, что Батюшка будет вести беседу, что я его увижу и он благословит меня.

И вот служба кончена. Батюшки нет. Чего-то жду. Но все кончилось, сейчас все разойдутся. И вдруг — Батюшка. Он спешит. С книгами. Задыхается. Он начинает беседу. Он говорит об Апостоле Фоме. О его маловерии. Он говорит о необходимости веры, сильной веры, что как бы ни было трудно, страшно, Господь здесь. Господь не оставит. Только прибегни к Нему, только воскликни с Фомой: "Господь мой и Бог мой!"

Я подхожу к Батюшке, уже побежденный его словами, его верой, его горячностью. И вдруг Батюшка удерживает меня, обнимает меня, целует, начинает передавать мне свое волнение: как он был расстроен посетителями, как он думал, что не сможет вести беседу — так потрясло его человеческое горе. И это все мне, точно самому близкому во всей этой толпе человеку, точно забыв обо всех, точно меня одного считал достойным разделить тяжелый свой груз, — меня, который только что считал себя одиноким, самым брошенным и забытым. И вот покрыть такой любовью, согреть такой верой: вспомни о Фоме, воззови с ним: "Господь мой и Бог мой!" Я ушел от Батюшки точно исцеленный. Никогда в жизни я не был так спокоен. Спокойно уже, в надежде на Бога, смотрел я на свое затруднение. И Господь чудесно все устроил.

Это знание Батюшкой скрытого состояния человека я испытал не раз. Помню, однажды подхожу под благословение. Он смотрит на меня встревоженно:

— Да ты больной!

Я удивляюсь. Кажется, у меня ничего не болит, я чувствую себя здоровым.

— Больной, совсем больной! Иди домой, скорее ложись.

И, действительно, пришел домой — вечером пришлось лечь, я заболел. Батюшка увидел болезнь, которую я еще не чувствовал. Перед тем как я тяжело заболел в 1921 году, когда в последний раз я был в церкви, Батюшка, благословляя, сказал мне: "Ну, Александр, будь сильным!" Я отошел, не понимая, к чему он мне это говорит, а он предупреждал меня о готовящемся мне испытании.

И еще о болезни. Как-то весной, уже в 22 году, стою в первой арке у входа. Служба кончилась. Вдруг передо мной Батюшка.

— Ну, как живешь?

— Да вот, Батюшка, опять болею.

Батюшка стал строгим:

— Вот что, брось ты это! Давай твою болезнь. Это мне нужно болеть.

Я сейчас думаю: в практике старческой исповеди был такой прием. Старец брал руку кающегося и клал себе на шею, этим перенося на себя бремя грехов своего духовного сына. Может быть, обнимая нас во время исповеди, прижимая к себе, Батюшка скрытно делал то же, что восточные старцы-духовники, перекладывая на себя, на свою грудь, наши бесчисленные грехи и болезни. Как тяжел был этот груз, как трудно было это бремя — думали ли об этом когда-нибудь мы, думающие только о себе, спешащие скорее переложить на него все наши печали и несчастия? И как он был терпелив, спокоен, ровен!

Только один раз я видел Батюшку необычайным. Великий пост, Страстная пятница. Сотни людей уже прошли перед Батюшкой, и сотни их ждали в длинной, вытянувшейся очереди. "Идите". Как всегда, перехватило дыхание, и я очутился у аналоя. Батюшки не было рядом — он не сидел, он стоял, прижавшись всем телом, спи-

ной, руками к стене, точно его заливало море, точно тысячи брызг летели снизу и смывали его, а он изо всех сил старался удержаться. Его лицо было бледно и искажено, волосы отнесены как бы ветром, глаза закрыты. Он задыхался. Он не видел меня. Откуда-то издали прозвучало его:

— Веруешь ли в Бога?

— Верую.

И сейчас же он бросился ко мне со своей лаской и любовью. Батюшка! Батюшка! Как тяжело ему было, как тяжело ему было!

Батюшка поразительно знал душу человека. Недаром он мне рассказывал такой случай, происшедший с ним. На пляже в Крыму он разговаривал с одним профессором. После беседы тот обращается к нему:

— Вы ведь врач?

— Нет.

— Но кто же тогда вы? Только врач может так знать психику человека.

— Я священник.

Это знание давало Батюшке возможность часто ограничиваться каким-нибудь замечанием там, где другой говорил бы несколько часов. Помню, я его спрашивал о монастыре. Батюшка не отговаривал меня. Он видел: я увлечен, разгорячен. Слушал мои горячие вопросы и улыбался.

— А ты знаешь, как в монастыре к иконам прикладываются? Боже сохрани, если ты подойдешь перед кем-нибудь, раньше тебя поступившим в монастырь...

Для меня это маленькое замечание тогда оказалось убедительнее, может быть, самых пространных уговоров.

Иногда Батюшка перебивал, точно не понимая, точно удивляясь: "Да что ты? Это с тобой от жары. Смотри, жара-то стоит какая!", — мудро указывая, чтобы я сам даже не задерживался вниманием на том, о чем я начал говорить.

У него было умение какими-то простыми словами, каким-то приемом русского доброго простеца успокоить самую страшную тревогу.

— Батюшка, как же переживем эту зиму?

— Слушай, вот что я тебе скажу: ехал я сегодня мимо Смоленского рынка. Сколько там всего — муки, масла, сахара!.. Ну, так и нам с тобой хватит.

У него был необыкновенный свой громадный опыт, и он делился им, спеша к каждому с тем, что ему нужно. Часто не успеешь сказать ему, только начнешь: "Батюшка!", — а он уже прерывает: "Какой у меня случай был. Недавно приходит ко мне одна женщина..." И он рассказывает — рассказывает то, что потрясает меня, что является обличением моего греха, что заставляет меня возненавидеть грех, отвернуться от него.

Иногда ему и ничего не нужно было говорить. Он сам знал и сам спешил успокоить твое смущение. Одно время меня мучило: чей же я духовный сын? Если я слушаю только беседы отца Сергия, только его слушаю, только у него учусь — не нужно ли прямо сказать Батюшке: "Батюшка, благословите меня перейти от вас к отцу Сергию?" Но спросить об этом казалось почему-то невозможным, обижающим Батюшку. До самой последней минуты я так и не решил, скажу или не скажу. И вот во время исповеди Батюшка начинает меня обнимать и ласкать: "Вот какой у меня духовный сын! Мой духовный сын, мой духовный сын!" И Батюшка начинает объяснять мне, почему поручил заниматься с нами отцу Сергию.

— Пусть так и будет, а уж я будут наблюдать и молиться за вас.

Батюшка был необыкновенно скромен. Как-то говорю ему:

— Батюшка, вот горе у меня — время очень занято, не могу посещать ваши беседы.

— А зачем тебе мои беседы? Ну что я могу на них сказать? А вот ученые у меня есть — их беседы посещай непременно!

Спросит:

— Ходишь ли ты на беседы к отцу Сергию?

– Хожу.

– Непременно ходи.

Один раз останавливает:

– Я слышал, как ты отцу Сергию на беседе отвечал.

Смотрит такой довольный.

И вот издали, почти незаметно, он вел тебя единственным путем, учил своей великой науке. И как радовался он, когда в какой-нибудь мелочи, в какой-нибудь черточке проскальзывало, что наука эта усвояется.

Один год я как-то особенно усиленно посещал разные московские храмы. Это было связано с большой затратой сил, своего рода было подвигом. Истощенный, голодный, после службы идешь вечером по страшной, темной Москве пешком куда-нибудь в Хамовники, в Кудрино, в Рогожскую – ко всенощной. Я считал это большой заслугой и как-то сказал об этом Батюшке, думая, что он похвалит. Он только удивился.

– А ты чего ходишь-то, чего ищешь?

Я так смутился, что не знал, что сказать.

– Тебе что у нас не нравится, чего не хватает?

Наконец я решился сказать:

– Пение.

– Ну, вот ты ходишь много по разным храмам, где же, по-твоему, поют лучше?

И я задумался. И вот все концертное пение показалось таким ненужным, фальшивым, не соответствующим великому Таинству богослужения, и я мог назвать только один храм – Марфо-Мариинский. Батюшка так обрадовался, точно я выдержал какой-то экзамен:

– Ах, Марфо-Мариинский. Да-да, там хорошо поют. Вот мне и Преосвященный Тихон все говорит, что хорошо, а мне все некогда, все хочу туда поехать. Ну, вот и хорошо, хорошо.

Иногда он точно приоткрывал какой-то тайничок, точно впуская в свое сокровенное. Сам начинал учить. Один раз он рассказал мне о прилоге – о помысле.

– Помни о прилоге, это тебе полезно знать и помнить.

Один раз, когда я говорил о монастыре, приласкал меня и сказал:

– А как, ты не пробовал Иисусову молитву? Ты бы и начинал к ней понемногу привыкать.

Уже изнемогающий, задыхающийся в последнюю зиму – его провожали до церкви. Только прикоснешься губами к рукаву его шубы. Он посмотрит своими ласковыми глазами, а губы шепчут: "Отче Александре..."

Последняя исповедь.

...Не люблю, осуждаю, гневаюсь, завидую...

Он смотрит, его глаза залиты слезами, он шепчет:

– И это Александр, который был всегда такой любящий, такой терпеливый, такой кроткий, такой добрый!

Батюшка, но когда же вы видели меня любящим, терпеливым, добрым? Или он плакал о том образе, о том первом Александре, которого я замутил своими грехами?

Я уходил. Он удержал меня.

– Почему ты не придешь ко мне?

Молчу. Ведь как объяснишь, что скажешь?

– Ты приходи. Придешь?

Молча отвечаю:

– Приду.

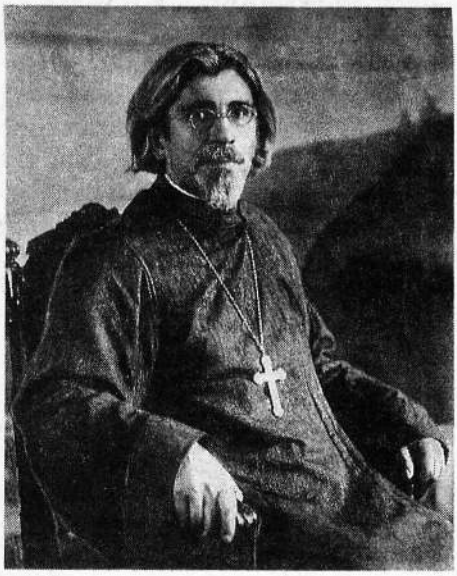
Но он обеспокоился:

– Нет, ты пообещай, что придешь ко мне.

Обещаю. Батюшка радуется. Радостный, благословляет, радостный, отпускает меня.

"Ты приходи ко мне" – это его последние ко мне слова. Может быть, уже прозревая свою смерть, он, зная мою неустойчивость, хотел обещанием связать меня, чтобы я не отходил от него, не забывал его, чтобы я приходил к его могилке.

Протопресвитер Александр Хотовицкий
(1872 –1937)

Протопресвитер Александр Хотовицкий

Протопресвитер Александр Хотовицкий, один из сонма новомучеников 1930-х годов, родился в 1872 году в городе Кременецке на Волыни. Его отец, протоиерей Александр, ректор Волынской Духовной Семинарии, дал сыну доброе христианское воспитание, сумел привить ему искреннее благочестие, любознательность, трудолюбие. Среднее образование Александр Хотовицкий получил в Волынской Семинарии, а высшее – в Петербургской Духовной Академии, которую закончил в 1895 году одним из лучших – кандидатом богословия и магистрантом.

Еще студентом Академии, горя желанием послужить Церкви, юноша подал прошение о зачислении его на службу в далекую Алеутскую и Северо-Американскую миссию. Прошение было удовлетворено – его назначили вторым псаломщиком в Свято-Никольский приход в Нью-Йорке. После венчания с воспитанницей петербургского Павловского института Марией Владимировной Щербухиной 23 февраля 1896 года Александр Хотовицкий был рукоположен епископом Алеутским Николаем (Зиоровым) во диакона, а через день – в сан пресвитера.

В слове, обращенном к новорукоположенному священнику, епископ Николай, о котором отец Александр всю жизнь вспоминал с благодарной любовью, так охарактеризовал его пастырский дар, его миссионерское горение: "Твоя особенная порядочность и благовоспитанность, твой благородный идеализм, твоя религиозность сразу расположили меня к тебе... Я увидел, что ты имеешь ту искру Божию, которая всякое служение делает воистину делом Божиим и без которой всякое звание превращается в бездушное и мертвящее ремесло..."[1].

После отъезда в Россию настоятеля нью-йоркского прихода Святителя Николая отца Евтихия Балановича отец Александр Хотовицкий был назначен на его место. Став приходским настоятелем, он взял на себя подвижнический труд по строительству нового грандиозного храма в Нью-Йорке вместо малой приходской церкви, которая ютилась на первом этаже обычного дома на Второй авеню. Для сбора средств на сооружение храма, ставшего украшением города, новый настоятель объезжал православные общины Нового Света, побывал в России. Строительство храма завершилось 10 ноября 1902 года, а в следующем году, после перенесения Святителем Тихоном, впоследствии Патриархом, епархиальной кафедры из Сан-Франциско в Нью-Йорк, он стал кафедральным

собором. В летопись храма внесена была запись: "Основан и создан сей кафедральный собор в городе Нью-Йорке, в Северной Америке, иждивением, заботами и трудами виднейшего кафедрального протоиерея отца Александра Хотовицкого в лето от Рождества Христова 1902-е"[2].

Пастырские попечения отца Александра не ограничивались Нью-Йорком. Его трудами и заботами было основано двенадцать приходов на Восточном побережье Американского континента: в Филадельфии, Саут-Риворе, Пассаике, Юнкерсе и других городах. Прихожанами этих храмов были не только православные по рождению иммигранты, но и вернувшиеся к праотеческой вере из униатов карпатские русины, присоединившиеся к Православной Церкви выходцы из протестантских общин.

Миссионерствуя среди карпатских русин, отец Александр сталкивался с крайним недоброжелательством упорствовавших униатов, подвергался угрозам и однажды был жестоко избит. Об этом напомнил самоотверженному пастырю архиепископ Платон (Рождественский), впоследствии митрополит, в прощальном слове, которое он произнес за литургией перед отъездом отца Александра из Америки: "Был в моей и твоей жизни день, когда поутру ты, придя ко мне в комнату, много не говоря, открыл свою сорочку на груди и показал мне синеющую там огромную ссадину с кровью. То была рана от палки какого-то изувера, в диком озлоблении бросившегося на тебя после того собрания русских людей, на котором ты увещевал родных по крови братий отречься от пагубной унии с Римом... Все мое существо содрогнулось тогда от охватившего меня волнения — предо мною был факт исповедничества за Христа"[3].

Одной из обязанностей отца Александра было редактирование "Американского православного вестника", выходившего на русском и английском языках. Первый и многолетний редактор журнала, он был одновременно и одним из его главных авторов, причем помещал на страницах журнала не только статьи, но и собственные стихи.

Храм Христа Спасителя, где служил пресвитер отец Александр. Фото с его автографом

Отец Александр деятельно участвовал в организации епархиального Православного общества взаимопомощи, исполнял в нем обязанности казначея, потом первого секретаря и, наконец, председателя. Это общество помогало карпатским русинам, православным эмигрантам с Балкан, русским военнопленным в японских лагерях.

Свое служение в Америке отец Александр совершал под окормлением трех выдающихся архипастырей: епископа, потом архиепископа Николая (Зиорова), Святителя Тихона, впоследствии Патриарха, и архиепископа, позже митрополита, Платона. И все они высоко ценили своего ближайшего помощника — деятельного, превосходно образованного, а главное — преданного Богу и Церкви пастыря, жертвенно любящего народ Божий. В 1910 году святой Тихон возвел его в сан протоиерея. Поздравляя отца Александра с десятилетием его пастырского служения, святитель сказал: "Со своей сторо-

Протоиерей Александр Хотовицкий

ны, как начальник твой, могу свидетельствовать, что ты оправдал доверие и чаяния, которые возлагались на тебя при твоем посвящении"[4].

Служение отца Александра в Америке знаменательным образом закончилось ровно через 18 лет – 26 февраля 1914 года, после он был удостоен звания пресвитера.

С 1914 по 1917 год отец Александр служил в Гельсиндорфе (ныне Хельсинки). В Финляндии он сблизился с правящим архиереем епархии архиепископом Сергием (Страгородским), впоследствии Патриархом. Великое княжество Финляндское входило тогда в состав Российской Империи, но обладало широкой автономией. Православное духовенство вынуждено было там предпринимать серьезные усилия для того, чтобы оградить православную паству, в основном из карел, от прозелитической пропаганды финских лютеран. В этом деле защиты Православия отец Александр был верным и умным помощником своего архипастыря.

В августе 1917 года отец Александр Хотовицкий был переведен в Москву и назначен ключарем храма Христа Спасителя. В Москве он снова оказался под ближайшим началом Святителя Тихона, с которым тесно сблизился еще в Америке.

Сразу после перевода в храм Христа Спасителя отец Александр стал участником Поместного Собора Российской Православной Церкви. Неоднократно он брал слово на заседаниях в Соборе, и каждое его выступление было ответственным, мудрым, исполненным заботой и болью о Церкви, над которой собирались тогда черные тучи. Когда на Соборе поставлен был вопрос об издании обращения к пастве в связи с приближавшимися выборами в Учредительное собрание, отец Александр высказался за то, чтобы Собор не устранялся от участия в борьбе за спасение Отечества, имея в виду церковно-строительные труды Собора, разрабатываемые им проекты преобразований и нежелание некоторых соборян реагировать на происходящее в стране, на уже начавшуюся государственную разруху и смуту, он сказал: "Похоже на то, как если бы в руках строителей какого-либо здания кипела работа по изготовлению чертежей, проектов и так далее для наилучшего сооружения и они спокойно смотрели бы в то же время, как кирпич за кирпичом вражеской рукой это же здание разрушается"[5].

В 1918 году при храме Христа Спасителя образовано было братство. Оно обратилось к православному народу с воззванием, в составлении которого участвовал и ключарь храма отец Александр. "Русские люди! – говорилось в этом воззвании. – Храм Христа Спасителя – краса Москвы, гордость России, радость Православной Церкви – обречен на медленное разрушение. Ему, этому славному памятнику великих подвигов русских богатырей, положивших душу свою за родную

землю и святую веру православную, отказано в государственной поддержке... Русские люди! Ужели отдадите вы чудесный храм Спасителя на посмеяние? Ужели правду утверждают гонители Святой Церкви, будто русские люди уже не нуждаются в святынях-храмах, таинствах, богослужениях?.. Отзовитесь, богомольцы! Отзовитесь все, как один! Встаньте на страже своих святынь! Щедрые жертвы богатых да сплетутся в добром позыве с драгоценными грошиками верующей бедноты. Сердце России, Москва! Сбереги свою святыню, свой храм Спас Златоглавый!.."[6]. В ответ на этот призыв русские люди вступали в братство Храма Христа Спасителя и приносили свои лепты на содержание святыни Москвы.

В годы гражданской войны пастырское служение, да еще и совершаемое на такой высокой "свещнице", как храм Христа Спасителя, сопряжено было с каждодневным риском. В мае 1920 года и в ноябре 1921 года отца Александра подвергали кратковременным арестам. Его обвиняли в нарушении декрета об отделении Церкви от государства и школы от Церкви – в преподавании Закона Божия детям; но вынуждены были оба раза отпускать на свободу.

Когда в связи с кампанией по насильственному изъятию церковных ценностей гонения на Церковь особенно ужесточились, отец Александр Хотовицкий неукоснительно соблюдал указания Первосвятителя Российской Церкви святого Тихона. В храме Христа Спасителя собирали средства для голодающих, но одновременно делалось все возможное, чтобы сохранить святыни собора. На квартире отца Александра проводились заседания клириков и прихожан храма. На них вырабатывался проект резолюции приходского собрания по вопросу об изъятии церковных ценностей. Проект составлен был главным образом отцом Александром, но окончательный текст резолюции принят был 23 марта 1922 года, уже после его ареста. В этой резолюции от властей затребованы были гарантии, что все пожертвования будут действительно употреблены на спасение голодающих, а не на иные цели. Такое требование расценено было властями как неприемлемое, нетерпимое и преступное. В резолюции был выражен также протест против печатной травли епископата, духовенства и церковного народа. Карательные учреждения расценили составление этого документа как контрреволюционное деяние.

Отец Александр в ссылке

27 ноября 1922 года в Москве открылся второй процесс против духовенства и мирян (на первом московском процессе, состоявшемся в том же году, 11 обвиняемых были приговорены к смертной казни). На этот раз обвинения были предъявлены 118 священнослужителям и мирянам. Среди главных обвиняемых были настоятель храма Христа Спасителя протоиерей Николай Арсентьев и ключарь храма прото-

иерей Александр Хотовицкий, член Высшего Церковного Совета и священник этого же храма Илия Громогласов, благочинный протоиерей Сергий Успенский.

Значительная часть обвинительного заключения, оглашенного на процессе, касалась деятельности клириков и прихожан храма Христа Спасителя: "Преступная агитация против изъятия церковных ценностей среди прихожан храма Христа Спасителя велась священниками этого храма Хотовицким, Арсеньевым, Зотиковым, Громогласовым и примкнувшими к ним бывшим товарищем министра Щепкиным, домовладельцем Перцовым, инженером Анохиным, бывшим присяжным поверенным Каютовым и торговцем Головкиным. Духовенство, — говорилось в обвинительном заключении, — не ограничилось одним оглашением воззвания бывшего Патриарха Тихона, а развило свою деятельность шире и преступнее... С появлением декрета ВЦИК об изъятии церковных ценностей они начали свою подготовительную деятельность под руководством священника Хотовицкого, который неоднократно и тайно собирал у себя в квартире означенных выше лиц и совместно с ними вырабатывал меры, которые предполагалось принять в целях осуществления преступного намерения. Главной целью созыва этих собраний являлась выработка резолюции, которую они предполагали предложить на будущем общем собрании верующих. При составлении этой резолюции означенные выше лица... отметили... не один только момент — "изъятие", но и выразили в ней якобы существующее недоверие со стороны трудящихся к советской власти и указали на гонение и преследование, которые эта власть якобы чинит Православной Церкви и ее представителям и руководителям"[7].

На допросе протоиерей Александр Хотовицкий держался спокойно, старался выгородить других обвиняемых. Как и большинство обвиняемых, он виновным себя не признавал, заявив: "Я полагаю, что нет контрреволюционности в том, чтобы просить о замене церковных ценностей соответствующим металлом"[8].

После допроса всех обвиняемых и свидетелей на судебном заседании 6 декабря зловеще знаменитый впоследствии прокурор Вышинский произнес обвинительную речь; прокурор-палач просил суд приговорить 13 обвиняемых, и среди них протоиереев Александра Хотовицкого, Николая Арсеньева, Сергия Успенского, игумению Побединскую, священника Илию Громогласова, Л. Е. Анохина, к смертной казни.

11 декабря обвиняемым была предоставлена возможность сказать последнее слово. В своем слове отец Александр Хотовицкий прежде всего попытался снискать у суда снисхождение к своим собратьям — "подельникам". "Прошу, — сказал он, — обратить внимание на тех, которые были у меня на собрании; одни из них старики, а другие — совсем молодые и ни в чем не виновные... На собрании была резолюция о просьбе ВЦИК о замене некоторых церковных ценностей; эту резолюцию я не считаю имеющей контрреволюционный характер... В квартире у меня лежит мать-старуха и больная жена. Прошу обратить внимание на больных старуху мать и жену"[9].

Самое пространное последнее слово было сказано священником Илией Громогласовым. В нем обвиняемый пытался расположить к себе суд рассказом о своем оппозиционном отношении к Правительству и Святейшему Синоду в дореволюционные годы. По материалам обвинительного заключения, он сказал, что ему "ничего не было известно о преступной организации, во главе которой стоял Хотовицкий"[10]. Он выразил также недоумение по поводу того, что рядом с ним на скамье подсудимых нет профессора Н. Д. Кузнецова.

Петр Николаевич Перцов, которого Вышинский тоже просил осудить на смертную казнь, заявил, что он "считает за честь сидеть между такими

людьми, как Щепкин и Хотовицкий"[11].

13 декабря был оглашен приговор трибунала. Он оказался более мягким, чем людоедские приговоры, вынесенные на Петроградском и Первом московском процессах по делам об изъятии церковных ценностей. Трое главных обвиняемых, и среди них протоиерей Александр Хотовицкий, были приговорены к лишению свободы сроком на десять лет с конфискацией имущества и поражением в правах на пять лет. Других осудили на меньшие сроки тюремного заключения. Ходатайство о помиловании, поданное отцом Александром Хотовицким, было отклонено Президиумом ВЦИК.

После освобождения Патриарха Тихона из-под домашнего ареста и нескольких его заявлений о лояльности гражданским властям некоторые архипастыри и пастыри, осужденные ранее на разные сроки лишения свободы, были отпущены из тюрем и лагерей. В октябре 1923 года был освобожден и протоиерей Александр Хотовицкий.

Но на свободе он оставался менее года. 4 сентября 1924 года начальник 6-го отдела ОГПУ Е. Тучков составил список деятелей Москвы из 13 человек, которых он рекомендовал подвергнуть административной ссылке. В этот список он включил и отца Александра Хотовицкого, дав ему такую характеристику: "Поп-проповедник с высшим образованием, очень активный, резок и пользуется влиянием на тихоновцев. Настроен антисоветски"[12].

На допросе в ОГПУ 9 сентября 1924 года отец Александр сказал: "По своим религиозным убеждениям я причисляю себя к тихоновцам. С Патриархом, кроме служебных отношений, я связан более близко, но в последнее время в связи с осуждением по делу изъятия церковных ценностей я встречаться с Патриархом Тихоном избегал, полагая, что ему это может быть неудобным. По поводу реставрации власти я никогда нигде не высказывался, и подобной мысли у меня не было"[13].

Особое совещание ОГПУ осудило

Духовные дочери Отца Александра, посетившие его в ссылке на Ангаре, 1925 год

исповедника на поселение в Туруханский край сроком на три года. Ссылку он отбывал на Ангаре.

Пребывание на севере подорвало его здоровье.

По возвращении из ссылки в Москву в 1928 году отец Александр, в сане протопресвитера, стал одним из ближайших помощников Заместителя Местоблюстителя Митрополита Сергия.

В 30-е годы он служил настоятелем храма Ризоположения на Донской улице в Москве. Один прихожанин храма – А. Б. Свенцицкий, так вспоминает о нем: "Я присутствовал в 1936–1937 годах много раз на служении отца Александра. Высокий, седой священник, тонкие черты лица, чрезвычайно интеллигентная внешность. Седые, подстриженные волосы, небольшая бородка, очень добрые серые глаза, высокий, громкий тенор голоса, четкие вдохновенные возгласы... У отца

Александра было много прихожан, очень чтивших его... И сегодня помню глаза отца Александра; казалось, что его взгляд проникает в твое сердце и ласкает тебя. Это же ощущение было у меня, когда я видел святого Патриарха Тихона при встрече его духовенством у храма "Неопалимая Купина" (1924 г.)... Так же и глаза отца Александра, светящийся в них свет говорят о его святости"[14].

В последний раз протопресвитер Александр Хотовицкий был арестован осенью 1937 года. Вскоре после этого он был расстрелян.

Литературное наследие отца Александра Хотовицкого богато и многожанрово. Это – проповеди, труды богословского содержания, статьи, посвященные примечательным событиям церковноприходской жизни в Америке в бытность его там, стихи. Но среди его сочинений особенно значителен и глубок труд "О молитве Иисусовой", написанный в начале 30-х годов. В предисловии к нему автор пишет, что в сочинении "вопрос о том, содержится ли спасительная сила в самом Имени Сына Божия или в том молитвенном состоянии, которое переживает призывающий это Имя... не затрагивается[15]". "Цель этой книги, – по словам отца Александра, – религиозно-практическая; когда больной получает исцеление от какого-либо лекарства, облегчение, он, естественно, хочет передать его другому"[16].

Этот труд об Иисусовой молитве, который автор снабдил подзаголовком "Сказание о ней святых отцев Церкви и старческие советы подвижников Божиих", основан на учении святых отцов: аввы Исаии, святого Марка Подвижника, преподобного Григория Синаита, аввы Исаака Египетского и других великих учителей молитвы; в то же время автор излагает в этой книге и те мысли и переживания, которые вынес он сам из своего опыта духовной жизни, из опыта непрестанного творения молитвы Иисусовой, питавшей его душу на протяжении многих лет его страдальческого, исповеднического жития.

Книга протопресвитера Александра Хотовицкого "О молитве Иисусовой" публикуется впервые, по рукописи, сохранившейся в личном архиве духовной дочери пастыря, учителя духовной жизни и мученика, пролившего кровь за Христа Спасителя.

Примечания

[1] Цит. по: Американский православный вестник, 1906, т. 10, № 5, с. 82.
[2] Цит. по: Там же, т. 18, № 5, с. 94.
[3] Цит. по: Там же, с. 92.
[4] Цит. по: Там же, т. 10, № 5, с. 89.
[5] Деяния Всероссийского Поместного Собора. М., 1918.
[6] Листовка [М., 1918], с. 1.
[7] Архив № Р–31344. Дело № 27910 – Обвинительные заключения.
[8] Там же. – Протокол судебного заседания, с. 14.
[9] Там же, с. 61.
[10] Там же, с. 62.
[11] Там же, с. 64.
[12] Там же. – Список активных реакционных деятелей Тихоновской Церкви, с. 76а.
[13] Там же, – Протокол допроса, с. 57.
[14] Свенцицкий А. Б. Отец Александр Хотовицкий (Рукопись), с. 1–2.
[15] Протопресвитер Александр Хотовицкий. О молитве Иисусовой (Рукопись), с. 1.
[16] Там же, с. 2.

Доцент МДА
протоиерей Владислав ЦЫПИН

Святыни каргопольские

Панорама города Каргополя

Кому посчастливилось побывать в северорусском городке Каргополе, тот на всю жизнь запомнил его белокаменные храмы. Всей своей красой город раскрывается с реки Онеги. У Каргополя она словно замедляет свое течение, чтобы город получше разглядел себя в зеркале ее вод, полюбовался своей суровой, надолго западающей в душу красотой. Удивленному взору открывается неповторимый ансамбль, в котором главенствуют многочисленные храмы.

Древнейший из них, времен Ивана Грозного, – Христорождественский собор. За свой долгий век он осел, словно врос в землю, но и сейчас поражает своей суровой простотой и величием. Но сегодня мало кто знает, что в нем хранилась одна из российских святынь.

На втором от иконостаса левом столпе в золоченом резном киоте помещалась чудотворная икона Казанской Божией Матери. Размером она небольшая: высотой 18 и шириной 15, 5 сантиметра. На иконе была серебряная позолоченная чеканная риза с венцом и короной-клобучком над головой Богоматери и подвеской-цатой. Украшали икону еще и ограненные под бриллианты стекла. Чем же знаменателен был этот образ?

Почти триста лет назад жила в Каргополе вдова Марфа Васильевна Пономарева, и икона эта тогда принадлежала ей. "24 февраля 1714 года, в четверг третьей недели Великого поста, в четвертом часу дня из правого ока Богоматери, – повествует сказание, – показался источник слезный". Заметила его Марфа Васильевна со своими домочадцами и тут же известила о случившемся своего приходского священника отца Ивана Михайлова.

Христорождественский собор в г. Каргополе. Храм ныне принадлежит Каргопольскому музею-заповеднику

Он, придя в дом к Марфе Васильевне и убедившись в необычном явлении, взял образ и перенес его в Крестовоздвиженский храм, где сам и служил.

Через некоторое время, теперь уже в храме, на образе вновь появилась "струя слезная", а на другой день стало видно, что слезы катились из двух очей Богоматери.

С чем связать явление чудотворной иконы в Каргополе в 1714 году? Пора эта для Каргополья была столь же печальной, что и смутные 1612–1616 годы, разорившие край. Только в эту пору запустение было связано не с нашествием вражеского воинства, а со строительством новой северной столицы. Каргопольский уезд был приписан к Санкт-Петербургской губернии, и туда все чаще начали требовать людей для строительства кораблей, на железорудные заводы и на "петербургские работы". Строить новую столицу посылали из Каргополья плотников и кирпичников, кузнецов и фонарщиков. С женами и детьми вынуждены они были навсегда уезжать из родных мест. В самом городе в ту пору пустовала почти половина дворов. Обезлюдела, опустела и разорена была и каргопольская деревня.

...По Каргополю и посаду быстро разнеслась весть о новоявленной иконе. В храм собралось множество духовенства и прихожан. Пришел соборный протопоп Козьма, главный из священнослужителей в городе, за полсотни километров приехал игумен известного на севере Ошевенского монастыря Иоанн. Услыхав о чудотворной иконе, приходили к ней и те, кто надеялись получить исцеление от своих недугов. Исцеления совершались в период между 7 марта и 20 июля 1714 года и были подтверждены свидетелями, а затем подробно записаны.

О новоявленной иконе и совершающихся чудесах донесли митрополиту Новгородскому Иову. Направили в Новгород и саму икону.

Вскоре нетерпеливые каргополы обратились к Владыке с просьбой поскорее возвратить их святыню в Каргополь. Владыка же повелел новгородским мастерам сделать для чудотворной иконы украшения. Наконец, к 7 ноября все было готово, и он послал икону в Каргополь вместе со своей грамотой, в которой писал: "...чудесами просиявшая икона... по благословению нашего смирения среброзлатокованою утварью украся... к вам в богоспасаемый город Каргополь... во утверждение граду вашему, в пользу же и спасение душ ваших посылаем... Да будет вам златоструетекущий источник благодати... во всегдашнее ваше духовное веселие и прочное радование... Вручаем вы непобедимей Воеводе, яко Матери премилосердной, да Сама правительствует стопы ваша, сказует пути спасения и укрепляет руки ваша на всякия благая деяния!.."

26 ноября того же 1714 года чудотворная икона Казанской Божией Матери была встречена многолюдным крестным ходом в городе и поставлена в Христорождественском соборе – главном и древнейшем в Каргополе. При иконе хранился ковчежец с губкой, которой отирали слезы на лике Божией Матери. Хранились здесь и документы, относящиеся к 1714 году, – "Сказание о преславном и новоявленном от чудотворного пресвятые и Преблагословен-

ные Владычицы образа именуемого Казанския, видении яже граде Каргополе неизреченным своим милосердием показался многоименитому народу"; копия "Сказания" с описанием чудес; грамота каргопольцев новгородскому Владыке от 12 октября 1714 года и подлинная грамота новгородского Владыки от 7 ноября 1714 года. Все эти документы были переплетены в одну тетрадь, разделенную шелковыми прокладками.

И по сей день приходили бы каргопольцы к своей святыне, если бы не послереволюционная разруха. Оклад с иконы, по всей вероятности, был конфискован в 1921—1922 годах по декрету об изъятии церковных ценностей. Сама же икона оставалась в храме до его закрытия.

В 1932 году в Христорождественском соборе помещался краеведческий музей. На дивном пятиярусном резном золоченом иконостасе петровского времени развесили теперь красные полотнища с призывом: "Колхозники, батрачки и беднячки! Рвите с религией, вступайте в союз воинствующих безбожников!"

В соборе хранился музейный фонд икон из разных церквей города, свезенных сюда после их закрытия. Приехавшая в 1932 году в Каргополь комиссия по учету икон отметила, что в музейном фонде "лишь изредка попадается вещь... письмо которой может быть названо средним. Большая часть икон принадлежит к петровскому времени". Живопись XVIII века искусствоведы тогда недооценивали, так как в России было еще множество древних икон. В соборной описи 1864 года было также сказано, что достоинство живописи чудотворного образа "среднее", следовательно, заинтересовать комиссию чудотворная икона Казанской Божией Матери не могла, если тогда она была еще в храме. Возможно, после закрытия собора она оказалась у верующих людей и хранится у них до сих пор.

И еще один чудотворный образ находился в городе Каргополе — икона

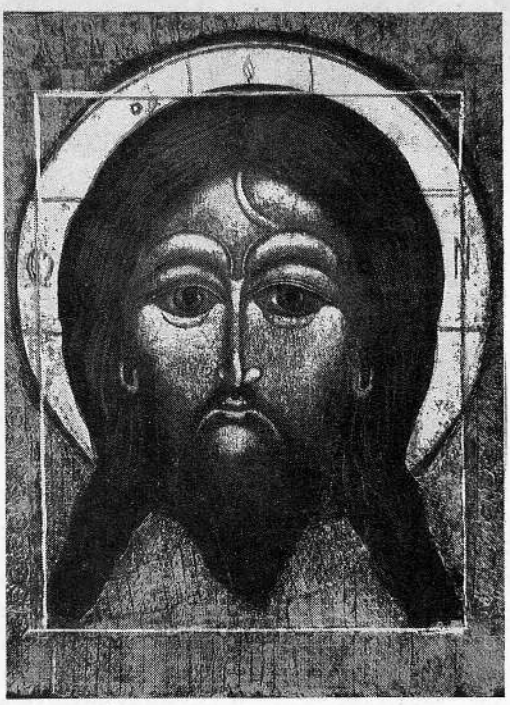
Церковь Спаса на Валушках в Каргополе. 1662 год (старое фото)

Спаса Нерукотворного. Чудотворная икона происходит из небольшой деревянной церкви, одноименной образу. Церковь Спаса на Валушках стояла в северной части Каргополя, в древней деревянной крепости с высокими рублеными стенами, могучими наугольными и проездными башнями.

К началу XIX столетия чудотворная икона помещалась в правом приделе, освященном в честь Нерукотворного образа Спасителя. Предание повествует, что, когда Христос утерся убрусом (полотенцем), на нем запечатлелся Его образ. В русской иконописи этот образ был широко распространен и чтился православными христианами как истинное изображение Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа.

Как сказано в описи, чудотворная икона Спаса Нерукотворного была мерою около одного аршина и украшена на деньги купца Сергеева, на чьи средства был сделан весь иконостас в Спасском приделе храма. Серебряную ризу и венец для образа заказал он в Москве в 1809 году, не пожалев для нее серебра, которого потребовалось 5, 6 килограмма.

Прославилась икона следующим образом. "В лето 1662-е, месяца мая в 8-й день", священник Дометиан и пономарь Василий пришли в храм Спаса на Валушках и начали готовиться к

Чудотворная икона Спаса Нерукотворного в басменном окладе. В настоящее время хранится в Архангельском областном музее изобразительных искусств

совершению литургии. Священник приблизился и иконе Спаса, чтобы поцеловать ее, как вдруг увидел текущие по Его лику слезы. Об этом он объявил духовенству Христорождественского собора и городскому воеводе Петру Дубровскому. Из собора к иконе направился крестный ход со множеством народа. Убедившись в чудном явлении, все прославили Бога. Губка, которой были отерты слезы на лике Спасителя, хранилась при иконе в серебряном ковчежце.

В 1921–1922 годах из церкви Спаса на Валушках были вынесены обобранные с чтимых икон богатые серебряные оклады. А в 1925–1927 годах Вологодский музей увез из Каргополя, в том числе и из Спасской церкви, несколько особенно ценных в художественном отношении икон. Чудотворный же образ забрал городской музей.

В сентябре 1932 года икона одной из первых была взята на госохрану приехавшим из Москвы известным специалистом по древнерусской живописи Ю. С. Олсуфьевым. В описи он особо отмечает, что этот образ почитался чудотворным.

Но не спешите в Каргопольский музей-заповедник, чтобы поклониться местной святыне. Ее там уже нет. В 1958 году икона Спаса Нерукотворного прибыла в Москву, в Центральные реставрационные мастерские. В акте по приемке произведений искусства, присланных из Каргопольского музея, икона числится под номером 11, и на ней стоит музейный номер 924. В паспорте на эту икону (который заводится на каждое произведение искусства, подлежащее реставрации) сказано, что каргопольская святыня состоит из трех сосновых досок, скрепленных двумя врезными встречными шпонками размером 74, 5 × 54, 5; поступила нерасчищенной.

В Москве икона была расчищена и по распоряжению Министерства культуры РСФСР отправлена в Архангельск. Но справедливо ли это? Образ Спаса Нерукотворного – это единственная сохранившаяся из известных нам каргопольских святынь, и она должна быть возвращена верующим города Каргополя.

Г. ДУРАСОВ

Малинка

(Чудеса преподобного Серафима)

Живя по окончании Академии в одном доме, я слышал следующий необыкновенный рассказ о чуде преподобного Серафима, нигде, однако, не записанном (а может быть, и записано оно в рукописях, но не обнародовано, потому что слишком уж сказочным кажется оно современному маловерующему интеллигенту).

Мне же это чудо не только не кажется необычнее других, но по сравнению с преображением преподобного Серафима, описанным у самого очевидца Н. А. Мотовилова, все остальное кажется уже очень простым, незначительным, "естественным".

И даже можно сказать, что рассказ о малинке является как бы продолжением, распространением преображения "твари", проявившегося в просветлении, странном и славном изменении лица отца Серафима, то есть плоти его, а она — из той же "земли", что и малинка.

Рассказ приведу по памяти: я не один раз слышал его.

"Вы знаете, — говорила мне О. В. О., — нашу няню-старушку Александру. Характер у нее был не из легких; но она была глубоко верующим человеком. И особенно любила и почитала преподобного Серафима. Она родилась, когда он жив еще был. А по смерти его по всей России особенно много рассказывалось о его жизни и чудесах. Теперь много позабыто... Няня любила, особенно по вечерам, рассказывать моим детям про Саров и его угодника. И они с замиранием сердца и совершенною верою принимали все, что она говорила им. Я же сидела и тоже слушала. Детям ничуть не казалось необыкновенным никакое чудо. Им даже не приходилось доказывать, что все это правда. "Конечно, правда! — чуяло чистое детское сердце. — Да и как может быть неправда, когда Боженька все может?! А батюшка отец Серафим все мог вымолить у Него. Ну, няня, расскажи". "Дело было давно, — начинала не торопясь старуха с перерывами. — Приехал в Саровский монастырь новый архиерей. Много наслышан был он об угоднике Божием, но не верил сам рассказам о чудесах батюшки. А может, и люди зря чего наговорили ему? Добру-то мы не охотники верить, а уж поязычить друг на друга — хлебом нас не корми — страсть любим это".

Детям было непонятно слово "поязычить", но они боялись прервать рассказ няни и молчали. Да и няня не любила, чтобы ее перебивали.

"...Встретили архиерея монахи со звоном, честь-честью, в храм провели, потом в архиерейские покои. Ну, угостили его, как полагается. На другой день служба. Осмотрел все архиерей и спрашивает: "А где же живет отец Серафим?"

А батюшка тогда не в монастыре жил, а в пустыни своей. Подали архиерею лошадей. А была зима, снегу-то в саровских лесах — сугробы во какие!" — и няня поднимает руку выше головы своей. "Дети же и сами не раз бывали в Сарове, я их любила возить туда. И монахи любили их, считали своими. А из имения нашего мы пожертвовали монастырю и лошадей, и коляску. Была особая наша тройка", — пояснила рассказчица.

Но мне самому, как и детям, хотелось слушать о чудесах, а не о тройках и монахах...

"Насилу проехал архиерей. Да и то последнюю дорожку и ему пешочком пришлось", — продолжала няня.

Детям уже становится трудно

ждать, когда же наконец чудо-то будет? То о снеге, то об архиерее... Поскорей бы поинтереснее. Но няня не любит, чтобы ее прерывали.

"...Батюшку предупредили, что сам архиерей идет к нему в гости. Угодничек Божий вышел навстречу без шапочки (клобука) и смиренно в ноги поклон архиерею положил. "Благослови, – говорит, – меня, убогого и грешного, святой Владыка! Благослови, батюшка!" Он и архиерея-то все звал: батюшка да батюшка.

Архиерей благословил и идет впереди в его пустыньку. Батюшка под ручку его поддерживает. Свита осталась ждать. Вошли, помолились, сели. Батюшка-то и говорит: "Гость у меня высокий, а вот угостить-то его у убогого Серафима и нечем".

Архиерей-то, думая, что батюшка хочет его чайком угостить, и говорит:

– Да ты не беспокойся, я сыт. Да и не за этим я к тебе приехал и снег месил. Вот о тебе все разговоры идут разные.

– Какие же, батюшка, разговоры-то? – спрашивает угодник, будто не зная.

– Вот, говорят, ты чудеса творишь.

– Нет, батюшка, убогий Серафим чудеса творить не может; чудеса творить лишь один Господь Вседержитель волен. Ну, а Ему все возможно, Милостивцу. Он и мир-то весь распрекрасный из ничего сотворил, батюшка. Он и через ворона Илию кормил. Он и нам с тобою, батюшка, вот гляди благодать-то какую дал.

Архиерей взглянул в угол, куда указывал угодничек, а там большущий куст малины вырос, а на нем полно ягоды спелой.

Обомлел архиерей и сказать ничего не может. Зимой-то малина, да на голом полу выросла! Как в сказке!

А батюшка Серафим взял блюдечко чайное да и рвет малинку. Нарвал и подносит гостю. "Кушай, батюшка, кушай! Не смущайся. У Бога-то всего много! И через убогого Серафима по молитве его и по Своей милости неизреченной Он все может. Если веру-то будете иметь с горчичное зерно, то и горе скажете: "Двинься в море!" Она и передвинется. Только сомневаться не нужно, батюшка. Кушай, кушай!"

Архиерей все скушал, а потом вдруг и поклонился батюшке в ножки. А батюшка опередить его успел и говорит: "Нельзя тебе кланяться перед убогим Серафимом, ты – архиерей Божий. На тебе благодать великая! Благослови меня, грешного, да помолись!"

Архиерей послушался и встал. Благословил батюшку и только два-три словечка сказал:

– Прости меня, старец Божий: согрешил я перед тобой! И молись обо мне, недостойном, и в этой жизни, и в будущей.

– Слушаю, батюшка, слушаю. Только ты до смерти моей никому ничего не говори, иначе болеть будешь...

Глядит архиерей, а куста-то уже нет, а на блюдечке от малинки сок кое-где остался, – значит, не привидение это было. Да и пальчики у него испачканы малинкой.

Вышел архиерей. Свита-то его дожидается. "И чего это, – думают, – он так долго говорил с батюшкой Серафимом?" А он, без шапочки, опять под ручку его ведет до самых саночек. Подсадил и еще раз в снег поклонился.

А архиерей, как только отъехал, говорит своим: "Великий угодник Божий. Правду про него говорили, что чудеса может творить". Но ничего про малинку им не сказал. Только всю дорогу молчал да крестился, а нет-нет и опять скажет: "Великий, великий угодник!"

А когда скончался батюшка, он и рассказал всем про малинку".

Дети с широко раскрытыми глазами молча переживали Божье чудо..

Митрополит ВЕНИАМИН
(Федченков)

В. М. ВАСНЕЦОВ

О русской иконописи

Для нас, православных верующих христиан, ясно, что иконопись в храме имеет великий смысл и значение. Значение ее прежде всего молитвенное, потом учительное и, наконец, служащее к украшению храма, то есть, выражаясь современным языком, художественно-декоративное.

Основы иконописи положены были греками, ими разработаны, развиты и приведены к высокому совершенству. Древняя византийская иконопись есть основание всей иконописи христианства, и в особенности нашей, русской. Даже в церковном искусстве западной католической Церкви во многом чувствуется отзвук тем Православной Византийской Церкви, хотя иконопись Запада в позднейший период совершенно обмирщилась: достигнув поучительного, высокого художественного совершенства, стала искусством светским, так сказать "от мира сего". Византийская иконопись значительно ранее западной в своих известнейших и совершеннейших образцах достигла также высокого совершенства в изображении явлений и лиц именно "не от мира сего" — мира духовного, хотя в стиле и формах своеобразных, совершенно отличных от реалистического западного искусства. Прежде всего эта ее особенность отразилась, конечно, в изображениях ликов Божественных, небесных Сил, символов, а затем в изображениях ликов земной Церкви, Апостолов, мучеников, отцов Церкви и т. д.

Не вдаваясь в археологические и исторические подробности, можно признать, что ход развития и совершенствования византийской иконописи завершился XI и XII веками, а начался почти с первых веков христианства. Хотя в самый ранний период в римских катакомбах росписи стен исполнялись еще в классических формах, особенно в символах и аллегориях, но уже и в катакомбах встречаются изображения, которые следует приписать греческому творчеству, как, например, известный лик Спасителя в катакомбах Калликста, изображение Богоматери, молящейся, с Младенцем на груди, весьма напоминающее наш православный образ "Знамение". В дальнейшем развитии византийской иконописи создались уже образцы высокого духовного совершенства, не превзойденные искусством Запада и положенные в основание всего христианского церковного искусства.

Первее всего укажем, конечно, на лик Господа, на лик Христа. Начиная с указанного лика в катакомбах (V—VI века) развитие этого изображения достигло высочайшего совершенства к XI веку и дало такой лик, как образ Вседержителя в апсиде палермского Монреале. Хотя храм этот и католический, но все мозаики созданы и исполнены греками по их композициям и образцам, и могущественный этот образ Христа-Вседержителя поражает особенно выражением духовной, Божественной, творческой силы и сверхмирной любви. Кто его видел даже и в фотографиях, тот знает неотразимость его впечатления.

Основные типические черты, достигшие необычайной высоты и совершенства и выразившиеся в этом лике, установившиеся, конечно, ранее, по существу нигде уже не изменялись. Очевидно, лик этот служил основой и наших изображений Вседержителя, как, например, в куполе Софийского собора в Новгороде и во всех других изображениях Христа-Вседержителя и вообще Спасителя в русской иконописи, в наших иконах – иногда только со смягченным выражением лика и глаз, свойственным более нашей славянской натуре.

В искусстве Запада, в лучших произведениях его гениальнейших художников, изображение Христа почти всегда самое слабое место (у Рафаэля, Леонардо да Винчи и у других) и никак уже не может идти в сравнение с ликом Христа в византийском искусстве, даже и не в первоклассных иконах. У Микеланджело в "Страшном суде" Христос просто заменен античным Аполлоном. Только в Сиенской школе лик Христа несколько ближе к греческим иконописным традициям.

Изображение Богоматери как в византийском церковном искусстве, так и в западном католическом разработано с особенным рвением и любовью и дало великие плоды. Но в том и другом искусстве образ Богоматери создался с особенными характерными чертами, резко отличающимися друг от друга. В художественных изображениях Богоматери (Мадоннах) гениев Запада искусство их создало и дало образ земной Матери Предвечного Младенца, в земных условиях, Матери Сына человеческого, Матери – Непорочной Пречистой Девы, как это выразилось у Рафаэля с недосягаемым совершенством в его лучших Мадоннах.

Восточная Православная Церковь Византийская создала изображение Богоматери – Матери Господа Вышнего, Царицы Небесной, Заступницы усердной всего мира, Утешительницы, "Всех скорбящих Радости"... Если мы не укажем Божественной Матери Бога, в полноте и совершенстве выраженной чьим-либо личным гением в византийском искусстве, как на Западе Рафаэлем, то, во всяком случае, в лучших византийских образах в общих чертах лик Божией Матери совершенно и ярко обособляется от изображений западных своим духовным содержанием. Наша Богоматерь есть действительно Матерь Бога Живого, через Нее воплотившегося. Во всех иконах и изображениях Божией Матери в Православной Церкви выражение лика величественное – "величит душа моя Господа..." – и при этом скорбное и сострадательное, в лике Ее отражается как бы и скорбь о Сыне Своем – Жертве за грехи мира – и о всем страждущем греховном человечестве. Нет ни одного образа Божией Матери в византийской и нашей иконописи без этого величавого и скорбно-сострадательного выражения Божественного Лика; все наши лучшие образы: "Владимирская", "Смоленская", "Иверская" и другие – запечатлены им, и в образах Православной Вселенской Церкви оно останется навсегда; даже в образе "Умиление" при изображении трогательной любви к Сыну и всему миру остается тень этого выражения, как и в образе "Всех скорбящих Радость". Я бы даже позволил себе сказать, что тема изображения Приснодевы Марии – Матери Бога Живого – Царицы Небесной, Заступницы Усердной, полной любви и сострадания к человечеству, еще не осуществившаяся во всей ее полноте и совершенстве в нашем православном искусстве, как удалось художникам Запада осуществить тему земной Матери-Девы в их Мадоннах, должна бы, по-моему, составить задачу для будущего гениального православного художника*.

---

* Здесь сказалась внутренняя отдаленность от Церкви представителей русской культуры на рубеже веков, которая не позволила даже такому церковному православному художнику, как В. М. Васнецов, оценить духовную глубину, полноту и совер-

Третьим ликом византийской иконописи следует, как в "Деисусе", поставить лик Иоанна Крестителя. В греческой иконописи лик Предтечи Господа выражен до совершенства в своих основных и характерных чертах. Западное искусство не дало такого лика. На Западе он опять слишком земной, натуралистический, хотя и с намеком на установившийся византийский тип. В византийском искусстве Предтеча – строгий аскет, великой духовной силы пророк, *Глас вопиющего в пустыне, уготовляющий путь Господень*... Изможденное постом лицо, темные обильные длинные волосы и борода, разделенная на много прядей, пламенные большие глаза, исполненные великой духовной силы, – истинный пророк! Наш гениальный Иванов, видимо, был вдохновлен этим ликом в своем великом произведении "Явление Мессии народу". Этот лик Предтечи и Крестителя проходит решительно во всех образах византийской и русской иконописи – и в лучших, и в самых слабых – и установился в иконографии как канон, как и Лики Христа и Богоматери. Повторяю: в западном искусстве нет такого Крестителя.

Лики Апостолов греческими изографами доведены также до совершенства и почти до характера портретов; по крайней мере, основной тип их установился настолько незыблемо, что и представить трудно другими, например, Апостолов Петра, Павла, а также Иоанна Богослова, Матфея, Марка и других. Установился даже цвет их одежд, что еще более облегчает молящемуся узнавать, кто перед ним изображен и к кому обращена его молитва. У Апостола Петра всегда несколько вьющиеся недлинные волосы с проседью, недлинная борода, обрамляющая лицо; синий или синеватый хитон и желтокрасноватый гиматион. Апостол Павел сильно лысый, с темными волосами и темной довольно длинной бородой; глаза темные, выражающие внутреннюю энергию, и сильно выраженный еврейский склад лица; одежда нижняя – темно-зеленая, почти оливковая, верхняя – красноватая, багряная, иногда (у нас) совсем красная.

Описывать всех остальных Апостолов, я думаю, нет необходимости; но следует указать на стремление у древних иконописцев придавать изображаемому лицу жизненные черты, всегда, впрочем, ограниченные чувством строго церковного стиля, величественного и возвышающего молитвенное настроение, никогда не доходившего до внешнего натурализма западного искусства, где характерные черты святых постепенно сглаживались [и приобретали черты] случайных натурщиков.

Лики отцов Церкви и других святых в византийской иконописи также доведены почти до портретной характеристики при сохранении также строгости и величия стиля, что мы видим отчасти в мозаиках нашего киевского Софийского собора, исполненных греками (XI век). Припомним, например, Василия Великого с длинной темной бородой и величавым выражением в лице и фигуре; Иоанна Златоуста с высоким челом, с маленькой некрасивой бородкой, с большими серыми, но пламенными глазами и Григория Богослова с недлинной окладистой бородой и со спокойным выражением глаз. Припомним еще святого Николая Чудотворца, так любимого и чтимого Православной Русью, его высокое чело, его короткие волосы и небольшую бороду с сильной проседью, его выразительные, энергичные, любящие и кроткие глаза.

Но где проявилась мощь греческого творчества в церковном искусстве,

---

шенство русских иконописных образов Пресвятой Богородицы – в народном сознании именно Заступницы Усердной земли Русской. – *Ред.*

так это в изображениях Ангелов: они гениально сумели воплотить бесплотные Силы. Архангелы Михаил и Гавриил определяются в изображениях их как личности. С огромными крылами, иногда орнаментально разработанными и цветными, в роскошных царских одеждах, украшенных камением честным, а иногда и в скромных белых одеждах, с величавыми лицами прекрасных юношей, они производят неотразимое впечатление и вводят молящегося в мир небесных Сил бесплотных, но живых духов и святых существ. Ангелы византийской иконописи всегда юноши, а не в виде красивых, грациозных женщин, что зачастую встречается в священных изображениях западных. К крайнему сожалению, наш великий Иванов в своих знаменитых библейских эскизах искал Ангелов в ассирийских дивах и просмотрел великих Ангелов Вселенской и Византийской Церкви.

Но изображение главнейшего Лика Божественного – Бога Отца в византийском искусстве мало встречается – мне лично, по крайней мере, не вспоминается, а если и есть, то, вероятно, в полной силе не выразилось. В нашей же русской иконописи, во многих изображениях в куполах и иконостасах, Он является выраженным с необычайной силой в полной мощи Бога Отца, Творца Вселенной и Промыслителя: в виде могучего Старца в образе "Отечества", с Сыном на лоне и исходящим от Отца Святым Духом в виде голубя, в светлых одеждах сидящего на троне, на облацех, на пламенных Серафимах или окруженного ими. Образ силы необыкновенной, даже и в изображениях XVIII века. Изображался Бог Отец и в западном искусстве, но в слабом очень представлении и формах (как у Рафаэля и других), более удачно – у Микеланджело на плафоне Сикстинской капеллы.

То же можно сказать и об изображениях мучеников, преподобных, подвижников, равно как и о символических изображениях (орнаментальных и лицевых): орел, лев, телец, Ангел у евангелистов, агнцы, святая Евхаристия, литургия Ангелов и др.

Что касается сложных, многоликих церковных изображений, как-то: библейских и евангельских событий, праздников и т. д., то композиции их также сложились в определенные стройные формы и традицией установились, как канон, большей частью навсегда неизменными; даже и с внешней стороны, иконописно-декоративной и орнаментальной, они также почти не изменялись: золотой фон, нимбы святых, часто орнаментальные. Золотой фон на стенах, в куполах и на многих образах, придающий столь торжественный вид византийским и русским храмам и, видимо, изображающий свет небес, навсегда остался в нашей православной иконописи как колоритное дополнение к цвету и краске; он, правда, встречается и в западном искусстве.

Вообще должно признать, что все установившиеся священные изображения византийской иконописи в основных формах их сохранялись в продолжение многих веков бытия христианства, как в греческой иконописи, так и в нашей, русской, особенно в первые времена по принятии русскими христианства. Конечно, в течение долгого времени варианты и видоизменения в подробностях происходили соответственно веку, месту и народному творчеству, но основной дух и облик изображений строго церковного характера оставался неизменным.

Такую ярко проявившуюся силу творчества греков в церковном искусстве, и особенно в иконописи, приходится объяснять вообще их превосходящим другие народы творческим темпераментом, с такой необычайной силой проявившимся в древнем, еще языческом их состоянии. Их архитектура, их скульптура до сих пор не превзойдены и служат идеалом художественным – так, вероятно, по некоторым данным (на вазах), было и в их живописи, хотя

памятники ее почти совершенно исчезли. Древним грекам язычникам дано было воспроизвести в ваянии красоту человека в идеальной его форме, созданной Самим Творцом, красоту первозданного Адама; они исполнили свою миссию честно и свято перед Творцом и человечеством. Нагая красота человека, мужа и жены, изваянная ими в камне, прекрасна и целомудренна и всегда настраивает возвышенно эстетически, но не чувственно. Творец всяческих не отнимет у греков их "благую часть" и плод их творчества, как и искание их философами идеи Истинного Бога, – примет как "приумноженный талант". И милость Божия к этому великому народу проявилась в создании ими христианского церковного искусства. В величавых фигурах и Ликах Божественных, в фигурах и ликах святых и Ангелов проявляется их древнее глубокое знание строения человеческого тела. Одежды на них хотя и строго стилизованы, иногда даже орнаментальны, но всегда отвечают натуральному строению тела человека, за исключением разве голых тел аскетов и женщин, у которых аскетическая изможденность иногда излишне подчеркивается, что, конечно, объясняется как противовес прежнему, языческому крайнему увлечению плотью и чувственностью и во избежание возможного соблазна.

Наша русская иконопись, как и вообще церковное наше искусство, с принятием христианства (в X веке) от православных греков восприняла и все основы церковного греческого искусства. В первое время, естественно, все образа в храмах и домах были греческие и исполнялись греческими изографами. Но уже в XI–XII веках начали работать и русские иконописцы – разумеется, под руководством греков и по их образцам. Запрестольный образ Евхаристии в Киеве в Михайловском Златоверхом монастыре (XII век, мозаика) явно носит признаки уже негреческие как в лицах, так и в фигурах, хотя общая композиция изображения, несомненно, греческая.

Затем росписи храмов русскими иконописцами начали распространяться, вероятно, и во всей тогдашней Руси.

В Новгороде зачалась уже своя, так сказать национальная, школа (Новгородские письма), имевшая огромное значение для всего иконописного дела в России. Были, конечно, и киевские иконописцы (святой иконописец Алимпий), но образцы южной, киевской иконописи неизвестны нам – по крайней мере, не определены ясно иконографами. В росписях Софийского собора, Кирилловского храма в Киеве работали, очевидно, еще греческие изографы. Мозаики Софийского собора, несомненно, исполнялись греками и, по всей вероятности, теми же мастерами, что работали в храме Монреале в Палермо.

Из Новгорода иконописцы и мастерские распространились и по другим городам русским: в Москве, Пскове, Твери, Ярославле и др. Признаки Новгородских, Московских, Ярославских, Северных писем уже значительно определены иконографами; местные же признаки иконописи Пскова, Твери, Нижнего Новгорода и других городов еще недостаточно выяснены археологической наукой, а потому вдаваться в подробности определения отличий и признаков местных писем и школ нет оснований.

Но выяснить и по возможности определить особенности нашей национальной иконописи в отличие от греческой хотя бы до некоторой степени весьма желательно и даже необходимо. Отличия эти с постепенным развитием нашей русской иконописи развиваются и увеличиваются включительно до конца XVII века.

Сохраняя общий, основной строй композиции изображения и стилизацию фигур и ликов, русская иконопись начинает придавать ликам уже свои, русские черты, свои национальные признаки, что особенно проявляется в характере глаз. В изображениях греков иконописцев глаза всегда большие, резко

выраженного народного греческого типа. У русских же иконописцев появляются глаза уменьшенные и других очертаний, с более мягким выражением. В Новгородской иконописи, впрочем, довольно долго еще сохранялся склад греческих глаз. В так называемых Московских письмах, особенно ранних, глаза носят особенное, кроткое и тихое, выражение, что, вероятно, следует объяснить влиянием великого нашего иконописца Андрея Рублева: во всех изображениях, приписываемых ему, глаза именно таковы, и даже у его вероятных учеников и последователей.

Начинается также в русском иконописном искусстве явное стремление вносить свои краски и цвета в иконописные изображения. Вначале, как и у греков, цвета еще скромны, в гамме сине-фиолетовых тонов, темно-пурпуровых с потушенными другими красками и с обилием белого цвета в гамме фресковых цветов и красок. Но потом у русских иконописцев является склонность к более сильной, яркой гамме красок, к более оживленной и колоритной. Является сочетание цветов красного, синего, зелено-оливкового, багряного, охряного, коричневого с их разбелами. Особенно интересно и характерно введение яркой красной киновари (XV–XVI века) замечательно красивого тона и наиболее красивой в Новгородских письмах. В Московских письмах киноварь мутнее, особенно в позднейших (XVII век) образцах.

Но яркость гаммы нисколько не мешала общей гармонии орнаментальной росписи в храмах и образах; она только придавала жизненность, оригинальность и своеобразную красоту этим проявлениям национального колоритного вкуса. Дисгармония ярких красок в росписях и образах нигде не замечается, и это указывает на особый, свой колоритный порыв древнего русского художника. Связанный необходимостью держаться искони установленных форм и построений изображений из опасения утратить их религиозный смысл и значение, он невольно устремился излить свою художественную душевную потребность в колоритных сочетаниях цвета и краски, и это ему вполне удается не в ущерб одухотворенности, религиозному настроению и смыслу изображаемого.

Постепенно развивались также построение и композиция образов, особенно в росписях храмов, где распределение изображений по стенам, плафонам, сводам и столбам должно было применяться к ним и видоизменять композиции сообразно плану храма, что и должно было невольно заставлять иконописцев создавать новые варианты изображений.

Кроме того, появились новые сложные сюжеты и темы вроде "Достойно есть", акафисты, Символ веры и другие сложные композиции, а также жития святых русских, некоторые исторические события Родины, освященные религиозным подъемом. Сложные сюжеты требовали особенного творческого напряжения тогдашних художников, и создавалось ими иногда чрезвычайно интересное и оригинальное по художественному замыслу. С особенной любовью иконописцы занимались темой "О Тебе радуется, Благодатная". Среди изображений этого сюжета есть изумительные по художественной тонкости, глубине и поэзии. <...>

В житиях русских святых появляются уже совершенно русские подробности и есть попытки даже изображать свою, русскую природу. Трогательно всегда трактуется житие Бориса и Глеба, любимых святых наших средних веков. В Ростове и Ярославле в росписи храмов, и особенно алтарей, замечательны необычайные и сложные композиции литургического и мистического содержания с глубоким идейным проникновением в Таинство Евхаристии, необычайны они и по своей художественной орнаментальности.

Не находя возможным в кратком по необходимости обзоре перечислить все высокохудожественное и глубоко религиозное, созданное русской иконо-

писью сначала под руководством греков, а потом уже самостоятельно вплоть до конца XVII века, мы можем только утвердительно установить, что русская иконопись не только обособилась от подлинно византийской, но и получила самостоятельное бытие и стала национальным искусством православного русского народа, сохранив при этом и строго оберегая все существенные и основные каноны иконописи и их религиозное значение, выработанные греками.

Расцветом древней русской иконописи справедливо считают XV и XVI века, и самым высоким пунктом расцвета считается Андрей Рублев и его преемники. В образах, приписываемых Рублеву, есть какая-то особая грация и нежность в ликах и фигурах и особая тонкая гармония красок и тушевка их и проявляется даже при строгом стиле некоторое стремление к наблюдению живых форм, отразившееся в нежном выражении глаз и в своеобразном изяществе рук.

Конец XVII века, как известно, заканчивает творческий период нашей национальной иконописи: предчувствуется переворот и перелом всего строя бытия русского народа – и государственного, и общественного. Выразителем последнего периода русской иконописи всеми признается Симон Ушаков. При несомненном крупном личном таланте в нем проявляется ясно выраженное стремление оживить формы иконописных изображений наблюдениями натуры; многое ему и удалось, но в общем его художественные попытки уже как бы предсказывали полный упадок традиций нашей древней национальной иконописи.

С XVIII века под напором европейского Просвещения нарождается наше светское искусство – живопись и скульптура. Влияние европейского искусства отражается и на нашей иконописи, и – увы! – не ко благу ее. Светское же искусство русское под влиянием Европы, наоборот, растет и развивается. Уже в XVIII и начале XIX века явились такие художники, как Левицкий, Боровиковский, Лампи, Кипренский и другие, а в продолжение XIX века зачалось уже подлинное живое русское искусство.

В иконописи же европейское влияние не только не дало ничего выдающегося, но привело наше религиозное искусство к полному почти упадку, которое превратилось в формальное, безжизненное искусство, академически натуралистическое со святыми – натурщиками и манекенами.

Хотя некоторые – Лосенко, Боровиковский и другие – пытались создавать художественные образа на итальянский манер, но, конечно, это была не иконопись в настоящем смысле. Кстати, впрочем сказать, что все-таки образцы и этого искусства, местами искреннего, следует беречь, как памятники времени, а также и из опасения заменить их чем-либо худшим.

Если желательно сохранить памятники и этого навеянного и чуждого нам искусства, то что же сказать о памятниках нашего древнего народного искусства? Всякий просвещенный народ оберегает свое достояние, а тем более он должен беречь достояние духовное – религиозное, созданное и оставленное ему предками. В данное, переживаемое нами время эта священная обязанность падает на нашу Православную Русскую Церковь по отношению ко всем памятникам церковного художественного творчества: к иконописи, утвари, одеянию древнему, архитектуре, к древней письменности и т. д. Церковь обязана принять все меры к сбережению и сохранению своего церковного духовного достояния, как церковной святыни, как художественной и национальной святыни. До сих пор мы слышали упреки церковному управлению в небрежении о сохранении памятников церковного искусства, письменности и прочего, и большею частью справедливые. Конечно, главные причины этого небрежения – отсутствие необходимых сведений, затем и нерадение. Но все подобные

упреки можно ведь отнести и к светскому государственному управлению, также плохо оберегавшему вообще памятники художественные. Однако и само просвещенное общество, так ретиво обличавшее и обличающее наше духовенство, только в сравнительно очень недавнее время обратило серьезное внимание на эту область художественной старины; пока и у него самого, по-видимому, не все обстоит благополучно. В лице своих просвещенных любителей, ценителей, собирателей художественной старины и коллекционеров и даже самих ученых просвещенное общество наше далеко не безгрешно в разрушении художественных памятников, в расхищении церковной художественной древности, письменности, икон, одежд, утвари и прочего. На душе архитекторов также лежит, не в обиду будет сказано, много грехов по этой части: и разрушение храмов древних, и замена их новыми, конечно, по их мнению, лучшими, и неосмотрительные варварские реставрации, и т. д., и т. д.!

Благодаря сему указанному небрежному отношению русского образованного общества всех слоев к художественной старине, а также свойственной нам неосведомленности и обычной халатности весьма и весьма многое из памятников ее и предметов уже утрачено, разрушено, расхищено и распродано; но все же много охранялось и сохранилось. И, между прочим, следует напомнить, что особенно заботливо оберегало и художественную древнюю иконопись, и старину наше староверство, которому во имя справедливости мы должны выразить за это глубокую благодарность, и молим Бога, чтобы скорее настал тот день, когда они братски с нами воссоединятся.

Вот это-то сохранившееся наследие великих предков Церковь и должна принять на себя обязанность сохранять и беречь. Но при этом необходимо установить, что право Церкви на ее художественное достояние неотъемлемо и непререкаемо: оно веками ею созидалось и ее нуждами вызывалось к бытию. Государство же по своему прямому назначению обязано со своей стороны всеми силами и средствами помогать Церкви оберегать ее художественные сокровища, как народное имущество, но только как сотрудник, не как соперник, и ни в каком случае не посягая на ее законные и прямые права. В страшные и печальные дни, переживаемые нами, мы убеждаемся и видим, что государство совсем и не в состоянии оберегать и спасать не только художественные и всякие сокровища, но и вообще имущество и жизнь своего народа... И посягают, разгромляют пушками и разрушают дорогое нашей душе достояние не враги внешние, не немцы, не пруссаки, не австрийцы, не турки, а наши природные русские солдаты, защитники Родины. Не дай Бог никакому народу переживать такой ужас и позор!..

Впрочем, Бог не без милости и в наши печальные дни; возблагодарим Его за милость, оказанную православному русскому народу и Церкви за восстановление Патриаршества и за возглавление ее уже избранным и поставленным Святейшим Патриархом. Будем надеяться, что восстановленное древнее управление Церкви нашей даст возможность и силы к обережению и сохранению ее святынь. Учреждаемая Палата при Святейшем Патриархе, будем надеяться, примет целесообразные меры к сбережению своих и национальных сокровищ и имущества, накопленного веками, и исполнит чаяния и желания людей, понимающих и искренне любящих родное искусство.

Определяя и уясняя себе все ценное, созданное византийской и нашей иконописью, в религиозном, церковном смысле, мы не должны забывать для нашего назидания и поучения и того, что сделало западное искусство для своей Церкви католической (отделившейся от нас).

Во все средние века, в эпоху прерафаэлитов и так называемого раннего Возрождения, чувствовалась еще и отражалась связь европейского творчест-

ва с традициями византийскими. В религиозных произведениях художников тех времен сохраняется еще церковное настроение, хотя в формах реальных, более или менее и житейских, как, например, у Чимабуэ или Беллини, Филиппино, Беноццо Гоццоли, Луки Синьорелли (конец XV и начало XVI века) и в особенности у Фра Беато Анджелико (монах художник первой половины XV столетия) с необычайно возвышенным и религиозным настроением, очень близким по искренности к настроению и направлению византийских и наших иконописцев, и других; и даже в самом Джотто (начало XVI столетия), признаваемом за основоположника и провозвестника Возрождения, с большой силой и ярко проявляется церковное настроение.

Художники раннего Возрождения, хотя отчасти и бессознательно, шли по тому же пути, по которому художники позднейшего Возрождения (XVI век) пошли уже вполне сознательно и уверенно: Микеланджело, Рафаэль, Леонардо да Винчи и их современники. На началах и основах древнегреческого языческого искусства – я сказал бы, э л л и н с к о г о в отличие от византийского – создалось искусство европейское, искусство Возрождения, не менее великое и значительное для всего человечества, чем искусство древнегреческое, и даже в выражении духа и душевных явлений превзошедшее последнее. Но искусство это было мирское – светское, как принято его называть, а не церковное и религиозное, хотя почти все темы его и содержание были религиозные и библейские. В настроении самых значительных произведений великих художников того времени исчезает то, чем особенно сильно византийское искусство.

Но среди произведений гениальных художников этой великой эпохи, как бы ушедших от христианских и церковных задач, появляются иногда произведения необычайной духовной силы и религиозного подъема, которых не могла бы отвергнуть без колебаний Церковь, даже и наша Православная. Я укажу прежде всего на Сикстинскую Мадонну Рафаэля с Предвечным Младенцем. Сама Мадонна с прекрасным девственным лицом – Непорочная Дева Мария, хотя и земного вида и форм, но Мать Божественного Младенца, носящего в Себе образ – в глазах и Лике – и Творца и Мессии, Спасителя мира, предчувствуемого в Его прекрасных младенческих чертах. Более сильно и художественно выраженного Младенца-Христа ни в каком искусстве и ни у одного художника не встречается, даже в византийском... В нашем Эрмитаже есть небольшой образ Рафаэля (цел ли он?) – так называемый "Конестабиле", где Мадонна юнее Сикстинской и чистота и непорочность Девы Марии еще сильнее выражена. Такой образ можно признать молитвенным и для чувства православного.

Насколько не удалось европейскому церковному искусству найти и выразить Христа в зрелом возрасте, настолько им удалось воплотить Младенца-Христа в указанном образе Рафаэля – Сикстинской Мадонне. Христос зрелого возраста, явленный Спаситель мира и Вседержитель, во всю возможную для человеческого представления силу явился в византийской Православной Церкви в изображении скромных греческих изографов, безвестных и скрытых имен.

Другие гении художники Запада также носили в себе и воплотили некоторые черты церковности. Моисей Микеланджело, хотя и изваянный из мрамора, до такой степени воплощает в своей мощной и величественной фигуре силу и дух библейского пророка Моисея, что другим его трудно и представить. Бог Творец на плафоне Сикстинской капеллы, прикасающийся перстом к Адаму, сильно и религиозно выражает Свою Божественную, Творческую силу. "Страшный суд" Микеланджело, также в Сикстинской капелле, есть

действительно потрясающий и страшный суд Божий над греховным человечеством...

То же можно сказать и о третьем гениальном художнике Возрождения – Леонардо да Винчи; в его Мадоннах много религиозной поэзии, а "Тайная вечеря" в Милане настолько монументально и религиозно продумана, что решительно не противоречит и нашим церковным представлениям.

Неполный и по необходимости краткий обзор свершенного искусством греко-византийским, западным и нашим, русским за прошедшие века предуказывает нам, куда должен направить свой путь художник (особенно религиозный), чтобы взрастить Богом данный талант и дать *плод добрый*, а не зарывать его в землю, как лукавый и ленивый раб, и не растрачивать его и развивать по ветру современных течений, умерщвляющих самый смысл, жизнь и бытие искусства. А для этого будем поучаться и учиться у прошлого и работать, неустанно работать, но уже самостоятельно, на своей родной, русской почве, а художник-иконописец – на неуклонно православной. Будем стремиться приумножить наследие, оставленное нам нашими предками, скромными иконописцами, будем стремиться осуществить наши верования и чаяния в живых совершеннейших художественных образах и формах. Будем вдохновляться и учиться, но не повторять безжизненно и равнодушно то, что уже давно сделано нашими предшественниками.

Художник нашего времени и будущего с творческим талантом, принимающий на себя столь ответственную задачу, как расписание храма или исполнение образа, обязан, в меру своего таланта и свободного вдохновения, искать основы своего творчества в древней византийской и нашей иконописи.

Художники-иконописцы древних времен, жившие в века великого религиозного подъема и напряжения, смогли создать образы, в которых полно и многосторонне отражается религиозное молитвенное настроение как окружающих их людей, так и их самих. В своих вдохновенных молитвенных созданиях они сумели осуществить и закрепить на стенах храмов и образах догматическую и учительную стороны Православной Христовой веры с неподражаемым своеобразным совершенством. А потому современный художник, религиозный или не совершенно равнодушный к вере, у них и ищет источник своего вдохновения. Уклоняющийся же от установившихся веками основ и канонов иконописи невольно уклонится и от религии и даст, может быть, прекрасную и даже стильную картину, достойную всякой галереи, но не образ для молитвы и храма.

Наш великий Иванов, воспитавшийся в строго классической школе, по указанному пути и пошел. В его картине "Явление Христа народу", хотя и не образе, Иоанн Креститель и Христос, грядущий Мессия, идут из глубины религиозных византийских представлений. Их лики, как и лики окружающих Иоанна, очевидно, будущих Апостолов, вполне религиозны и церковны. За весь XIX век, век подъема европейского искусства и нашего, произведения, равного этой картине, в Европе и у нас не было. Его Христос есть истинный Мессия. С Ликом несколько суровым, перед сорокадневным постом в пустыне, Он "грядет"; фигура Его скромна и величественна... Он именно *Агнец Божий, вземляй грехи мира*. Только в византийском искусстве можно встретить Лик Христа подобной силы или еще большей.

Когда Иванову предложено было работать в храме Христа Спасителя, он с того и начал, что в основу образа Воскресения положил схему Воскресения наших древних русских икон, разработанную им грандиозно, хотя и по-своему, но вполне церковно. Религиозному художнику, и великого таланта и скромного, Ивановым путь указан, и другого пути нет.

Иконопись в городских и сельских храмах

Вопрос об иконописи в сельских храмах имеет у нас особое и огромное значение ввиду того, что сельские и приходские храмы приходится считать, вероятно, сотнями тысяч, а потому соответственно возрастает и потребность в росписи и иконописании. Потребность эта, конечно, большей частью удовлетворяется силами местных живописцев и иконописцев, копирующих фотографии и гравюры с иностранных и наших мастеров. При более крупных средствах приходские храмы, иногда и в селах, расписываются столичными художниками и мастерскими. Некоторыми из них вводится роспись храмов и по образцам древней иконописи, и не без успеха. Но главным образом и по преимуществу росписи эти производятся местными иконописцами, поэтому церковному управлению следует обратить на них особенное внимание, то есть воспользоваться их силами, направив их по возможности по желаемому и правильному пути. Так как иконописцы расписывают храмы копиями с различных образцов, то и следует принять все меры и старания дать им надлежащие образцы и указать оригиналы, с которых они могли бы копировать, и вообще дать им какое-либо руководство в виде книги или издания. Могли бы помогать этому музеи и древлехранилища епархиальные, устраиваемые в каждом епархиальном городе из предметов художественной старины, вышедших из богослужебного употребления и собранных со всей епархии. А уж в семинариях ознакомление будущих пастырей с художественной стариной обязательно.

Учреждаемая Патриаршая палата церковного искусства и древностей и могла бы взять на себя эту заботу о местных художниках и иконописцах, между которыми нередко встречаются талантливые натуры, стесняемые необходимостью копировать и переделывать чужие оригиналы, да еще под давлением требований прихожан, старост и настоятелей, иногда вопреки собственному художественному пониманию, опыту и желанию. Следует помнить, что все так называемые письма, то есть школы Новгородская, Московская и т. д., создавались в древности местными иконописцами. В Европе во все средние века и в век Возрождения художественные школы и художники возникали и определялись по городам – Флоренция, Перуджа, Сиена и т. д. – или по мастерским прославленного художника. Если бы и у нас, даже в настоящее время, явились местные художники и школы – школы, конечно, не в смысле только учебных заведений, учрежденных каким-либо ведомством, – в Москве, в Киеве, в Нижнем Новгороде, в Сибири и т. д., худа в этом не было бы, и мне представляется, что искусство русское было бы жизненнее, интереснее и оригинальнее.

Образцами и оригиналами для иконописцев, расписывающих храмы, прежде всего будут служить образа, созданные художниками крупного таланта, которые более всего привлекают копирующих. Кроме творческих оригинальных, художественные иконописные изображения могут быть и подражательные, когда в основу образа полагается определенное древнее изображение, которое видоизменяется художником соответственно его представлению в более жизненных формах, без нарушения, впрочем, церковного стиля и религиозного настроения.

Затем могут быть и совершенно новые композиции в строго древнем стиле, с сохранением форм и рисунка, а также и прямое копирование древних образов – на стенах или на отдельных образах. Но в том и другом случае желательно, чтобы по возможности избегались или исправлялись некоторые явные несообразности и наивности, допущенные у древних иконописцев отчасти

по их неведению, частью и намеренно, как-то: чечевицеобразные зрачки глаз или лицо, изображенное в одну сторону, а нос – в другую (есть такое изображение Спасителя), слишком удлиненные или короткие фигуры, палкообразные, тощие формы аскетов и т. д., а также и некоторые детские наивности и абсурды древней иконописной перспективы, иногда весьма мешающие художественному впечатлению образа. Впрочем, иконописец-художник своим чутьем угадает, что устранить и что следует сохранить в изображении, разумеется когда не требуется буквальная копия образа, как, например, чудотворного или всем известного. Кстати, и нелишне здесь указать на странное отношение некоторых, даже серьезных и талантливых, художников к древнему иконописному с т и л ю. Они, по-видимому, убеждены, что именно в этих-то наивностях и несообразностях рисунка и форм и заключается ц е р к о в н ы й с т и л ь: если, например, исправить чечевицеобразные зрачки или нос поставить на должное место, а перспективу построек и зданий хоть сколько-нибудь приноровить к изображаемым людям, то строгость церковного стиля исчезнет; если крайне удлиненные фигуры лицевых изображений XV века привести к более нормальному росту, то религиозное настроение умалится. Возможно, что иконописцы XV века, и даже талантливейшие из них, слишком удлиненными фигурами хотели выразить бесплотность и большую духовность изображаемых святых. Но ведь можно указать на образы более ранние (XV века), и византийские и русские, и на позднейшие с фигурами нормального роста, которые и по строгости стиля и религиозному настроению не ниже образов XV века. А в XIV веке встречаются, наоборот, слишком короткие фигуры: которых же следует держаться для стиля размеров? Ясно: нужно признать, что удлиненные фигуры характеризуют только иконопись XV века, и превращать эту особенность данного времени в иконописный канон нет необходимости и нет основания.

В древних образах всех веков и эпох встречаются многие стройные фигуры, и прекрасные живые лица, и живые драматические положения в сложных библейских и евангельских изображениях, нисколько не мешающие строгости стиля и не умаляющие молитвенного и возвышенного настроения. Истинная и художественная красота друг другу не противоречат, а кажущиеся противоречия возникают только в наших ограниченных и односторонних представлениях и понятиях.

Иногда по соображениям архитектурно-декоративным требуется прямая имитация древних изображений со всеми их особенностями; тогда, по существу, конечно, в этом случае возражать что-либо не приходится.

В стремлениях наших восстановить начала подлинной церковной иконописи появилось одно смущающее обстоятельство, созданное именно нашим временем. Древняя иконопись привлекла к себе внимание и наших художников-модернистов, так называемых д е к а д е н т о в всех наименований и подразделений. Их, конечно, и главным образом привлекают именно детская примитивность, иногда и несообразность и искажения рисунка и форм древних иконописцев, наивных иногда по неведению, а иногда и по бездарности – были бездарности ведь, конечно, и в старину. Наивности эти и несообразности, простительные древнему художнику нашему, новаторы-футуристы возводят в идеал (находя, вероятно, какое-то сходство со своими Матиссами и Пикассо), их-то и копируют с еще большим искажением и доводят до полного неописуемого безобразия. На их выставках встречались попытки их сочинять образа, и получалось нечто совершенно кощунственное и несуразное... Не дай Бог, если эти господа проникнут в наш храм во имя "свободного" творчества!

По поводу фабричной имитации образов

За последние десятилетия появились образа, печатанные на жести красками, фабричного производства иностранных фирм Бонакер и Жако, а может быть, и других. Нужно отдать справедливость, что эти копии с образов древних и новых и в окладах производились весьма удачно, рекламировались и распространялись весьма усердно и обширно, отчасти, вероятно, из-за дешевизны и некоторой прочности. Духовенство и высшее церковное управление не только не принимали никаких мер, но, по-видимому, даже поощряли. В лавках при монастырях и в епархиальных образа эти продавались всюду. Такое поощрение фабричного производства образов оправдывалось якобы недостатком в продаже рукописных икон – "иконным голодом", что, очевидно, было несправедливо, так как в то же время искусственно приходилось поддерживать иконописные мастерские и мастеров Палеха, Мстеры и др. за недостатком работы. Конечно, в крайних случаях, за совершенным отсутствием и невозможностью достать рукописные образа где-либо на Крайнем Севере, или в тайге, или, например, на фронте, позволительно и возможно допустить для молитвы и печатный образ; но во всех других случаях, когда для молитвы нетрудно достать и рукописные образа, печатных и фабричных следует избегать. Рукописный образ исполняется человеком с непременным участием его души, и хоть в малой степени и при самом слабом умении и несовершенстве исполнения все же будет чувствоваться живое душевное отношение исполнителя к изображаемому и хоть какая-нибудь искра молитвенного настроения в человеческом образе отразится. Фабричный же, машинный образ, как бы точно и совершенно ни передавал копируемый оригинал, есть продукт все же мертвой машины и мертвая имитация, я бы сказал, что до некоторой степени даже ф а л ь с и ф и к а ц и я: как бы, например, ни был хорошо и точно скопирован древний подлинный образ, для истинного ценителя и поклонника древнего искусства он все же п о д д е л к а. Я полагаю: как бы хорошо граммофон ни передавал исполнение даже лучшими хорами – Чудовским, Синодальным – церковных песнопений, все же никто из духовенства и православных мирян не допустит в церкви замены г р а м м о ф о н о м пения даже плохого дьячка. В свое время я в Комитете попечительства о русской иконописи высказал по этому поводу свое мнение и предложил, между прочим, что было бы самое целесообразное, если бы Святейший Синод издал постановление, ч т о д л я м о л и т в ы в х р а м а х и н а д о м у о с в я щ а ю т с я т о л ь к о р у к о п и с н ы е о б р а з а. Этого было бы достаточно для противодействия распространению фабричных образов. А если хорошо оборудовать иконописные мастерские при монастырях и поддерживать заказами частные мастерские и мастеров, то ни о каком "иконном голоде" и думать не следует – скорее можно ожидать перепроизводства.

Электричество в храмах

В связи с иконописью невольно приходится коснуться вопроса и об освещении церковном. За последнее время очень усердно вводится в церквах электрическое освещение вместо освещения восковыми свечами во избежание якобы копоти от восковых свечей, вредящей иконописи, а также в видах удобства электрического освещения. По существу, конечно, против электричества не имеется возражений – никакого греха в нем нет. Возражения могут возникнуть только на почве церковного обычая и Предания, в связи с симво-

лическим значением свечи и лампады (масла), а также с молитвенным настроением молящихся. Конечно, человек может ко всему привыкнуть – может привыкнуть и к электричеству в церкви взамен восковых свеч и масла; но человеку искренне религиозному и молитвенно настроенному едва ли будет по душе молиться в храме, освещенном электричеством – светом, перенесенным в храм Божий с улицы, из театра, вокзала, кинематографа, ресторана и тому подобного развлекательного учреждения! Нет, восковая свеча и деревянное масло, освещающие лики святых, роднее душе его. Но говорят: копоти-то от свеч и масла очень много, портит иконопись. Да, пожалуй. Но приняты ли были все меры для уменьшения и устранения этой копоти? По опыту можно знать, что свеча чистого воска дает очень немного копоти; а вот церезин, от которого Церковь не сумела уберечь свои восковые свечи, действительно страшно коптит! А также и гарное масло (смесь с нефтью) вместо чистого деревянного (оливкового) также невозможно коптит. Вот если бы Духовное ведомство озаботилось в свое время устранить эти вредные осветительные суррогаты, то, вероятно, и введение в церквах электричества не оправдывалось бы этой копотью.

Кроме того, относительно вообще пыли и копоти следовало бы озаботиться о правильной и более усовершенствованной вентиляции в храмах. А к электричеству, конечно, можно прибегать по нужде, где нет другого света, как, например, на корабле: служил же ведь по нужде Преподобный Сергий и при лучине.

В заключение невольно приходится указать на еще больший источник копоти и даже дыма, а именно на каждение ладаном... Как же в этом случае поступить? Ведь не устранить же совсем каждение? Не заменять же его какими-либо соответствующими ароматами и духами?.. Надеюсь, впрочем, и не сомневаюсь, что церковные ревнители современной культуры и прогресса все-таки пожелают, чтобы храм Божий остался храмом и домом молитвы, и оставят в нем и дым кадильный, и свет лампады, и восковые свечи, светившие около двух тысяч лет христианству во всю его многострадальную историю, зажженные еще в катакомбах на гробницах мучеников. И будут они светить нам тихим, но живым светом, символом света "не от мира сего" вместо блестящего, удобнейшего, но мертвого света сего мира – электричества!

Послесловие

Вопросы спасения и сохранения церковных, культурных святынь и памятников, разрушенных или поврежденных в результате октябрьского переворота, неоднократно обсуждались на заседаниях Священного Собора Православной Церкви 1917–1918 годов. 25 ноября 1917 года (по ст. стилю) на 52-м заседании был заслушан доклад Отдела богослужения, проповедничества и храма, посвященный работе Комитета попечительства о русской иконописи[1]. Среди представленных материалов был и доклад В. М. Васнецова, опубликованный в качестве приложения к 52-му деянию Собора. Не будучи членом Собора[2], Васнецов присутствовал на его заседаниях. Об этом свидетельствует его карандашный портрет, выполненный на одном из заседаний художником В. Богдановичем[3].

Представленный доклад В. М. Васнецова раскрывает и личность автора, и грани его разностороннего таланта как художника, архитектора, мыслителя, гражданина России, о чем, к сожалению, в литературе, посвященной его жизни и творчеству, до недавнего времени умалчивалось.

Виктор Михайлович Васнецов (1848–1926) родился в семье православного священника в Вятской губернии. Духовное образование он получил в Вятском Духовном

училище, а затем в Вятской Духовной Семинарии, художественное образование – в Петербургской Академии художеств. В творчестве Васнецова представлены религиозные, исторические и сказочные сюжеты. Но наибольшей известности он достиг в области религиозной живописи, создав новый стиль, получивший название васнецовского. Сам художник так писáл об этом: "На работы во Владимирском соборе в Киеве приглашен профессором Праховым в 1885 году и проработал в стенах собора 10 лет. Следующие религиозные работы были исполнены: в Воскресенском соборе, в церкви на Гусю Владимирской губ. (фабрика Нечаева-Мальцева бывшая), в Варшавском соборе и многие частные заказы.

Религиозной живописью я занимался и ранее, даже до Академии; но серьезно и художественно занялся иконописью только с начала 80-х годов, и прежде всего в абрамцевской церкви около Хотькова, в бывшем имении Мамонтова, а затем непосредственно перешел к работам во Владимирском соборе в Киеве...

За работы во Владимирском соборе получил звание профессора живописи"[4].

Поднятые В. М. Васнецовым в докладе проблемы о задачах, направлениях и своеобразии русской национальной иконописи, о восстановлении иконописи в городских и сельских храмах, о фабричной "имитации образов" актуальны и в наше время, – время духовного возрождения русского православного церковного искусства, восстановления разрушенных храмов, их росписи и обустройства.

Примечания

[1] Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн. 5. Пг., 1918, с. 27–30.

[2] Там же. Кн. 1, вып. 1. М., 1918, с. 60–96 ("Общий список членов Священного Синода").

[3] Альбом рисунков В. Богдановича с портретами участников Собора, сделанными во время его проведения (ОР РГБ. Фонд С. Г. Рункевича № 257, папки 10–11).

[4] Васнецов В. М. Автобиография. – В кн.: Виктор Михайлович Васнецов: Письма. Дневники. Воспоминания: Суждения современников. М., 1987, с. 251.

Публикация и послесловие Н. Ю. БУТИНОЙ

Время и поэзия Мирры Лохвицкой

1

... Ее душа была из тех,
Которых жизнь – одно мгновенье
Невыносимого мученья,
Недосягаемых утех.
Творец из лучшего эфира
Соткал живые струны их.
Они не созданы для мира,
И мир был создан не для них!

Эти гениальные лермонтовские строки говорят о явлениях хотя и редких, но, как молния, озаряющих ход обычной жизни. Чистые души праведников служат нам вестниками Света и помогают сносить тяготы земного бытия. Всякий, кому посчастливилось знать избранников Божиих, не может забыть их до конца дней своих, и для многих они становятся путеводной звездой. Если же при этом они наделены творческим даром, то след их остается не только в душах людей, знавших их, но и в блестящих произведениях литературы и искусства. К сожалению, такие натуры обычно недолго гостят в нашем грешном мире, и Господь скоро забирает их к Себе.

... Как некий херувим,
Он несколько занес к нам песен райских,
Чтоб, возбудив бескрылое желанье
В нас, чадах праха, после улететь!
А. С. Пушкин. **"Моцарт и Сальери"**

Подобные люди встречаются во все времена и в разных уголках земли. Талантливый и нежный Дм. Веневитинов, не проживший и 22 лет, "дивный юноша" – поэт, критик, философ, музыкант, художник, друзья которого – будущие славянофилы, чтя его память, собирались ежегодно в течение чуть ли не сорока лет на траурный поминальный обед; или не менее разносторонне одаренная художница Мария Башкирцева, умершая в 24 года, автор знаменитого "Дневника".

Хочется отнести к этой же плеяде и гениальную девочку – юную художницу Надю Рушеву, жившую уже в наше время и умершую от внезапно и, казалось бы, необъяснимого кровоизлияния в мозг.

К подобным натурам относится и та, которой посвящена эта статья. Ее след на земле, ее творчество имеют свои отличительные особенности, которые сделали ее уникальным явлением русской, да и мировой поэзии. Тем более поразительно, что, несмотря на широкую известность при жизни, любовь к ней публики, друзей и коллег, она не была все же по достоинству оценена и еще тогда признана "несозвучной времени", затем основательно предана забвению вскоре после смерти, и даже сейчас, когда столько славных и незаслуженно забытых имен в русской литературе извлечены из небытия, а труды их переизданы, о ней еще не вспомнили по-настоящему.

Быть может, ее дарование не принадлежит к разряду значительных? Но присуждение ей Пушкинской премии Российской Академии наук – крупней-

шая и почетнейшая из всех литературных наград в России, лауреатами которой с 1881 по 1919 год были А. Н. Майков, Я. П. Полонский, А. П. Чехов, И. А. Бунин, А. И. Куприн, В. В. Вересаев и многие другие славные наши литераторы (причем в отличие от остальных ей премия была присуждена дважды), блестящие отзывы о ее поэзии таких знатоков, как президент Академии наук, поэт и Великий князь К. Р. – Константин Романов, А. А. Голенищев-Кутузов, Вас. Ив. Немирович-Данченко, Ап. Майков, К. Бальмонт, В. Брюсов и другие, – все это свидетельствует об обратном.

Но, может быть, творчество ее и впрямь устарело?

Пойми простой урок моей земли:
Как Греция и Генуя прошли,
Так минет все: Европа и Россия.
Гражданских смут горючая стихия
Развеется... Расставит новый век
В житейских заводях иные мрежи...
Ветшают дни, проходит человек,
Но Небо и земля – извечно те же.

М. А. Волошин. "Дом Поэта"

О Небе и земле и писала необыкновенная "голубая звездочка" русской поэзии – Мирра Лохвицкая.

2

И не сообразуйтесь с веком сим,
но преобразуйтесь обновлением ума вашего,
чтобы вам познавать, что есть воля Божия
(Рим. 12, 2)

Христианство вдохнуло новую жизнь в мировую культуру и вот уже почти две тысячи лет продолжает духовно питать общественную мысль, литературу и искусство. Для скольких мыслителей и поэтов, художников и скульпторов служило и продолжает служить источников вдохновения и творчества Божественное Откровение. Что же сказать о России, оплоте Православия? Нет нужды напоминать о таких ее деятелях, как преподобные Сергий Радонежский и Андрей Рублев, святой Серафим Саровский и оптинские старцы, о блестящей плеяде русских религиозных философов Серебряного века. Многие произведения русской художественной прозы и изобразительного искусства XIX века также вдохновлены христианскими идеями. Все это – общеизвестные факты. Однако, если внимательно рассмотреть с этой точки зрения историю русской поэзии, станет заметна следующая закономерность. Если в XVIII веке такие русские поэты, как В. К. Тредиаковский, М. В. Ломоносов, А. П. Сумароков, Г. Р. Державин, да в сущности и все остальные, создали немало произведений, проникнутых христианским духом, не говоря уже о стихах, написанных на библейские темы, причем эти произведения играли в их творчестве заметную роль – достаточно назвать их многочисленные переложения псалмов, "Размышления о Божием величестве" Ломоносова или оду "Бог" Державина, – то с начала XIX века и на протяжении всего столетия число таких произведений у ведущих русских поэтов резко падает, и значение их в творчестве каждого поэта в целом ослабевает. Кроме того, если у поэтов XVIII века, к примеру, непристойные стихи были редкостью – исключе-

ние составлял разве что пресловутый И. С. Барков, богохульных произведений нет и у него, – то у большинства поэтов следующего столетия, наряду с отдельными возвышенными стихами на религиозные темы и помимо большого количества произведений в этом отношении нейтральных, можно найти и немало вещей, так сказать, противоположного свойства.

Разумеется, дело не в том, что стихотворение должно быть написано обязательно на религиозный сюжет: *Дух дышит, где хочет* (Ин. 3, 8). Дело в том, что с тех пор, как Пушкин написал:

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружен,

русская поэзия XIX века все меньше стала напоминать "священную жертву" и все более погружалась в "заботы суетного света".

Даже в огромном, разностороннем и лучезарном стихотворном наследии самого Пушкина такие замечательные стихотворения, как "Пророк", "В часы забав и праздной скуки..." или "Отцы пустынники и жены непорочны...", составляют скорее счастливое исключение и едва уравновешивают юношеские, мягко выражаясь, шалости, наподобие "Гаврилиады". Этому есть много объяснений. "... И только тут я понял всю глубину и серьезность так называемого "петровского разрыва", – говорит вдумчивый исследователь (Н. С. Лесков. "Шерамур"). Тут и нарастающая секуляризация общества, и расхождение путей русского народа (и духовенства в том числе как его неотъемлемой части) с культурой "высшего общества", и влияние Вольтера и французских энциклопедистов... А. И. Кошелев, член московского элитарного "Общества любомудрия", в которое в 20-х годах прошлого века входили В. Ф. Одоевский, Дм. Веневитинов, Ив. Киреевский, в своих "Записках", изданных в 1884 году в Берлине, вспоминал о заседаниях "Общества": "Тут говорила немецкая философия, то есть Кант, Фихте, Шеллинг и др. ... Христианское учение казалось нам пригодным только для народных масс, а не для нас, любомудров. Мы особенно высоко ценили Спинозу, и его творения мы считали много выше евангельских и других священных писаний".

Так или иначе, но факт остается фактом: именно поэзия, как наиболее чуткий барометр настроений общества, отразила эти процессы сильнее других видов литературы и искусства.

Разумеется, и тут были исключения, к которым можно отнести, например, творчество А. С. Хомякова или многие стихи Вл. Соловьева. Беда в том, что масштаб их чисто поэтического дарования все же не позволил их стихам стать достаточно существенным явлением в общей панораме русской поэзии XIX века.

До какой степени сознание многих даже весьма талантливых поэтов ушло далеко от евангельского понимания сути вещей, можно судить по следующему красноречивому примеру. В известном стихотворении "Размышления у парадного подъезда" Н. А. Некрасов, укоряя вельможу, именем которого были отогнаны от входа в его хоромы бедные крестьяне-просители, пишет (здесь и далее курсив мой. – *Г. Л.*):

... Пошли они, солнцем палимы,
Повторяя: "Суди его Бог!"...
А владелец роскошных палат

Еще сном был глубоким объят...
Пробудись! Есть еще наслаждение:
Вороти их! В тебе их спасение!

И невдомек поэту, что богач – не спаситель этих людей, что он сам гораздо больше их нуждается в спасении, более того, что оно, его спасение, во многом как раз от них-то и зависит! И чтобы не впасть в "ересь саддукейскую", поэту надо было бы сказать:

"Вороти их! *Твое в них спасение!*"

Ибо сказано: *Истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне* (Мф. 25, 40).

"Наиболее влиятельная критика, публицистика и литературоведение сто лет находились в руках именно тех, кто сетовал на отход Гоголя от художественной литературы в область религиозно-нравственной проповеди, кто возмущался подобными же стремлениями Толстого, кто высмеивал каждого писателя, желавшего показать своим творчеством или доказать образом своей жизни, что религиозная жажда в человечестве совсем не угасла... Все столетие... шло под знаком развенчания и ниспровержения самодовлеюще-религиозных идеалов" (Даниил Андреев).

Особенного же размаха это искажение, постепенно нарастая, приняло к концу столетия, превратившись в какое-то повальное умственное затмение русской критики и читающей публики. "Стихи без барабанного грохота гражданских чувств по Некрасову и политической подоплеки по Михайловскому казались чуть ли не преступлением" (Вас. Ив. Немирович-Данченко).

Думается, наиболее замечательные стихотворения на христианские темы в XIX веке принадлежат гениальному М. Ю. Лермонтову. У него их также немного, но по силе проникновения они сияют на небосклоне русской поэзии как звезды первой величины. Это стихотворения: "Ангел", "Когда волнуется желтеющая нива...", "Не обвиняй меня, Всевышний...", "Я, Матерь Божия, ныне с молитвою...", "В минуту жизни трудную...", "Выхожу один я на дорогу" и некоторые другие.

Нечто подобное по мощи и таланту русской христианской поэзии удалось создать еще только дважды. Я имею в виду стихотворения Бориса Пастернака: "На Страстной", "Рождественская звезда", "Гефсиманский сад", "Рассвет", "В больнице", "Август" – и отделенное с обеих сторон от двух вышеназванных явлений равными временными промежутками примерно по 60 лет творчество Мирры Лохвицкой.

3

... И долго на свете томилась она,
Желанием чудным полна,
И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли.

М. Ю. Лермонтов. **"Ангел"**

Замечательная русская поэтесса Мирра Лохвицкая родилась 19 ноября 1869 года в Санкт-Петербурге, где прошла почти вся ее короткая жизнь, в родовитой дворянской семье. Многим слышалось в ее имени и фамилии нечто экзотическое. Однако звали ее Марией Александровной, Мирра – это ее поэ-

Мирра Лохвицкая

тический псевдоним, а фамилия Лохвицкая происходит от украинского городка Лохвицы (ныне районный центр в Полтавской области, вблизи гоголевского Миргорода), где протекает и речка Лохвица. Прадед поэтессы Кондратий Лохвицкий (1774-1830) при Александре I был сенатором и писал мистические стихи. Отец – Александр Владимирович Лохвицкий (1830-1884), хорошо известный в Петербурге адвокат, оратор, профессор уголовного права, автор научных трудов, издатель и редактор "Судебного вестника". Знаменитый и весьма плодовитый русский писатель Василий Иванович Немирович-Данченко (1848-1936), литературным талантом, кстати, значительно превосходивший своего младшего брата, известного основателя, вместе со Станиславским, Московского Художественного театра, о котором только сейчас начинают у нас вспоминать после многих лет остракизма со стороны властей в наказание за эмиграцию после революции, писал: "Знаменитый Александр Владимирович Лохвицкий – адвокат – один из талантливейших поэтов трибуны своего времени. Будь в тогдашней России народное представительство, мы в нем имели бы первоклассного политического оратора. Его ответы – всегда неожиданные, меткие – поражали своей находчивостью".

Его жена была обрусевшей француженкой, любительницей поэзии, знатоком европейской и русской литературы. У Лохвицких было пятеро детей: старший сын Николай и четыре дочери: Мария – будущая Мирра, затем Надежда, Елена и Варвара. В семье царил православный и, можно сказать, патриархальный дух.

"Воспитывали нас по-старинному – всех вместе на один лад, и ничего особенного от нас не ожидали", – вспоминала Надежда. Однако, по-видимому, именно такое воспитание дало прекрасные плоды.

Старший брат, Николай, стал доблестным боевым генералом русской армии, георгиевским кавалером, и в первую мировому войну командовал русским экспедиционным корпусом во Франции. Его высоко ценил главнокомандующий французскими войсками Жозеф Жоффр.

Все четыре сестры обладали литературным талантом. Еще в гимназии они начали писать стихи, завели знакомства в литературных и художественных кругах. На семейном совете сестры дружно решили, что им не следует выступать в печати одновременно, "чтобы не было зависти и конкуренции". Первое место предназначалось старшей сестре, Марии. "Мы, сестры, уговорились не мешать Мирре, и только когда она станет знаменитой и, наконец, умрет, будем иметь право печатать свои произведения, а пока все-таки писать и сохранять, в крайнем случае для потомства", – рассказывала Елена.

Вторая сестра, Надежда, также была наделена богатым литературным талантом. Чтобы ее не путали со старшей сестрой, она взяла себе литературный псевдоним Тэффи (по имени персонажа одного из стихотворений Р. Кип-

линга). "Кто не знает Тэффи, – писал В. И. Немирович-Данченко, – изящный смех которой едва ли не ставит ее выше даже таких всемирно известных писателей, как Джером Джером и Марк Твен? Но, наверное, девять десятых ее читателей совсем не знакомы с оригинальными поэтическими отрывками ее музы. Тэффи – автор прелестных, нежно окрашенных стихов, которым, к величайшему сожалению, она не придает никакого значения". Надежда Александровна Лохвицкая (Тэффи), проведшая вторую половину своей жизни в эмиграции, скончалась в 1952 году в Париже в возрасте 80 лет.

Две другие сестры, Елена и Варвара, тоже не без успеха пробовали свои силы в литературе.

Упоминавшийся выше В. И. Немирович-Данченко, известный писатель, неутомимый путешественник, объездивший весь мир, уже в эмиграции написал трогательные воспоминания о своей дружбе с девочкой-гимназисткой, начинающей талантливой поэтессой Миррой Лохвицкой, о которой на склоне лет он вспоминал как едва ли не о лучшем, что было в его жизни.

Кстати, и И. А. Бунин в своих поздних воспоминаниях, опубликованных уже после второй мировой войны в Париже и изобилующих суровыми и нелестными отзывами о русских литераторах, о Мирре Лохвицкой отозвался необычно тепло: "Одно из самых приятных литературных воспоминаний – о Мирре Александровне Лохвицкой. Мать нескольких детей, большая домоседка... Говорит... очень здраво, просто, с большим остроумием, наблюдательностью. Я знал ее довольно долго, посещал ее дом нередко, был с ней в приятельстве. Все в ней было прелестно – звук голоса, живость речи, блеск глаз, эта милая, легкая шутливость..."

Отец Мирры скончался, когда ей было только 15 лет. После домашней подготовки она поступила в Московский Александровский институт, где ее учителем русской словесности был маститый поэт Ап. Н. Майков. После окончания курса она в возрасте 19 лет вышла замуж за архитектора Е. Э. Жибера. В связи с его службой семья жила сначала в Тихвине, затем в Ярославле, потом в Москве и, наконец, в Петербурге. На следующий год после замужества в жизни молодой женщины произошло два важных события: родился сын, первый из троих ее детей*, и она начала регулярно публиковаться в петербургских изданиях: журналах "Север", "Русское обозрение" и других. Вскоре о молодой поэтессе заговорили.

Начало ее поэтической карьеры было светлым и многообещающим, мнение критиков – единосущным: в русской поэзии появился новый крупный талант.

"Перед нами бесспорный поэтический талант" (А. А. Голенищев-Кутузов).

"Мирра Лохвицкая – талантливейшая поэтесса, яркая, гордая и красивая" (Виктор Окс).

"Что касается Мирры Лохвицкой, то в самом деле ее поэтическое дарование оказалось перворазрядным. Стихи сверкали, отшлифованные, как драгоценные камни, и звонкие, как золотые колокольчики" (И. Ясинский).

"На нашем горизонте она мелькнула яркою голубою звездочкой. Сколько надежд связывалось с нею! Как восторженно встретили ее все, кому дорога была истинная поэзия. Ее строфы заучивались наизусть. Ее ожидал ряд долгих годов и настоящая большая слава. С каждым новым произведением Лохвицкая все дальше и дальше оставляла за собой позади молодых поэтов того времени. Эта маленькая фея завоевала всех ароматом своих песен.

---

* По другим данным, у М. А. Лохвицкой было пятеро детей, из которых выжили трое.

Все обещало ей чудный рассвет. Повторяю — у нее был настоящий большой талант, сейчас же признанный всеми. Поэтесса "милостью Божией". ...В какие светлые миры она умела уносить тех, кто ее слушал!" (В. И. Немирович-Данченко).

Успех молодой поэтессы шел по нарастающей, и, наконец, в 1896 году в Москве и Санкт-Петербурге вышел первый том ее стихотворений, за который ей в первый раз была присуждена Пушкинская премия Российской Академии наук. Рецензент, известный поэт и критик А. А. Голенищев-Кутузов, в подробном критическом разборе ее сборника писал:

"В поэзии г-жи Лохвицкой сплошь просвечивает истинное дарование, а внешняя форма стихотворений весьма привлекательна. ...Переходя к внутреннему содержанию поэзии г-жи Л., мы должны заметить, что ...все образы, картины, мысли и речи... до бесконечности разнообразны и притом, взятые в отдельности, почти всегда красивы, оригинальны и жизненны. ...Наконец, встречаются стихотворения, в которых, со свойственной ей искренностью, г-жа Л. выражает чувство стремления к чему-то высшему и лучшему. Появление их из-под пера такой искренней писательницы, как г-жа Л., подает надежду на то, что ее поэтический кругозор расширится, и что талант ее почерпнет из сокровищницы жизни более разнообразное и богатое содержание, чем это было до сих пор.

Мы можем только пожелать наступления нового творческого периода в литературной деятельности г-жи Л., чтобы "обрывки мыслей" и "клочья света" превратились в настоящие мысли и настоящий свет, который озарил бы для нее значение жизни не только как алтаря любви, не только как храма красоты, но и как чертога добра и божественной правды".

Это проницательное пожелание вполне сбылось в дальнейшем творчестве поэтессы, что, однако, принесло ей, пожалуй, более шипов, нежели роз. Но это уже не ее вина.

4

Идеи, чувства — все наоборот,
Все под углом гражданского протеста.
М. А. Волошин. **"Россия"**

И я испортился с тех пор,
Как времени коснулась порча.
Б. Л. Пастернак. **"Перемена"**

Вы времени пришлись по вкусу!..
Глупцы, ничтожества и трусы.
Быть может, в этом Божий перст...
Б. Л. Пастернак ."**Друзья, родные, милый храм...**"

Что за нравы, что за время!
М. А. Лохвицкая. **"В наши дни"**

Текли годы, один за другим появлялись нежно любимые ею сыновья — Валерий, Евгений, Измаил, которым Мирра посвящала чудесные стихи. Появлялись также один за другим и небольшие изящные томики ее стихов. Всего при жизни их вышло пять. По-прежнему успех ее у публики был велик.

Помимо лирических стихотворений, Лохвицкая пробует свои силы в раз-

личных жанрах поэзии. Она создает несколько поэм, а также пьес в стихах, которые она называла драматическими поэмами, в основном на исторические средневековые темы. "Эпический род поэзии не чужд дарованию г-жи Лохвицкой" (А. А. Голенищев-Кутузов). Однако наибольших успехов поэтесса достигла все же в жанре лирики, где она царила безраздельно:

Здесь живу без горечи и гнева,
Оградясь от зависти и лжи.
Я одна, зато я — королева,
И мечты мне служат, как пажи.

"Крылья"

Раннее замужество поэтессы и, видимо, сам ее избранник вызвали заметный скептицизм у друзей и ценителей ее дарования. "Эта очаровательная девушка, исключительно одаренная, вышла замуж за чиновника, по-видимому, имевшего общение с поэзией только через посредство жены" (Иероним Ясинский). Внимательный читатель ее стихотворений, таких, как "Умей страдать", "Есть что-то грустное...", "Избрав свой путь...", "Ты мне не веришь...", "Моя печаль", и особенно потрясающее стихотворение "Крылья", сквозь однообразную канву ее небогатой внешними событиями жизни угадывает в ней некую тайну, какой-то надлом, подтачивавший ее хрупкую натуру и, вероятно, ускоривший ее раннюю кончину.

Начиная примерно со второго тома стихов Лохвицкой постепенно меняется преобладающее настроение критики. Поэт Лиодор Пальмин писал в частном письме: "Питерская Мирра Лохвицкая — птичка-невеличка, от земли не видать, а тот же Вукол Лавров читает ее и пузыри на губы пускает. Начал бы ее в "Русской мысли" печатать, да боится... чтобы его за отсутствие гражданского протеста не пробрали". На общем благожелательном фоне постепенно проявляется недовольство и даже раздражение "узостью кругозора" молодой поэтессы, отсутствием в ее творчестве "общественных интересов" и тому подобных обязательных тем.

"Поэзия г-жи Лохвицкой — музыка здоровой и сильной молодой души, от будничной прозы окружающей жизни порывающейся в солнечный край мечты, где все — любовь, счастье и полнота жизни.

Не только грациозно, но и трогательно выражена в ее стихах и юная материнская любовь.

Какие грациозные образы, легкие и прекрасные, как майская гроза! Да, это — поэзия, неподдельная, полная чудного очарования!

Как приятно было бы нам этим и закончить отзыв о стихах г-жи Л.; но, к сожалению, говоря о них, невозможно ограничиться одними похвалами, а приходится поставить даже очень длинное "но". Следует указать на прямотаки изумительную узость духовного кругозора нашей поэтессы, на ее наивность и неразвитость во всем, что касается положения женщины в обществе. Перед нами точно будто не образованная писательница, живущая в просвещенной стране и на заре XX века" (П. Ф. Якубович).

Более благожелательно отнеслись к творчеству Лохвицкой поэты-символисты К. Бальмонт, В. Брюсов А. Белый, Вяч. Иванов, восторженно встретившие ее как своего единомышленника и старшего товарища.

"Ее душа, всецело отразившаяся в первой ее книге стихов, ищет ясности, кротости, чистоты, исполнена сострадательной любви к людям и страха перед тем, что люди называют "злом". Всего замечательнее именно отчаянные поиски спасения, — все равно в чем, хотя бы просто в вечно женском материнст-

ве, – которыми полны последние, предсмертные стихи поэта. Внимательного читателя всегда будет волновать и увлекать внутренняя драма души Лохвицкой, запечатленная ею во всей ее поэзии" (В. Брюсов).

Трудно объяснить, как мог столь эрудированный поэт и критик, как Валерий Брюсов, не понять самой сути поэзии Лохвицкой, фактически пройти мимо самого главного в ней. К этому его привело стремление втиснуть живое явление в прокрустово ложе жесткой декадентской схемы.

Более проницательным в оценке творчества Мирры Лохвицкой оказался Вячеслав Иванов, но и он не смог полностью отрешиться от расхожих символических штампов: "Ее песнь лилась с несравненною мелодическою легкостью и грацией – "легкою стопой приближается божественное". В ней была древняя душа, страстная и простая, не страдающая расколом духа и плоти; глубина, исполненная светом и потому не казавшаяся глубиной непривычному взгляду. И к христианству она относилась с мягким умилением, откликаясь на него всею природной, здоровой добротой своей. Такая душа почти непонятна современному снобизму; такая античная гармония должна казаться внешней, безличной, бессодержательной новому субъективизму, полному разлада и противоречий".

Следует, пожалуй, отметить и несомненное влияние на тематику и стиль ее ранней поэзии стихов Дм. Мережковского, который был на три года старше ее.

Между тем, пока одни знатоки упрекали поэтессу за сильные стороны ее стихов, в то время как другие, напротив, хвалили за относительно слабые, ее творчество развивалось неуклонно и гармонически. Не обращая внимания на придирки критиков, она опровергала их своими новыми стихами, показав, что ей отнюдь не чужды злоба дня и острое чувство современности, только выражает она их по-своему:

Что за нравы, что за время!
Все уныло тащат бремя,
Не мечтая об ином.
Скучно в их собраньях сонных,
В их забавах обыденных,
В их веселье напускном.

... И на радость лицемерам
Жизнь ползет в тумане сером,
Безответна и глуха.
Вера спит. Молчит наука,
И царит над нами скука,
Мать порока и греха.

"В наши дни"

В долине лилии цветут... Идет на брата брат.
Щитами бьются о щиты, и копья их стучат.
В добычу воронам степным достанутся тела,
В крови окрепнут семена отчаянья и зла.

В долине лилии цветут. Клубится черный дым.
На небе зарево горит зловещее над ним.
Огонь селения сожжет, и будет царство сна.
Свой храм в молчанье мертвых нив воздвигнет тишина.

"В долине лилии цветут..."

Особенно примечательно в этом отношении стихотворение "Красный цвет", которое невозможно не привести целиком:

Мне ненавистен красный цвет
За то, что проклят он.
В нем преступленья долгих лет,
В нем казнь белых времен.

В нем блеск дымящихся гвоздей
И палачей наряд.
В нем пытка – вымысел людей,
Пред коим бледен ад.

В нем звуки труб, венцы побед,
Мечи из рода в род –
И кровь, текущая вослед,
Что к Богу вопиет!

Подобная трактовка символики красного цвета, между прочим, отнюдь не мешает поэтессе дать и противоположную, соответствующую церковной традиции. В стихотворении "Красная лилия", посвященном Благовещению, об Архангеле Гаврииле говорится:

От риз его сияние, какого в мире нет.
Он держит красной лилии благоуханный цвет.

Здесь мы имеем дело с одной из тех антиномий, которых так много в православном учении.

Символисты "не заметили" эволюции творчества Лохвицкой: его естественного освобождения от мотивов мирских страстей и напускного "демонизма", как от ненужной скорлупы, от чего сами они так и не смогли освободиться. На все нападки и непонимание она отвечала полными достоинства строками:

Напрасно в безумной гордыне
Мою обвиняют мечту
За то, что всегда и поныне
Я Духа великого чту.

Горда осененьем лазурным
Его голубого крыла,
Порывам ничтожным и бурным
Я сердце свое заперла.

Но храма высот не разрушу!
Да светочи к Свету ведут.
Несу я прекрасную душу,
Ее же представлю на Суд.

"Святое пламя"

Да, символисты не увидели освобождения ее души, горящей неземным светом небесной любви. Но здесь автор умолкает, чувствуя свое бессилие и

отсылая читателя к стихам самой Лохвицкой:

Счастья ли миг надо мной промелькнет,
Злого безволья ль почувствую гнет –
Так же душою горю, как свеча,
Так же молитва моя горяча.

Молча пройду я сквозь холод и тьму,
Радость и боль равнодушно приму.
В смерти иное прозрев бытие,
Смерти скажу я: "Где жало твое?"

"В скорби моей"

Но если символисты предпочли "не заметить", то левая, "передовая" критика очень хорошо увидела этот нестерпимый для них свет. Как сказано, и бесы веруют, и трепещут (Ик. 2, 19). И до сих пор по страницам всех справочников и энциклопедий гуляет штампованная легенда о поэтессе, далекой от жизни и от "общественных интересов". Но если время отвергло такую поэзию, то позволительно спросить, что же это за время? Не то ли, о котором сказано: Но теперь – ваше время и власть тьмы? (Лк. 22, 53).

В противовес этой критике В. Немирович-Данченко писал: "Это была сама непосредственность, свет, сиявший из тайников души и не нуждавшийся ни в каких призмах и экранах, чтобы чаровать тех, которые ищут в поэзии того, чего они никак уяснить себе не могут. Поэтесса милостью Божией, она задумывала много, но... она жила недолго!

Жизнь ее оборвалась рано, внезапно и трагически. Наша "звезда", еще не разгоревшись, погасла. Я до сих пор не могу равнодушно вспоминать ее. Не в силах – прошли уже годы – помириться, не погрешу, сказав – с великою потерей для нашей литературы".

"Измученная частыми родами и снедаемая какой-то вечной тоской, Мирра умерла во цвете лет" (И. Ясинский).

"Богам желанный умирает молодым", – суеверно и мудро говорили эллины. ...Сказала ли она все, что имела, своим плодовитым творчеством? Кто скажет да после пятого тома ее творений, полного новых раздумий и предчувствий, новой углубленности и горечи? На нерукотворном памятнике, который она себе воздвигла, мнится, начертаны слова, взятые ею эпиграфом ко второму тому ее стихотворений: "Amori et dolori sacrum"*. "Amori et dolori", – говорим и мы, возлагая цветы на ее раннюю могилу".

Мирра Лохвицкая – Мария Александровна Лохвицкая-Жибер – скончалась в Петербурге 27 августа 1905 года. Ее внезапная смерть до сих пор окутана тайной. Ей не было и 36 лет. Остались муж и трое детей. Официальная версия говорила о туберкулезе легких.

Безвременная кончина поэтессы вызвала много откликов и некрологов. Через три года вышел посмертный сборник ее стихов "Перед закатом", послесловие к которому написал известный поэт К. Р. – президент Академии наук, Великий князь Константин Романов: "На мою долю выпала лестная задача написать разбор представленного на соискание Пушкинской премии V-го тома стихотворений М. А. Лохвицкой. Но моему отзыву не суждено было быть прочитанным ею, хотя я написал его еще при ее жизни, и ей была при-

* "Любви и страданию посвящается" (лат.).

суждена Пушкинская премия. Г-жа Лохвицкая не дожила до увенчания своих произведений: премия досталась ее детям. Да будет мне позволено теперь, когда родственники покойной выпускают в свет ее неизданные стихотворения, предпослать им несколько слов...

В этих стихах есть несомненная струя поэзии, есть виртуозность, радующая и пленяющая "любителя чистых вдохновений", есть умение пользоваться пластическими образами, есть превосходная фактура стиха и художественная, мастерская их отделка.

К знакомым красочным и душистым особенностям творчества усопшей присоединяются звуки, раньше у нее не встречавшиеся; мне слышится в них предчувствие близкой смерти.

Стихотворение "День Духа Святаго" обращает на себя внимание не только своеобразностью размера, но и красотой и таинственностью содержания.

Хочется к самому безвременно покинувшему нас автору применить одно из его предсмертных стихотворений:

УХОДЯЩАЯ

С ее опущенными веждами
И целомудренным лицом
Она идет, блестя одеждами,
Сияя радужным венцом.

И мысли ей вослед уносятся,
С воскресшим трепетом в груди
Мольбы, молитвы, гимны просятся:
"Взгляни, помедли, подожди!"

Павловск, 1 апреля 1908 К. Р."

Но русская литература к этому времени уже слишком далеко отошла от чистого родника, питавшего творчество Мирры Лохвицкой. После 1908 года и до наших дней из печати не вышло ни одной книги ее стихов, и только в последние годы в различных сборниках и антологиях стали попадаться в небольшом количестве отдельные, причем, как правило, не самые сильные, ее стихотворения.

В. Брюсов в некрологе Мирры Лохвицкой написал: "Для будущей "Антологии русской поэзии" можно будет выбрать у Лохвицкой стихотворений 10-15, истинно безупречных". При всем уважении к мэтру символизма позволю себе не согласиться с его снисходительным утверждением и предположить, что таковых у Мирры Лохвицкой по крайней мере в 4-5 раз больше, чего, как показало беспощадное время, нельзя, к сожалению, сказать о самом В. Брюсове.

История мировой культуры переполнена фактами, когда публика отвергала великого творца, опередившего ее на каком-то этапе. Так было, например, с Пушкиным в конце 20-х годов прошлого века... Но здесь случай особый: "время" отвергло вечность.

Что-то всеми навек утрачено...
Май мой синий! Июнь голубой!
Не с того ль так чадит мертвечиной
Над пропащею этой гульбой.

С. Есенин. **"Снова пьют здесь, дерутся и плачут..."**

Новое время – новые песни.

Прошло сто лет с того времени, когда творила Мирра Лохвицкая. Конечно, нам, чей вкус, с одной стороны, основательно испорчен десятилетиями назойливой пропаганды, а с другой – изощрен на произведениях великих поэтов XX века, приходится делать над собой некоторое усилие, чтобы войти в мир ее поэзии, ее образов и приемов стиха. Но разве устарели Гомер, Шекспир или Пушкин? Торжественность слога и кажущаяся архаичность языка многих стихотворений Лохвицкой – той же высокой пробы, что присуща поэзии Державина, Баратынского, Максимилиана Волошина или, к примеру, позднего Заболоцкого. Настойчивость вдумчивого читателя будет вознаграждена в полной мере.

Когда я с честью пронесу
Несчастий бремя,
Означится, как свет в лесу,
Иное время.

Б. Пастернак. "**Когда я честью пронесу...**"

Религиозная поэзия Мирры Лохвицкой представляется мне в своих лучших образцах явлением уникальным и высокосовершенным. И чем же завершить эту первую попытку ее возрождения в наши дни, как не ее стихами:

Что значит рознь *времен* и мест?
Мы все сольемся в бесконечности.
Один, во мраке черной вечности,
Простерт над нами скорбный Крест.

Гив ЛАХУТИ

Стихотворное творчество Мирры Лохвицкой

***

Душе очарованной снятся лазурные дали,
Нет сил отогнать неотступную грусти истому,
И рвется душа, трепеща от любви и печали,
В далекие страны, незримые оку земному.

Но время настанет, и, сбросив оковы бессилья,
Воспрянет душа, не нашедшая в жизни ответа,
Широко расправит могучие, белые крылья,
И узрит чудесное – в море блаженства и света!

МОЕ НЕБО

Небо и все наслаждения неба я вижу
В личике детском – и глаз оторвать не могу я...
Ангел безгрешный, случайно попавший на землю,
Сколько ты счастья принес! Как ты мне дорог, дитя!

Вьются и золотом кудри твои отливают,
Блещут вкруг милой головки твоей ореолом,
Весь ты – как облачко, светом зари залитое,
Чистый, как ландыш лесной – майский прелестный цветок!

С кроткою лаской иссиня-темные глазки
В душу мне смотрят и цветом походят на небо,
Вмиг потемневшее перед грозою весенней...
Небо во взоре твоем я созерцаю, дитя!

Где та страна, о которой лепечут нам сказки?
В край тот чудесный тебя на руках бы снесла я,
Молча, босая, по острым каменьям пошла бы,
Лишь бы избавить тебя — терний земного пути!

Боже! Послав мне ребенка, ты Небо открыл мне,
Ум мой очистил от суетных, мелких желаний,
В грудь мне вдохнул непонятные, новые силы...
В сердце горячем зажег пламя бессмертной любви!

30. 6. 1894

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Вечер настал, притаились ручьи,
Гаснет сиянье зарниц.
Нежно упала на щечки твои
Тень шелковистых ресниц.

В дальнем лесу на прощанье свирель
Трель отзвучала свою...
Тихо качая свою колыбель,
Песню тебе я пою.

Долго, любуясь тобой перед сном,
Я созерцаю, любя,
Небо во взоре невинном твоем,
Рай мой в глазах у тебя.

Долго смотрю я на ангельский лик.
"Милый, — твержу я, грустя, —
Ты еще крошка, а мир так велик...
Будешь ли счастлив, дитя?"

Видит лишь месяц средь темных ночей,
Что я на сердце таю.
Шлет он мне сноп серебристых лучей,
Слушает песню мою...

Спи! Не одна я счастливой судьбой
Бодрствую в мраке ночном:
Ангел-хранитель не спит над тобой
И осеняет крылом.

11. 9. 1892

В СКОРБИ МОЕ

В скорби моей никого не виню.
В скорби — стремлюсь к незакатному дню.
К свету нетленному пламенно рвусь.
Мрака земли не боюсь, не боюсь.

Счастья ли миг надо мной промелькнет,
Злого безволья ль почувствую гнет,
Так же душою горю, как свеча,
Так же молитва моя горяча.

Молча пройду я сквозь холод и тьму,
Радость и боль равнодушно приму.
В смерти иное прозрев бытие,
Смерти скажу я: "Где жало твое?"

ДЕНЬ ДУХА СВЯТОГО

День Духа Святаго блюдите, избранники,
Суровые странники с бледным челом,
Живыми молитвами, всечасными битвами
Боритесь, боритесь с ликующим Злом.

В день Духа Святаго молитесь, избранники,
Усталые странники призрачных стран,
Молитв о знаменьи небесного пламени,
Да славою будет ваш путь осиян.

В день Духа Святаго стучитесь, избранники,
Могучие странники давних времен,
Во храмы безлюдные, в сердца непробудные;
Поведайте миру, что враг побежден!

МОЛИТВА ГИБНУЩИХ

О Боже праведный! Внемли моления
За души гибнущих без искупления,
За всех тоскующих, за всех страдающих,
К Тебе стремящихся, Тебя не знающих!

Не вам, смиренные, чья жизнь — молчание,
Молю покорности и упования:
Вам, духом кроткие, вам, сердцем чистые,
Легки и радостны тропы тернистые.

Но вам, мятежные, глубоко павшие,
Восторг с безумием и злом смешавшие,
За муки избранных, за боль мгновения
Молю познания и откровения!

СВЯТОЕ ПЛАМЯ

Напрасно в безумной гордыне
Мою обвиняют мечту
За то, что всегда и поныне
Я Духа великого чту.

Горда осенением лазурным
Его голубого крыла,
Порывам ничтожным и бурным
Я сердце свое заперла.
Но храма высот не разрушу!
Да светочи к Свету ведут.
Несу я бессмертную душу,
Ее же представлю на Суд.
Мой разум стремится к вершине
И к зову вседневного глух.
Со мною всегда и поныне
Великий и благостный Дух.

Поправших его наказуя,
Он жив и могуч для меня.
Бессмертную душу несу я,
Как пламя святого огня!

КРАСНАЯ ЛИЛИЯ

Под тенью, меж колоннами, ведущими во храм,
Уснула Дева чистая, сжигая фимиам.
Мечты ее безгрешные небесный сон повил:
Пред нею вестник радости — Архангел Гавриил.

От риз его сияние, какого в мире нет.
Он держит красной лилии благоуханный цвет.
Он к спящей наклоняется на сон ее взглянуть
И шепчет: "Благодатная, благословенна будь!"

И сонмы светлых ангелов, и тьмы бесплотных сил,
Склоняясь над пречистою, парят в дыму кадил.
И каждый символ-лилию роняет ей на грудь,
И каждый вторит радостно: "Благословенна будь!"

НЕБЕСНЫЕ ОГНИ

В высоком небе горят огни.
О счастье вечном поют они.

Зовет немолчно их стройный клир
К чертогу Света на брачный пир,

Где песней звездной гремит напев,
Где слышны гимны блаженных дев.

И хор небесный во мне зажег
Святую веру в святой чертог.

***

Нет без Тебя мне в жизни счастья:
Ни в бледных снах любви иной,
Ни в упоеньи самовластья,
Ни в чем — когда Ты не со мной.

Устало дремлет вдохновенье.
Тяжел и скучен путь земной.
Где отдых мой, мое забвенье,
Где жизнь — когда Ты не со мной?!

Публикация Гива ЛАХУТИ

7502 - Хронограф - 1994

21-23 июня 1994 года в Свято-Даниловом монастыре прошла межконфессиональная конференция "Христианская вера и человеческая вражда". Христиане разных исповеданий СНГ и Балтии обсудили положение, создавшееся в государствах некогда единого СССР, и проблемы резкого обострения вражды на этих территориях. Кроме глав и представителей Церквей и религиозных объединений, в конференции приняли участие пастыри, духовные наставники и другие христианские деятели, прибывшие из различных регионов СНГ и Балтии, в которых проблема межнациональной и гражданской вражды особенно остра. В конференции также участвовали представители международных христианских организаций: Всемирного Совета Церквей, Конференции Европейских Церквей, Совета Европейских Епископских конференций, Национального Совета Церквей Христа в США, Христианской мирной конференции, Поптификального Совета по содействию христианскому единству. В качестве наблюдателей присутствовали представители ислама, буддизма и иудаизма.

Коротким вступительным словом конференцию открыл Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II. Он, в частности, отметил: "Сегодня мы снова делаем друг другу шаг навстречу. И за это нельзя не благодарить Бога. Мы - служители единого Господа Иисуса Христа, и я верю, что наша встреча есть плод действия Его Промысла, дающего нам возможность именно сейчас, когда живущие в наших странах люди разделены, а иногда даже вовлечены в братоубийство, вспомнить слова Библии: *Как хорошо и как приятно жить братьям вместе* (Пс. 132, 1).

На пленарных заседаниях с докладами выступили митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл ("Церковь, общество, мир Христов. Русская Православная Церковь, ее служение примирению и перспективы межконфессионального миротворческого сотрудничества в странах СНГ и Балтии"); Председатель Союза Евангельских христиан-баптистов Российской Федерации П. Б. Коновальчик ("Христианское понимание и отношение к формам выражения национального самосознания"); архиепископ Тадеуш Кондрусевич, апостолический администратор для католиков латинского обряда европейской части России ("Христианское отношение к политике").

Вопросы, затронутые конференцией, обсуждались на заседаниях "круглых столов".

Конференцией были приняты "Воззвание" и "Итоговый документ межконфессиональной конференции "Христианская вера и человеческая вражда", в котором говорится:

"Новая историческая реальность, давшая нашим народам возможность самоопределения, в то же время привела к возникновению на территории СНГ многих межнациональных, гражданских и иных конфликтов, сопровождающихся насилием и человекоубийством.

Мы отказываемся признавать эти конфликты имеющими религиозную почву и всей силой своего авторитета свидетельствуем, что использование религиозной мотивации для разжигания конфликтов и оправдания несправедливого насилия есть грех против Господа и Евангелия. Подлинную причину кровопролитных конфликтов и иных межнациональных осложнений мы видим в идеологизированной политике тоталитаризма, подавлявшей национальные чувства и решавшей сложные, веками существующие между народами проблемы волюнтаристским путем, а также в том, что народы, созидающие свою государственность, еще не вполне научились использовать свободу во благо себе и друг другу, строить свои взаимоотношения в духе уважения интересов и законных чаяний друг друга"...

"В нынешнее сложное время мы, верующие в Единого Господа, должны сделать все, чтобы вера не разделяла, но соединяла людей разных национальностей и культур. Это тем более важно, если иметь в виду традиционную связь некоторых Церквей и религиозных объединений с историческими традициями народов, с их национальным самосознанием"...

"Учение Христа обязывает нас относиться друг ко другу не только с взаимной терпимостью, но и с любовью, сочувствием, уважением к иной культурной традиции, препятствовать проявлениям ксенофобии, фанатизма и религиозного экстремизма"...

"Выражаем озабоченность возникновением в наших странах псевдорелигиозных групп, посягающих на жизнь, здоровье, права, свободы и достоинство человеческой личности"...

"Церкви должны иметь свободу обращать к власть предержащим и ко всему народу свое слово, наполненное правдивой, бескомпромиссной и нравственно обоснованной оценкой происходящего в обществе и государстве"...

"Не должно допускаться и разрушение накопленного веками духовного, экономического, научного, культурного и интеллектуального потенциала ради коммерческой выгоды или в угоду каким-либо социально-политическим доктринам"...

"Мы говорим, что деловая жизнь должна созидаться на основе нравственности и справедливости. Приобретение богатства, неизбежно сопровождающееся властью над людьми, влечет за собой и нравственную ответственность за благо этих людей"...

"Мы считаем, что в центре внимания экономических забот общества должен стоять человек с его насущными потребностями, и призываем оградить его от разрушающего воздействия алкоголя, наркотиков и табака. Исходя из этого считаем, что реклама такого рода изделий не должна поощряться"...

"Для того чтобы действия христиан, направленные на благо общества, были скоординированы и открыты для обсуждения христианами разных исповеданий, а также для решения проблем и спорных вопросов, могущих возникать между христианами, мы согласились создать постоянно действующий механизм межхристианского сотрудничества, в работу которого могли бы включиться христианские Церкви и религиозные объединения, традиционно осуществляющие свое служение в странах СНГ и Балтии"...

"Мы также заявляем о своей открытости верующим нехристианских религий и нашим нерелигиозным братьям и сестрам, с которыми мы готовы сотрудничать на общее благо в любых возможных на сегодняшний день формах"...

В который уже раз Русская Православная Церковь взывает к смирению и братскому единству! Будут ли и на этот раз практические результаты - одному Богу известно.

• Российской Голгофой назвал Святейший Патриарх Алексий и север Тюменской области. 28 июня он посетил вертолетом полуостров Хэ - место ссылки Патриаршего Местоблюстителя Митрополита Петра (Полянского) - одного из самых видных российских иерархов первой половины века. Патриарх осмотрел место, на котором в 1901 году в ненецком поселении Хэ был построен храм Святителя Николая, а на кладбище, расположенном на холме над Обской губой, совершил заупокойную литию: здесь в годы советской власти нашли упокоение многие и многие сосланные в этот суровый край. Сегодня на этом месте сибирским казачеством воздвигнут памятный крест.

Предстоятель Церкви побывал также в ненецком рыбацком поселении Ярцинги и осмотрел с вертолета печально знаменитую "501-ю" стройку: железнодорожную ветку Салехард-Игарка, построенную в сталинские годы буквально на костях людей и ныне заброшенную. С высоты птичьего полета взору предстали бараки и вышки бывших лагерей, где десятки и сотни тысяч россиян несли каторжный труд и закончили свою жизнь. Посреди голой тундры, где до ближайшего жилья в лучшем случае час вертолетом, идет насыпь с искрившимися от вечной мерзлоты ржавыми рельсами и через каждые 20-30 километров - заброшенные лагеря. "Это стройка в никуда. Она напоминает нам сегодня о трагедии, постигшей народ", - сказал Святейший Патриарх на состоявшейся по возвращении в Надым пресс-конференции.

• 21 июня Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II принял в своей резиденции в Свято-Даниловом монастыре великую княгиню Марию Владимировну и сопровождавших ее лиц. Семья потомков Российского Императорского дома вернулась из поездки по Русскому Северу, где посетила ставропигиальный Соловецкий монастырь и другие святыни Русской Православной Церкви.

• В целях духовного возрождения общества и углубления сотрудничества в сфере образования, культуры, здравоохранения администрация Кемеровской области и Кемеровская и Новокузнецкая епархия подписали Соглашение по совместной работе и сотрудничеству в деле поддержки и развития системы православно-христианского образования; согласились содейство-

вать созданию, реализации и экспертизе инновационных духовно-просветительских проектов, программ, учебной литературы, направленных на возрождение и развитие духовности, культуры и образования Кузбасса, а также принимать участие в конкретных проектах по духовному просвещению, нравственному воспитанию, развитию культуры, милосердия и пр. Уже летом 1994 года проведены первые совместные мероприятия, так что есть основания полагать, что Соглашение окажется долговременным и плодотворным, послужит образцом или примером для других областей России.

• Прошедший в Москве международный христианский семинар "Тоталитарные секты в России", организованный Центром святого Иринея Лионского, обсудил опасности, возникающие на путях современных духовных поисков. Выступивший на семинаре епископ Красноярский и Енисейский Антоний отметил, что в принципе Русская Православная Церковь относится весьма миролюбиво к другим конфессиям. Однако, по его словам, сегодня Россия переживает нашествие религиозных сект, которые вряд ли можно назвать самостоятельными учениями и религиями.

Еще в 1992 году родители-москвичи, чьи дети покинули дома и ушли в религиозные секты "Белое братство", "Богородичный центр", "Аум Синрике" и др., объединились и создали Комитет по спасению молодежи от псевдорелигий. Сегодня он насчитывает около 200 пострадавших родителей.

• В селе Подолине Солнечногорского района Московской области местный фермер Владимир Гриев на собственные средства построил храм по образцам древнерусского деревянного зодчества. Освящая новый храм, митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий вручил фермеру орден святого равноапостольного князя Владимира II степени.

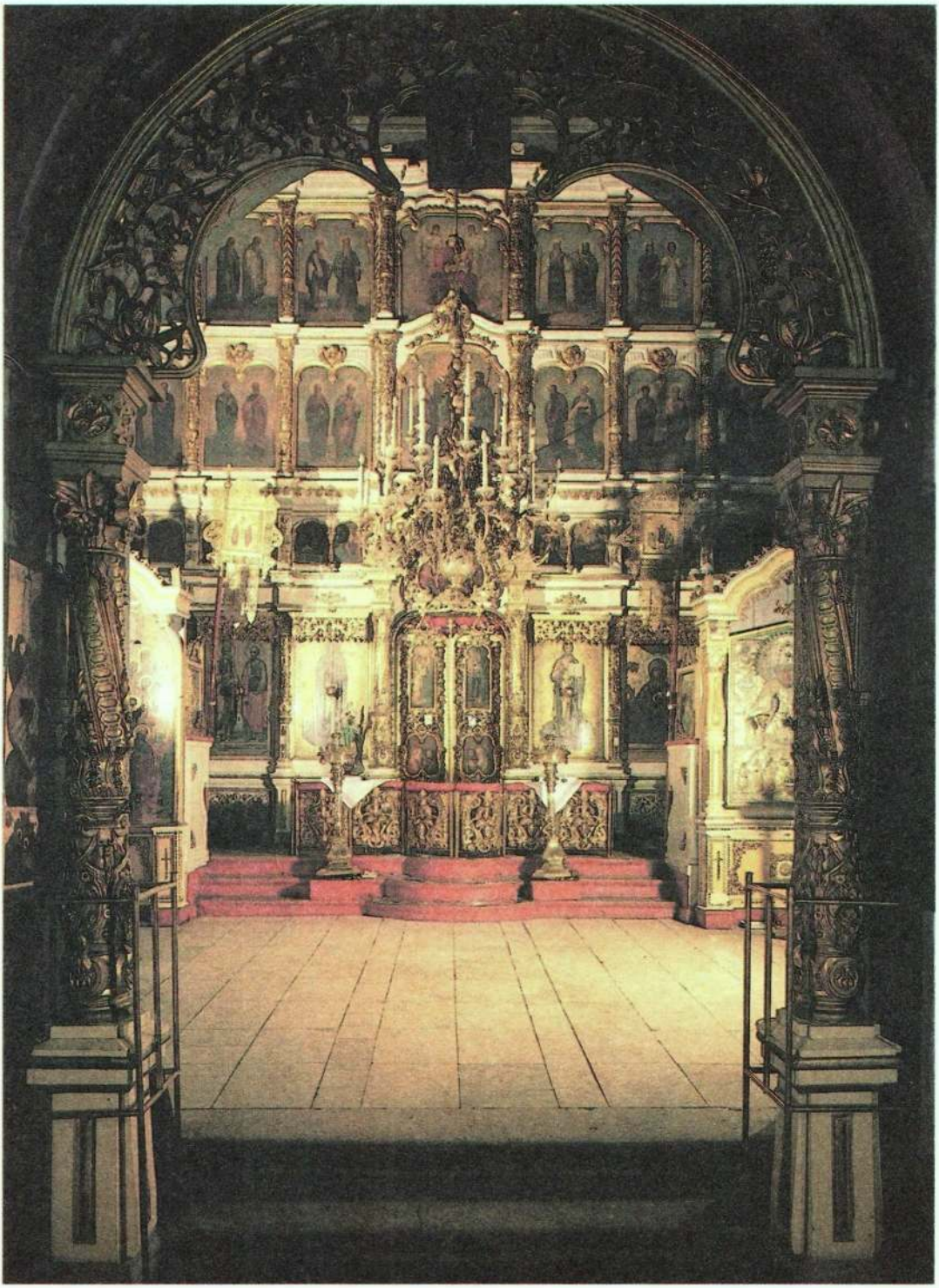
• 115 наименований богослужебной утвари - иконы, коллекции крестов, плащаница - переданы из запасников воронежских музеев Воронежско-Липецкому епархиальному управлению. В настоящее время в епархии реставрируется четвертый по счету монастырь, восстанавливается свыше 15 храмов. Кроме того, при епархиальном управлении создается церковный музей.

• В орловском Богоявленском храме состоялся благодарственный молебен в связи с постановлением главы Орловской областной администрации Егора Строева о передаче храма православной общине Орловско-Ливенской епархии. До последнего времени в храме размещался театр кукол.

• 16 июня в Санкт-Петербурге завершил работу международный семинар "Православие и государственная власть в России в IX-XX веках". В нем приняли участие ученые из России и зарубежных стран. Были заслушаны и обсуждались доклады на темы: "Русская Православная Церковь и советское государство в период 1943-1953 годов", "Преодоление раскола между светским и духовным в человеческом обществе", "Дискуссии по петровским реформам на Поместном Соборе 1917-1918 годов".

Подписано в печать 03. 11. 94. Заказ 3042. Индекс 71157.

Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический комбинат
Министерства печати и информации Российской Федерации
142300, г. Чехов Московской области

ИНТЕРЬЕР ХРАМА ВО ИМЯ СВЯТЫХ АПОСТОЛОВ ПЕТРА И ПАВЛА У ЯУЗСКИХ ВОРОТ, МОСКВА

ИЗДАНИЕ
МОСКОВСКОЙ
ПАТРИАРХИИ